

В. КОРСАКЪ

У БѢЛЫХЪ

ПАРИЖЪ

ТОГО-ЖЕ АВТОРА :

Плѣнь. — Изд. «Родникъ». Парижъ 1927.

Забытые. — Изд. «Родникъ». Парижъ 1928.

Исторія одного контролера. — Изд. Родникъ». Парижъ 1929.

У красныхъ. — Изд. «Москва». Парижъ 1930.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ :

Великій исходъ.

В. КОРСАКЪ

У БѢЛЫХЪ

Les humbles sont les plus proches
parents des héros.

QUINTON

ПАРИЖЪ

1931.

Посвящаю моей жень.

ГЛАВА I.

Весь день 5-го августа 1919 года вокругъ Кіева шла оглушительная артиллерійская пальба.

Подъ вечеръ загремѣли по мостовымъ длинные обозы. Это отступали большевики. По Крещатику черезъ Подоль они уходили по направленію къ Вышгороду.

Ночь прошла, въ общемъ, спокойно. Иногда только тревожили насъ рѣдкіе выстрѣлы нѣсколькихъ орудій, занимавшихъ позицію гдѣ-то у Владимирской горки.

Наступило утро. Взошло солнце — ясное, теплое; оно застало кіевлянъ уже на ногахъ передъ воротами домовъ; совѣщались, можно-ли пойти въ городъ, посмотреть, что тамъ дѣлается, или нѣтъ. Наконецъ, послѣ разговоровъ и колебаній, самые смѣлые отправились и изъ нашего дома на развѣдки. Минуть черезъ пять послѣ ихъ ухода, къ автомобильному гаражу, не вдалекѣ отъ нашего дома, подъѣхалъ большой грузовикъ. На платформѣ стояло множество людей съ бѣлыми повязками на рукавахъ. Это была мѣстная самооборона, организованная какимъ-то кіевскимъ эсеромъ, для защиты жителей отъ разбоевъ.

Подождавъ еще немного, мы съ хозяиномъ тоже рѣшили пойти въ городъ. У Большого театра насъ окружила толпа, и мы услышали радостные крики; въ садикѣ, передъ Оперой, лежали на травѣ пять или шесть

петлюровскихъ солдатъ. У каждаго на поясѣ висѣло по нѣсколько бомбъ. Но видъ у самихъ солдатъ былъ очень мирный и благодушный; они улыбались и что-то рассказывали высокому, плотному человѣку въ штатскомъ костюмѣ. Черезъ нѣсколько шаговъ намъ повстрѣчался петлюровскій офицеръ, онъ былъ въ обмоткахъ, пенснэ и сѣромъ френчѣ и очень походилъ на петербургскаго франтоватаго гимназиста. Но балакалъ онъ только по-украински и «московской мовы» не понималъ.

Для кіевскихъ самостійниковъ и самостійницъ появленіе петлюровцевъ было большимъ торжествомъ. На обратномъ пути мы увидѣли уже много мужчинъ въ вышитыхъ сорочкахъ и широкихъ штанахъ; женщины понадѣвали мониста и вплели въ косы ленты національныхъ цвѣтовъ.

На дверяхъ одной изъ гостинницъ былъ приклеенъ плакатъ: приглашали записываться въ городскую милицію. Я подумалъ — не пойти ли записаться, чтобы быть при какомъ-нибудь дѣлѣ; подумалъ — и не пошелъ, самъ не знаю, почему.

Не доходя до дома — мы жили въ концѣ Фундукле-евской — я увидѣлъ на стѣнѣ небольшіе листочки, подписанные какимъ-то комитетомъ — обращеніе къ рабочему населенію. Спутникъ мой пошелъ домой, а я остался и перечиталъ ихъ всѣ.

Воззванія были какъ воззванія: звонкія и, пожалуй, пустоватыя. Они тонули въ общихъ мѣстахъ: большевики — злодѣи, большевики такіе, сякіе; большевики не могутъ и не умѣютъ править... Но всѣ знали это и безъ воззваній. Тотъ, кто составлялъ ихъ, сказалъ-бы гораздо больше, если бы онъ привелъ цѣны, хотя бы только на хлѣбъ, дѣ большевиковъ и при большевикахъ.

Народу выходило на улицу все больше и больше. Еще вчера можно было подумать, что Кіевъ совсѣмъ обезлюдѣлъ; а сегодня — разряженыя женщины, воен-

ные въ формахъ и съ орденами, чиновники — съ петлицами и значками.

Всѣ улыбались, всѣ были довольны и радовались освобожденію отъ большевиковъ.

Изъ-за угла навстрѣчу выѣхали неожиданно три донскихъ казака и полковникъ. Это были уже добровольцы. Толпа, увидѣвъ ихъ, стала кричать «ура» и бросала имъ цвѣты.

Когда я вернулся, мой хозяинъ былъ уже дома. Онъ сидѣлъ въ кухнѣ на поставленномъ торчмя полѣнѣ и рассказывалъ своей младшей сестрѣ о томъ, что мы видѣли съ нимъ въ городѣ. Она готовила обѣдъ и слушала брата съ большимъ вниманіемъ. Она была тоже рада, иногда переспрашивала, улыбалась и весело возилась со своей стряпней. Ихъ родственникъ, студентъ, съ сундука прислушивался къ разговору. Старуха-мать колола щепки для самовара.

Я подсѣлъ къ этой мирной компаніи.

— Наконецъ-то большевики ушли, — сказала молодая хозяйка, — тамъ пусть будетъ, что будетъ, хуже ужъ не можетъ быть, чѣмъ при нихъ... А какъ вы спали? — обратилась она ко мнѣ.

— Немного, но крѣпко. Все-таки побаивался, какъ бы шальной снарядъ не залетѣлъ.

— Я этого не боялась. Думала, какъ бы только съ вами, мужчинами, чего не случилось.

Я вспомнилъ послѣдній приказъ большевиковъ — явиться въ милицію всѣмъ мужчинамъ со смѣной бѣлья и хлѣбомъ.

Къ обѣду пришла старшая сестра хозяина Анна Егоровна. Она успѣла побывать во всемъ почти городѣ и рассказала, что видѣла много войскъ — и петлюровскихъ, и деникинскихъ — и что на какой-то улицѣ толпа нашла большевика.

— Секретаремъ, что-ли, въ чекѣ служилъ. Какой-то чиновникъ его узналъ, они тамъ отца и брата его замутили; отпираться не сталъ. «Голубчики, пощадите», — началъ кричать, — «не буду большевикамъ служить, буду вамъ служить»... На колѣни сталъ, прощенія просилъ, каялся, самъ блѣдный преблѣдный. Но толпа его, кто чѣмъ — и ногой, и камнемъ, и палкой... Подъѣхалъ казакъ, шашкой ужъ добилъ его, — закончила Анна Егоровна.

Кромѣ того, она сообщила, что между петлюровцами и деникинцами, какъ говорили въ толпѣ, появились уже нелады. Такимъ образомъ, надежда на союзъ между Деникинымъ и Петлюрой оказывалась напрасной. Безъ этого-же союза побѣда надъ большевиками не могла быть прочной. Вотъ почему, всѣхъ очень интересовало, какую форму примутъ отношенія между добровольцами и петлюровцами. Первые шли подъ лозунгомъ: «Единая и недѣлимая Россія», вторые — признавали только самостоятельную Украину. Ближайшее будущее должно было показать, что можетъ произойти при встрѣчѣ этихъ двухъ устремленій.

Послѣ обѣда я еще пошелъ пройтись по Кіеву. День былъ прекрасный. Самостійники щеголяли въ своихъ цвѣтныхъ костюмахъ, русскіе, — въ формахъ, военныхъ и невоенныхъ. Оба теченія не смѣшивались. Особого дружелюбія не замѣчалось, но и вражды тоже не было. Я прошелъ на Владимирскую горку и залюбовался открывавшейся оттуда картиной. Масса зелени, просторъ, далекій лѣсъ... Надъ темной извилиной Днѣпра, вдали за городомъ, высоко плавала желтая, большевицкая колбаса. Оттуда, вѣроятно, наблюдали, что дѣлается въ Кіевѣ. На скамейку, гдѣ сидѣлъ я, подсѣлъ пожилой чело-вѣкъ въ инженерной формѣ. Вдругъ совсѣмъ близко отъ насъ затрещалъ браунингъ; двѣ-три пули съ визгомъ пронеслись около моего лица. Я оглянулся на со-

сѣда; онъ уже убѣжалъ. Трудно было понять, откуда стрѣляли, домовъ по близости не было; стрѣлокъ долженъ былъ скрываться или за ближайшимъ заборомъ, или за кустами. Въ кустахъ, однако, я никого уже не нашелъ.

Это были первые таинственные выстрѣлы, которые мнѣ пришлось слышать, и которыхъ такъ много было потомъ въ Кіевѣ. Глухая молва приписывала ихъ оставшимся большевикамъ и евреямъ.

Съ мыслями о будущемъ я вернулся домой. Наша колонія, за исключеніемъ Анны Егоровны и студента, сидѣла и пила чай. Я присѣлъ за столъ; пошли разговоры о томъ, что насъ ждетъ. Въ сумеркахъ уже пришла Анна Егоровна со студентомъ.

— Передъ городской думой собралась толпа; говорили, что между деникинцами и петлюровцами что-то произошло изъ-за флаговъ. Но, должно-быть, теперь все уладилось — сама видѣла на балконѣ два флага — русскій и украинскій, — сообщила Анна Егоровна.

Не успѣла она кончить, какъ вдругъ раздалась пушечная канонада. Стрѣляли гдѣ-то вблизи, съ правильными промежутками. Продолжалась стрѣльба минутъ 10-15. Студентъ выскочилъ узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что петлюровская артиллерія замѣтила большевицкій отрядъ, тысячи въ полторы, подходившій къ Кіеву, и обстрѣляла его.

Разошлись спать рано, вчерашняя безпокойная ночь утомила всѣхъ. Засыпалъ я съ радостнымъ чувствомъ: нечего больше бояться обысковъ, арестовъ, разстрѣловъ... А въ душѣ бродило большое благодарное чувство къ тѣмъ, кто избавилъ насъ отъ кошмарныхъ переживаній.

Ночью я нѣсколько разъ просыпался отъ какого-то шума: словно внизъ по улицѣ спускался безконечный

обозъ. Въ полусонномъ сознаніи мелькала мысль, что это прибываютъ въ Кіевъ подкрѣпленія, что большевиковъ уже нѣтъ, и имъ пришелъ конецъ.

На слѣдующее утро въ кіоскахъ появился уже «Кіевлянинъ». Его можно было достать только послѣ долгаго стоянія въ очереди.

Въ первомъ номерѣ, въ небольшой передовой статьѣ, авторъ сообщалъ, что было предсказаніе о томъ, какъ послѣ десяти не настоящихъ властей придетъ одиннадцатая — настоящая, долговѣчная. Придетъ и осядетъ въ праматери русскихъ городовъ. Этой одиннадцатой властью, по словамъ автора, и была добровольческая.

Этой же ночью, какъ сообщалъ «Кіевлянинъ», произошелъ полный разрывъ между петлюровцами и денкинцами: петлюровскій флагъ былъ не то снятъ съ Думы, не то даже сорванъ, а петлюровскимъ войскамъ было предъявлено требованіе — выйти изъ города. Петлюровцы подчинились и вышли; но на прощаніе они произвели ночью, въ темнотѣ, одинъ или два выстрѣла по Городской Думѣ и такъ мѣтко, что одинъ снарядъ попалъ въ карнизъ зданія и сдѣлалъ большую брешь.

Какъ-бы тамъ ни было, добровольцы остались господами положенія, и вскорѣ въ Кіевъ прибылъ штабъ ген. Бредова.

Новая власть выпустила цѣлый рядъ приказовъ. Первый говорилъ объ «отмѣнѣ всѣхъ большевицкихъ распоряженій и о возстановленіи прежнихъ владѣльцевъ въ ихъ правахъ»... Возстановливался также прежній судебный и административный аппаратъ.

Затѣмъ была объявлена регистрація офицерскихъ чиновъ.

Регистрація происходила во дворѣ комендантскаго управленія. Когда я пришелъ туда, тамъ была уже масса военныхъ — полковники, капитаны, поручики, прапорщики; было нѣсколько генераловъ. Одни ходили уже

въ формѣ, другіе, меньшинство, — въ штатскомъ. Знакомились, дѣлились впечатлѣніями.

Въ надеждѣ на уходъ большевиковъ, офицерство бѣжало въ Кіевъ изъ Москвы, изъ Петрограда, изъ Могилева, изъ Чернигова, изъ Казани. Ожидая прихода добровольцевъ, люди прятались въ лѣсахъ, въ погребяхъ, на чердакахъ, въ стогахъ сѣна; одинъ прапорщикъ около сутокъ провелъ въ канализаціонной трубѣ; какой-то капитанъ прожилъ около недѣли въ купальняхъ; шесть человекъ пріѣхали въ лодкѣ и скрывались въ камышахъ.

Записывали офицеровъ въ алфавитномъ порядкѣ. До меня очередь въ этотъ день не дошла; около четырехъ часовъ всѣ разошлись. Я пришелъ домой, поѣлъ, а подъ вечеръ мы съ хозяиномъ пошли прогуляться. Странно было: никто ничего не боялся, люди не хватились за карманы — проверить, есть-ли съ собой документы, исчезли бритые хари съ безпокойными рыщущими глазами. Въ сумеркахъ раздавался смѣхъ, громко говорили, и только отвратительный, сладковато-тошнотворный запахъ изъ Анатомическаго театра говорилъ объ убійствахъ, которыя совершались еще такъ недавно въ большевицкихъ застѣнкахъ, и вопіалъ противъ пощады тѣмъ, кто упивался предсмертными муками и кровью своихъ, ни въ чемъ не повинныхъ, жертвъ.

На другой день мнѣ удалось, наконецъ, несмотря на еще большую толпу, получить регистраціонную карточку. На ней стояло мое имя, фамилія, годъ рожденія, чинъ и полкъ, гдѣ я служилъ во время германской войны. Съ этой карточкой мнѣ надо было явиться въ Реабилитаціонную Комиссію и представить, кромѣ того, свое *curriculum vitae* отъ начала германской войны до настоящаго момента. Для тѣхъ, которые у большевиковъ не служили и имѣли какіе-нибудь старые документы, удостовѣрившіе ихъ личность, дѣло конча-

лось въ Реабилитаціонной Комиссіи: они могли поступать въ Добровольческую армію немедленно.

Въ противномъ же случаѣ, дѣло выходило сложнѣе; разъ въ *curriculum vitae* офицеръ писалъ, что онъ служилъ у большевиковъ, Реабилитаціонная Комиссія отсылала его дѣло въ контръ-развѣдку. Изъ контръ-развѣдки товарищъ прокурора отсылалъ дѣло со своимъ заключеніемъ въ четвертое учрежденіе — Военную судебно-слѣдственную Комиссію. Эта комиссія разсматривала дѣло окончательно и препровождала его на заключеніе къ коменданту города. При чемъ, если кто не имѣлъ стараго послужного списка или другихъ не менѣе солидныхъ документовъ, онъ долженъ былъ доказывать свою личность при помощи управляющаго домомъ и двухъ благонадежныхъ свидѣтелей.

Вотъ, что надо было пройти. У меня, какъ и у большинства офицеровъ, никакихъ документовъ, кромѣ совѣтскихъ, не было.

И вечеромъ, сидя надъ своей біографіей, я задумался — писать или не писать о службѣ у большевиковъ?

Написать — значитъ быть канцелярской волокитѣ. Я подумалъ, поколебался и написалъ. Можетъ быть, чтобы не краснѣть потомъ и не быть уличеннымъ во лжи.

Съ превеликимъ трудомъ кончилъ я свое *curriculum vitae*.

Лучше было бы, если бы можно было совсѣмъ не писать, служилъ человѣкъ или нѣтъ — совѣтской власти. Разъ люди пришли добровольно, рискуя не только собой, но и своими родными — какіе вопросы могли быть еще.

Такъ думалъ я, глядя на свою біографію.

Пришла Ольга Егоровна, утѣшила меня и сказала, что ходятъ слухи о томъ, что совѣтскія деньги будутъ аннулированы; приниматься же будутъ только царскія, керенки и добровольческія.

— Если братъ не найдетъ мѣста, придется продавать платье; не хотѣлось бы, на зиму глядя... — сказала она.

Утромъ я направился въ Реабилитационную комиссію. Помѣщалась она далеко, въ Липкахъ.

Я шелъ тихо, читая на стѣнахъ объявленія и воззванія. Формировавшіяся части приглашали своихъ прежнихъ сослуживцевъ; разные союзы и блоки расклеивали свои программы и призывы; партизанскіе отряды принимали добровольцами всѣхъ желавшихъ; воскресали старые полки и звали своихъ однополчанъ. Новыя техническія части искали специалистовъ. Были расклеены выдержки изъ бурцевскихъ статей противъ большевиковъ.

Медленно подвигаясь, я нашелъ наконецъ нужную улицу. Около одного дома я увидѣлъ кучку офицеровъ — тутъ и помѣщалась Реабилитационная Комиссія.

Я вошелъ во дворъ. Дворъ былъ большой, неровный, вымощенный круглымъ булыжникомъ, пыльный; въ концѣ его находился садикъ съ небольшой бесѣдкой, покрытой дикимъ, уже покраснѣвшимъ виноградомъ. Приземистый кленъ покрывалъ своею тѣнью бесѣдку и половину сада. Во дворѣ толпилось около ста офицеровъ. Тутъ можно было видѣть всѣ возрасты, чины и ордена. Было жарко, и всѣ невольно искали тѣни. Особенно много было народа на террасѣ низкаго, но просторнаго дома. Я направился туда. Какой-то офицеръ въ пенснэ, тонкій, худой, веснушчатый, составлялъ списокъ.

Я записался. Мой номеръ былъ не то 60-й, не то 70-й.

На всякій случай я сталъ поближе. Очередь очередью, но чтобы ее кто-нибудь не захватилъ, я протискался къ двери, на которой висѣлъ списокъ, и заглянулъ въ окно. Первая комната была очевидно столовой; тамъ было пусто; стоялъ только темный дубовый бу-

фетъ. Изъ столовой въ другія комнаты вели три двери: направо и налево — небольшія, филанчатыя; напротивъ — большая, рѣзная, орѣховая. Иногда она открывалась; показывался пожилой человѣкъ во всемъ англійскомъ; на узенькихъ погонахъ сѣраго френча было нашито по двѣ полосы. Этотъ полковникъ и былъ председателемъ Реабилитационной комиссіи; какъ говорили на террасѣ, у него еще было два или три помощника.

Комиссія засѣдала гдѣ-то въ глубинѣ дома. Допросъ продолжался минутъ 10-15. Во дворѣ, на «очистившихся отъ большевизма» набрасывались съ вопросами: какъ и что? Но тѣ только махали руками и поскорѣе уходили. Всѣ томились. Я стоялъ, смотрѣлъ и испытывалъ какое-то неловкое, непріятное чувство. Среди этой толпы, большая часть которой была уже въ формѣ, я, — безъ погонъ и даже безъ офицерской кокарды, чувствовалъ себя одинокимъ. Но надѣвать форму, пока не будетъ все кончено, я не хотѣлъ. И, притомъ, былъ еще вопросъ: нужна-ли форма вообще, и если нужна, то зачѣмъ и какая.

Большевики и петлюровцы формы не имѣли; отсутствіе ея дѣйствовало на населеніе успокоительно, какъ намекъ на дѣйствительное равенство людей. И еще задолго до прихода добровольцевъ спорили, носятъ-ли деникинцы погоны, или нѣтъ; ношеніе погонъ многимъ казалось неосторожнымъ по отношенію къ населенію.

— Зачѣмъ эта реабилитация? — спрашивалъ кого-то капитанъ съ густыми, рыжими усами и съ инженерскимъ значкомъ, — только проволочка времени. Зарегистрировалось больше 10.000 офицеровъ. Если на каждого изъ нихъ Комиссія потратитъ 5 минутъ только, то это займетъ больше мѣсяца.

— Не одинъ вѣдь человѣкъ въ комиссіи, — замѣтилъ бородатый полковникъ.

— И комиссія не работаетъ круглые сутки, — отвѣтилъ инженеръ.

— Кто эти комиссіи придумалъ? — спросилъ тонкій, блѣдный прапорщикъ, — говорятъ, раньше ихъ не было.

— Это послѣ взятія Харькова пошло. Тогда добровольцы всѣхъ желавшихъ попринимали къ себѣ. А потомъ, во время боевъ, нѣкоторые изъ этихъ принятыхъ большевиками оказались и много вреда причинили. Теперь вотъ и боятся этого.

Всѣ замолчали.

Въ этотъ день я прождалъ во дворѣ съ 9 часовъ до трехъ; за это время комиссія отпустила около 40 человекъ. Въ три часа предсѣдатель заявилъ, что занятія кончены. Всѣ пошли по домамъ. Было пыльно, жарко. Я спустился къ Днѣпру, искупался и потихоньку пошелъ домой. Пройти пришлось мимо контръ-развѣдки. Она занимала большую гостиницу на Фундуклеевской, недалеко отъ театра. У входа стоялъ солдатикъ съ винтовкой и тихо что то напѣвалъ. Гимнастерка на немъ была рваная, сапоги дырявые. Около подъѣзда прохаживался ротмистръ въ серебряныхъ аксельбантахъ и съ хлыстикомъ въ рукѣ.

Изъ-за угла вдругъ вывернулась шумѣвшая и бѣсновавшаяся толпа. Она тѣсно окружала четырехъ конвойныхъ и молодую полноватую женщину въ красномъ платьѣ. Били ее палками, камнями, кулаками. Отъ ударовъ голова съ короткими стриженными волосами металась во всѣ стороны.

— Кто это такая? — спросилъ я у господина, стоявшаго на краю тротуара.

— Говорятъ, что это знаменитая Роза, которая служила въ Чекѣ и собственноручно казнила приговоренныхъ къ смерти.

Толстенкій человекъ въ сѣромъ костюмѣ подошелъ къ намъ и сталъ прислушиваться.

— А я думаю, что это ошибка. Навѣрно Роза ушла вмѣстѣ съ Чекой, — сказалъ онъ.

— Какъ сказать? — отвѣтилъ первый, — уже поймали нѣсколькихъ подлинныхъ чекистовъ; они и сами не скрывали, что работали въ Чрезвычайкѣ; а остались они тутъ, чтобы шпионить и разстрѣливать добровольцевъ изъ-за угла.

Я пошелъ дальше.

Около Большого театра стояла толпа. Чего-то ждали. Остановился и я. Черезъ минуту съ боковой улицы вышли два конвойныхъ; они вели двухъ молодыхъ людей въ котелкахъ, хорошо одѣтыхъ, съ высокими крахмальными воротничками. Съ противоположнаго тротуара неожиданно сорвался пожилой мужчина и сталъ бить палкой по головѣ одного изъ арестованныхъ. Должно быть, бившій былъ правъ, такъ какъ тотъ, кого били, втянулъ только голову въ плечи и не сдѣлалъ ни одного движенія уклониться отъ ударовъ. Страшно было смотрѣть и на избиваемаго, и на лицо бившаго: — вся жизнь послѣдняго была сведена къ чернымъ безумнымъ зрачкамъ. Онъ наносилъ удары, визжалъ, кричалъ что-то о братѣ, о чрезвычайкѣ и былъ въ томъ состояніи, когда люди не чувствуютъ смертельной раны.

На другой день я пришелъ въ Комиссію по-раньше. Но народу, тѣмъ не менѣе, было уже много. На дверяхъ, рядомъ со вчерашнимъ спискомъ, гдѣ была и моя фамилія, висѣлъ новый. Спорить и отстаивать прежній списокъ было бы напрасно. Подумавъ, я вписалъ свою фамилію и во вновь-появившійся. Часамъ къ десяти во дворѣ уже маялось около трехсотъ человекъ. На очередь не обращали вниманія. Каждый хотѣлъ попасть впередъ, и на террасѣ, передъ дверью была страшная давка. Я со

своей больной рукой остался за флагомъ. Въ три часа Комиссія прекратила занятія, пропустивъ человѣкъ 50. Остальные уныло разбрелись по домамъ.

Вернувшись къ себѣ, я зашелъ къ знакомому капитану, который жилъ во дворѣ. Я засталъ его и еще другого поручика на кухнѣ. Они рѣзали хлѣбъ тонкими ломтиками, раскладывали ихъ на желѣзномъ листѣ и сажали въ печку.

Я спросилъ, какъ у нихъ обстоитъ дѣло съ реабилитацией.

— Да никакъ, — отвѣтилъ хозяинъ, — сушимъ вотъ хлѣбъ. Потомъ возьмемъ котомки, сухарей и пойдемъ скрываться въ лѣсахъ...

Я обратился къ его гостю.

— Уходимъ, — подтвердилъ тотъ, — и вамъ тоже совѣтую сдѣлать...

И то, что онъ разсказалъ мнѣ, не было особенно ободрительно.

— Я съ мѣсяцъ жилъ при добровольцахъ въ С-ѣ. Встрѣтили мы ихъ съ колокольнымъ звономъ. А потомъ пошли разочарованія. Всѣ тѣ, которые такъ или иначе служили совѣтской власти, натолкнулись на самый холодный пріемъ. Ну, это бы еще ничего. Старымъ запахло и очень даже. А крестьяне-то очень чутки къ этому. Про пьянство и дебоширство говорить нечего. Контръразвѣдка, что хочетъ, то и вытворяетъ: дѣлаетъ обыски, забираетъ цѣнныя вещи, арестуетъ, потомъ откупаться надо. Ни права, ни правды. Въ воззваніяхъ объ Учредительномъ Собраніи пишутъ, а сами нѣтъ-нѣтъ, да «Боже Царя храни» и затянутъ. Народъ-же все видитъ и слышитъ. Никакой осторожности, только дѣло погубить могутъ...

Я пожелалъ имъ обоимъ всего хорошаго, пожали мы другъ другу руки и разстались.

Къ обѣду пришелъ хозяинъ со студентомъ.

Студентъ разсказаль, что въ эпидемическомъ лазаретѣ, гдѣ онъ служилъ конторщикомъ, начали поговаривать о расформированіи лазарета.

Въ этомъ госпиталѣ, по его словамъ, было нѣскольکو большевиковъ. Наканунѣ прихода добровольцевъ, по приказу свѣше, изъ всѣхъ больничныхъ книгъ, гдѣ было написано «коммунистъ», эти страницы были вырваны, а на новыхъ было велѣно написать — гражданинъ такой-то.

Добровольческія власти явились въ лазаретъ на одинъ моментъ и не доискивались, кто тамъ лежитъ.

На утро я снова зашагалъ въ Комиссію. Несмотря на ранній часъ, народу оказалась тѣма. Появился третій списокъ. А когда двери наконецъ открылись, очереди не могло быть и рѣчи; каждый тискался впередъ; ругались, толкались, давили другъ друга. Списки слетѣли съ дверей; ихъ затоптали ногами.

Я вышелъ изъ толпы и сѣлъ на тумбу во дворѣ. Вблизи, вдвоемъ на одномъ кухонномъ табуретѣ, сидѣли загорѣлый штабсъ-капитанъ и моложавый подполковникъ.

— Не попасть намъ, видно, сегодня, — замѣтилъ штабсъ-капитанъ.

— Да и завтра тоже врядъ-ли, — сказалъ подполковникъ, — я давки не выношу. У меня пулей два ребра вышибло.

— Какъ вы на эту реабилитацію смотрите, господинъ полковникъ?

— А какъ на потерю времени, — глупую и опасную, и, главное, цѣли своей не достигающую.

— Не думаю, она все-таки имѣетъ свои основанія, — вы знаете, какъ непостижимо разнообразны формы шпіонажа большевиковъ, и какъ ловко они умѣютъ вводить своихъ людей въ ряды противника.

— Такъ-то оно такъ. Но вы можете сказать, напри-

мѣръ, сколько всего добровольческихъ войскъ въ Кіевѣ?

— Нѣтъ. Офицеровъ-корниловцевъ встрѣчалъ много. А войскъ, собственно говоря, — такъ, полу-роту одну всего-на-всего видѣлъ.

— То то и оно. А я и полу-роты этой не замѣтилъ. Видѣлъ кадетъ съ десятокъ, приблизительно — оборванные, голодные. Кромѣ того, и казармы всѣ пустуютъ. Значить, войскъ не особенно много. Если пронохаютъ объ этомъ большевики, нагрянуть на Кіевъ.

— Что-жъ дѣлать?

— Времени не тратить, части надо формировать, вооружать ихъ, ученіе производить. Порядокъ и дисциплина прежде всего. А тамъ, если и проскочутъ большевики, это само собой выяснится. При крѣпко сплоченной массѣ они не такъ ужъ опасны будутъ, — сказалъ полковникъ.

Около часа дня вышелъ предсѣдатель комиссіи и заявилъ, что сегодня и завтра комиссія работать не будетъ по случаю перевода ея въ другое помѣщеніе.

Всѣ молчали.

— Вы, господа, не сокрушайтесь, — замѣтилъ предсѣдатель, — комиссія переводится въ большее помѣщеніе, и, кромѣ того, число членовъ ея увеличивается втрое. Дѣло пойдетъ скорѣе.

Всѣ разошлись. Не зная, что дѣлать и куда идти, я тихо побрелъ по улицѣ. Эти дни были какъ разъ днями раскопокъ въ чрезвычайкахъ. Ближайшая находилась въ домѣ Бродскаго. Это былъ двухъ-этажный особнякъ. Къ нему примыкалъ садъ величиной съ полъ-десятины, или около того. Со стороны улицы онъ былъ обнесенъ высокимъ заборомъ. Никакой щелки, чтобы заглянуть, что тамъ дѣлается, я не нашелъ, но вблизи забора, у кустиковъ, лежала оставленная кѣмъ-то лѣстница. Я подставилъ ее и влѣзъ. Съ моего мѣста очень

хорошо былъ видѣнъ весь садъ и задняя часть дома. Садъ, въ сущности, состоялъ изъ нѣсколькихъ большихъ тополей посерединѣ и какихъ-то кустарниковъ по краямъ у забора. Въ самомъ центрѣ, подъ деревьями, было нѣсколько свѣже-отрытыхъ ямъ. Около одной изъ нихъ толпилось человѣкъ пять. Они разглядывали вырытый трупъ. Немного подальше — какихъ-то двое людей измѣряли ямы рулеткой. Былъ и фотографъ, щелкавшій все время аппаратомъ.

Здѣсь помѣщалась одна изъ самыхъ извѣстныхъ «чрезвычайекъ». Тутъ не только содержали заключенныхъ, но, какъ говорили въ народѣ, пытали и казнили ихъ.

За густымъ кустомъ сирени слышались голоса. Кто разговаривалъ — я не могъ видѣть.

— У этого студента кожа въ такомъ состояніи, что дѣйствительно можно подумать — не пытали ли его еще при жизни кипяткомъ.

— А почему у него ногтей нѣтъ?

— Почему?.. Вѣроятно, потому, что ихъ вырвали.

— Просто, не вѣрится.

— А вчерашніе трупы на вскрытіи показали, что люди были зарыты живыми.

— Тѣ, кто живутъ по-близости, говорятъ, что они часто слышали ночью нечеловѣческіе крики, — сказалъ третій голосъ.

— И я слышалъ объ этомъ, — отозвался второй, — мужъ съ женой, что живутъ напротивъ, рассказывали, что они слышали вопли даже сквозь закрытыя окна; чтобы не слышать, они въ подушки зарывались... Я видѣлъ еще и другую чрезвычайку, что помѣщалась въ гаражѣ. Вошелъ — и сейчасъ-же бѣжать хотѣлъ: стѣны и полъ пальца на два обросли чѣмъ-то темнымъ и вонючимъ. Оказалось, — кровь и мозги: въ гаражѣ казнили. Здѣсь истязателемъ былъ какой-то молодой ев-

рей, у котораго петлюровцы убили брата, а тамъ обязанности палача исполнялъ русскій «простой» человѣкъ. Когда онъ шелъ на работу, то болотные сапоги надѣвалъ и кожанную куртку, чтобы не запачкать костюма.

— Чистоплотный джентльмэнъ, — замѣтилъ кто-то.

Я слѣзъ съ забора и пошелъ дальше. Остановившись передъ самымъ домомъ, я задумался — войти или нѣтъ? Эти дни чрезвычайки были открыты для жителей, которые искали тѣла своихъ близкихъ. Въ этотъ моментъ изъ дверей вышла старшая сестра хозяина съ дамой въ черномъ платьѣ.

— Куда вы? — спросила меня Анна Егоровна.

— Хотѣлъ посмотрѣть, что внутри тамъ находится, да не знаю... Жутко чего-то...

— Пойдемте съ нами. Мы идемъ теперь въ чрезвычайку, что въ генераль-губернаторскомъ дворцѣ помѣщалась. Алиса Викентьевна сына своего ищетъ.

Пошли вмѣстѣ.

— Весь домъ запакощенъ, — рассказывала по дорогѣ объ особнякѣ Бродскаго Анна Егоровна, — внизу арестованныхъ держали, а на-верху чекисты жили, видно, не успѣли всего забрать съ собой — серебра много оставили — жбаны, блюда, чаши; тутъ-же и пустыя бутылки изъ подъ шампанскаго, флаконы отъ кокаина, видно, трезвому нельзя такъ работать. А въ ванную, гдѣ, говорятъ кипяткомъ шпарили — не пустили; тамъ какія то приспособленія нашли, чтобы человѣка силой держать; такъ до осмотра властями оставили.

Пришли ко дворцу. На крыльцѣ стоялъ часовой; насъ пропустили. Полутемный вестибюль былъ пустъ. Противъ входной двери шла наверхъ широкая лѣстница, налѣво отъ нея — узкій корридоръ.

— Вамъ что угодно? — спросилъ насъ стоявшій у лѣстницы полковникъ съ Владиміромъ.

Анна Егоровна объяснила.

— Казненныхъ тутъ нѣтъ; но если хотите, можно осмотрѣть комнаты, гдѣ содержались заключенные. Можетъ быть, вашъ сынъ оставилъ гдѣ нибудь надпись на стѣнѣ.

Полковникъ зажегъ свѣчку.

— Идите за мной, безъ свѣта здѣсь нельзя, — слишкомъ темно.

Онъ вошелъ въ корридоръ первымъ. Направо и налѣво шли двери. Когда то тутъ помѣщались разныя службы, чуланы, комнаты для прислуги.

Темнота была устроена большевиками искусственно: терраса, шедшая вдоль нижняго этажа, была забрана досками, были заколочены также и окна, выходившія на эту террасу. Такъ какъ этого чрезвычайнымъ архитекторамъ показалось недостаточно, то они забили и полустеклянные двери, дававшія свѣтъ второму, внутреннему ряду комнатъ, которыя выходили уже прямо въ корридоръ. Въ итогѣ получалась тьма кромѣшная.

Какая цѣль была держать заключенныхъ въ мракѣ, — эту тайну кіевскіе чекисты увезли въ Гомель.

Были и свѣтлыя комнаты. Тутъ между божьимъ свѣтомъ и заключенными находилась только толстая желѣзная рѣшетка. Я нашелъ нѣсколько надписей.

«Завтра меня казнятъ. Прощайте, товарищи. Матросъ Голыненко»...

«Раковскій жретъ до отвалу, а народъ голодаетъ»..

«Мнѣ стыдно, что я былъ коммунистомъ»...

Половину боковой стѣны занимала большая картина, исполненная, видимо, рукой художника. Вѣроятно, за отсутствіемъ всякихъ другихъ красокъ, она была написана только чернымъ и краснымъ.

Картина изображала длиннаго тощаго еврея съ горбатымъ носомъ, съ пейсами, въ балахонѣ и туфляхъ. За руку онъ держалъ маленькаго еврейчика съ такимъ же носомъ и пейсами. На веревочкѣ за собой, вмѣсто иг-

рушки, еврейчикъ катилъ пулеметь. И оба они — отецъ и сынъ — съ радостнымъ изумленіемъ глядѣли на поле, покрытое красными маками; изъ каждой чашечки цвѣтка смотрѣлъ на свѣтъ Божій еврейчикъ.

Подъ картиной была подпись: «Цвѣты коммунизма».

Въ этой чрезвычайкѣ мы ничего не нашли и пошли домой.

Около Анатомическаго театра я разстался съ Анной Егоровной и ея знакомой — онѣ пошли смотрѣть тѣла, а я — къ себѣ.

Софья Егоровна дала мнѣ поѣсть, и послѣ обѣда, расположившись у окна въ своей комнатѣ, я принялся читать какой-то англійскій романъ.

Героиней его была нѣкая миссъ съ каштановыми волосами, съ голубыми глазами, безъ денегъ и безъ всякихъ человѣческихъ слабостей; героемъ — джентльменъ по англійской мѣркѣ. Имъ обоимъ ставились приличные препятствія, они прилично устранили ихъ, и дѣло несомнѣнно шло къ браку.

Я читалъ и слышалъ, какъ въ верхнемъ этажѣ во-зились на полу дѣти, а въ сосѣдней квартирѣ, гдѣ жила большая польская семья, отецъ и мать ссорились изъ-за какихъ-то денегъ.

Нашъ домъ былъ двухъ-этажный, деревянный; все, что дѣлалось у сосѣдей, было отлично слышно. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда герой заявилъ героинѣ, что онъ ѣдетъ въ Африку охотиться на слоновъ, раздался негромкій выстрѣлъ, какъ будто изъ небольшого браунинга. Я посмотрѣлъ на улицу; она была почти пуста, только какой-то кубанецъ поднимался вверхъ по противоположной сторонѣ. Не придавъ выстрѣлу никакого значенія, но потерявъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе ѣхать за героемъ въ Африку, я отложилъ романъ въ сторону и

пошелъ въ столовую; вынулъ изъ стопки книгъ алгебру и пустился въ изслѣдованіе уравненій.

Отъ созерцанія многоэтажныхъ формулъ меня привело къ дѣйствительности появленіе предсѣдателя домоваго комитета, моего хозяина, его сестры и кубанца, котораго я видѣлъ на улицѣ нѣсколько минутъ тому назадъ. Вся эта компанія направилась въ мою комнату, гдѣ стали о чемъ-то разговаривать. Заинтересовался и я.

Кубанецъ утверждалъ, что, когда онъ шелъ по другой сторонѣ, кто-то выстрѣлилъ въ него, причемъ пуля пролетѣла очень близко отъ его головы. Стрѣляли, по его мнѣнію, изъ нашего дома, но, откуда именно, онъ указать не могъ. Обошли всѣ подозрительныя мѣста, побывали на чердакѣ, потомъ въ узкомъ огороженномъ пространствѣ, которое отдѣляло нашъ домъ отъ сосѣдняго — нигдѣ ничего. Въ разговоръ я не вмѣшивался; молчалъ также о томъ, что я былъ въ своей комнатѣ и слышалъ выстрѣлъ. Это вызвало бы только лишніе разговоры, а у кубанца могло-бы появиться подозрѣніе, что стрѣлялъ именно я.

Предсѣдатель домоваго комитета и мой хозяинъ увѣрили кубанца, что они ручаются за тѣхъ, кто живетъ въ домѣ, и что, если стрѣляли, то, во всякомъ случаѣ, не отсюда.

На томъ и разошлись.

За вечернимъ чаемъ я сознался, что былъ въ комнатѣ и слышалъ выстрѣлъ.

— И я тоже слышала, — сказала Софья Егоровна, — и тоже изъ нашего дома, какъ будто.

— А кто-же могъ стрѣлять-то? — спросилъ братъ.

— Ты думаешь, мало большевиковъ осталось въ Кіевѣ? — отвѣтила Анна Егоровна.

ГЛАВА II

Черезъ день я снова пошелъ въ Реабилитаціонную Комиссію. Она была переведена въ прекрасный особнякъ на Левашовской улицѣ. У мраморной лѣстницы, шедшей на верхній этажъ, сидѣлъ старикъ важнаго вида, съ длинной сѣдой бородой, очевидно, бывшій дворецкій; съ молчаливымъ удивленіемъ онъ смотрѣлъ на подходившихъ со всѣхъ сторонъ офицеровъ.

Комиссія занимала верхній этажъ. Нижній пустовалъ, и я вошелъ туда посмотреть, что тамъ осталось послѣ большевиковъ.

Первая комната — громадный съ золотистыми обоями залъ — была совершенно пуста. Ни креселъ, ни стульевъ. Посрединѣ, на потолокъ, топорщились обрывки проводовъ — слѣды когда-то висѣвшей тутъ люстры. Дубовый, рѣзной каминъ былъ ободранъ.

Въ слѣдующей комнатѣ, на темно-синемъ фонѣ обоевъ, веселымъ островкомъ вырисовывалось хрупкое изящное кресло Louis XVI; на свѣтлой шелковой обивкѣ виднѣлись слѣды сапогъ — кто-то становился на него ногами.

Въ большемъ рабочемъ кабинетѣ, усыпанномъ соломённой трухой, валялись доски и дешевыя желѣзныя кровати, всѣ скрюченныя и поломанныя.

На дверяхъ карандашомъ было написано:

— Манька mine обманула...

А немного ниже — совѣтъ:

— Оттаскай за волосы...

Дальше я не пошелъ и снова вышелъ на подъѣздъ. Комиссія еще не начинала занятій, а въ вестибюлѣ, у входа, и на дворѣ уже толпилось человѣкъ триста; день

объщаль быть очень жаркимъ. Чтобы не толпиться въ духотѣ передъ дверьми, составили списокъ и повѣсили его на стѣнѣ. Около девяти часовъ Комиссія приступила, наконецъ, къ работѣ. Сначала все шло хорошо. Но потомъ очередь стала перебиваться группами офицеровъ, приходившихъ съ записками отъ генерала Драгомирова. Ихъ пропускали не въ очередь. Это были офицеры изъ «киевскихъ офицерскихъ ротъ»; эти роты составляли гарнизонъ города и несли караульную службу.

Около полудня случилось какое-то происшествіе, но сперва никто не могъ узнать, въ чемъ дѣло. Одни говорили, что нашли адскую машину, другіе — что кто-то изъ комиссіи оказался большевикомъ, третьи — о какомъ-то большевицкомъ заговорѣ... Слухи были расплывчатые, неопредѣленные, никто не зналъ, откуда они пошли. Толпа нервничала. И, какъ на зло, двери въ залу, гдѣ засѣдала комиссія, долго не открывались. Наконецъ, послѣ томительнаго ожиданія, обѣ половинки распахнулись. Подъ конвоемъ вывели какого-то офицера; лица его увидѣть не удалось.

— Хорошъ гусь, — заговорили въ толпѣ, — хороша и комиссія.

Дѣло оказалось въ слѣдующемъ. Къ одному изъ членовъ комиссіи явился кавалерійскій поручикъ и представилъ самое безупречное curriculum vitae, вмѣстѣ съ послужнымъ спискомъ. Документы не вызвали никакихъ подозрѣній. На вопросъ — есть ли у него знакомые въ Добровольческой арміи — поручикъ сказалъ, что онъ лично знакомъ со многими начальниками добровольческихъ частей. Дальше его уже не стали спрашивать и начали писать соотвѣтствующую бумажку, съ которой поручикъ могъ-бы поступить въ армію. Но, на его несчастье, въ этотъ моментъ къ нему подошелъ кто-то изъ реабилитирующихся и заговорилъ. Обнаружи-

лось, что о лошадяхъ и военномъ дѣлѣ поручикъ имѣлъ очень туманныя понятія и нѣсколько разъ сбивался. Въ концѣ-концовъ, кавалеристъ оказался коммунистомъ и слѣдователемъ не то черниговской, не то гомельской чеки; онъ когда-то лично допрашивалъ офицера, узнаваго его въ комиссіи.

— Поймали-то одного, а сколько ихъ могло пройти, — говорилъ тонкій, блѣдный офицеръ.

— Большевикамъ документы достать ничего не стоитъ, — у нихъ почти всѣ архивы въ рукахъ, — отвѣчали ему.

Своей очереди мнѣ пришлось ждать еще нѣсколько дней. Наконецъ, послѣ основательной давки, удалось проникнуть за двери. Я очутился въ большой свѣтлой залѣ, оклеенной дорогими красивыми обоями. За столиками, у стѣнъ, сидѣло 10-12 человекъ «реабилитаторовъ». Самымъ старшимъ изъ нихъ былъ артиллерійскій подполковникъ; я его зналъ лично, онъ нѣсколько разъ заходилъ къ моему хозяину. При большевикахъ подполковникъ служилъ на «курсахъ красныхъ командировъ». Съ точки зрѣнія добровольческихъ властей, этотъ фактъ былъ предосудительнымъ; но среди преподавателей этихъ курсовъ находилось лицо, близко стоявшее къ верхамъ Добровольческой Арміи. Имъ, т. е. этимъ лицомъ, всѣ преподаватели были аттестованы генералу Бредову «самымъ отличнымъ образомъ», какъ элементъ благонадежнѣйшій. Генераль Бредовъ избавилъ весь персоналъ курсовъ отъ всякихъ реабилитаций и слѣдствій, и нѣкоторые изъ преподавателей были, сверхъ того, назначены въ Реабилитационную Комиссію.

Увидѣвъ подполковника, я шагнулъ было къ его столу, но онъ сдѣлалъ «невидящіе» глаза, всталъ и вышелъ въ сосѣдную комнату. Я оглядѣлся. Остальные «реабилитаторы», люди все молодые, большей частью прапорщики и поручики, были заняты тихими разгово-

рами съ реабилитирующимися. Пройдя впередъ, потомъ вернувшись назадъ, я, наконецъ, поймалъ свободное мѣсто и въ порядкѣ спѣшности занялъ его. Несуразно-высокій, тощій, съ безрадостными глазами и сѣрымъ лицомъ поручикъ равнодушно взглянулъ на меня. На его погонахъ были вышиты пушки, на лѣвой рукѣ блестящее обручальное кольцо. Глазами онъ мнѣ показалъ на стулъ, стоявшій напротивъ. Порывшись въ карманахъ, я вынулъ уже слежавшееся отъ долгой носки *curriculum vitae* и передалъ его вмѣстѣ съ регистраціонной карточкой поручику.

Нашъ colloquium начался. Онъ былъ не длинень. Я ему рассказалъ на словахъ содержаніе бумажки и замолчалъ. Услышавъ, что я служилъ у большевиковъ, поручикъ оживился и читая подчеркнулъ это мѣсто краснымъ карандашомъ. Потомъ онъ записалъ мое *curriculum vitae* въ толстый журналъ, похожій на гроссъ-бухъ, поставилъ номеръ и стукнулъ штемпелемъ. Продѣлавъ, не спѣша, всѣ эти канцелярскіе обряды, поручикъ задумчиво почесалъ длинный носъ, вынулъ платокъ и чихнулъ.

— Будьте здоровы, — пожелалъ я ему совершенно машинально.

Онъ кивнулъ головой, оторвалъ клочекъ бумаги, написалъ на немъ номеръ моего *curriculum vitae* стукнулъ еще по клочку штемпелемъ и протянулъ бумажку мнѣ.

— Что это?

— Это номеръ, за которымъ ваше дѣло отсылается въ контръ-развѣдку.

— Но при чемъ-же тутъ контръ-развѣдка?

— Она, на основаніи своихъ данныхъ, должна рѣшить о характерѣ вашей службы у большевиковъ.

— Когда же мнѣ надо будетъ туда явиться?

— Сегодня мы пошлемъ ваше дѣло; завтра, быть-можетъ, его разсмотримъ. Послѣзавтра, я думаю.

Нашъ разговоръ кончился.

Черезъ день я отправился въ контръ-развѣдку. По сравненію съ Реабилитационной Комиссіей, она имѣла тотъ плюсъ, что находилась отъ меня вдвое ближе, цѣликомъ занимая громадную гостинницу на Фундуклеевской, между Крещатикомъ и Б. Владимірской.

У подъѣзда стояла густая толпа — родственники арестованныхъ. Ихъ не пускалъ стоявшій у входа солдатикъ съ винтовкой. Фуражка съѣхала у него на самый затылокъ, все лицо было въ поту, изъ подъ гимнастерки высовывался воротъ нижней рубашки.

— Нельзя-жъ, — повторялъ онъ отражая толпу, — говорятъ, нельзя, не приказано...

Я протолкался впередъ, но въ самыхъ дверяхъ солдатъ загородилъ мнѣ дорогу.

— Никого не велѣно пускать...

— Но мнѣ приказано явиться сюда. Я изъ Реабилитационной Комиссіи.

— Я ужъ не знаю, какъ будетъ. Ротмистръ кричать станетъ.

Въ этотъ моментъ толпа особенно поднаперла, и я, какъ бильярдный шаръ, вкатился въ большой, прохладный вестибюль.

Народу, несмотря на запрещеніе, въ контръ-развѣдкѣ было много, но уходили и приходили черезъ особые боковыя двери.

Стоявшій на верхней площадкѣ ротмистръ, брюнетъ, съ шуллерскими глазами, увидѣвъ меня, напустился на солдата.

— Тебѣ было сказано, — никого не пускать! — загремѣлъ ротмистръ, — а у тебя разная сволочь проходить...

— Да у нихъ дѣло какое то, — оправдывалъ солдатикъ и себя, и пропущенную имъ сволочь.

— Дѣло было, — передразнилъ ротмистръ, — а ты уже уши развѣсилъ, какъ баба беременная. Если еще какой-нибудь стрекулистъ будетъ ломиться, прикладомъ въ рожу. Безъ разговорчиковъ...

Я попробовалъ объяснить, въ чемъ дѣло. Дѣлая видъ, что онъ не слышитъ меня, ротмистръ продолжалъ ругать солдата; но на дѣлѣ вся эта грубая ругань цѣликомъ относилась ко мнѣ. Понимали это всѣ: солдатикъ, я, толпа у дверей и тѣ, кто проходили мимо.

Кровь хлынула мнѣ въ голову. Но я сдержался. Пошатываясь, я пошелъ наверхъ. Тутъ на одной изъ площадокъ я остановился перевести духъ. По длинному корридору толклось много народу. Были мужчины, были женщины; поднявъ головы, они искали глазами нужные имъ номера комнатъ; на многихъ дверяхъ были надписи «входъ запрещается».

Мимо меня провели подъ конвоемъ уланскаго офицера, чуть хромого; лицо у него было худое, костистое; на груди висѣло множество боевыхъ орденовъ.

Поднимавшійся за мной капитанъ окликнулъ улана.

— Откуда вы? Что съ вами? — спросилъ, здороваясь, капитанъ.

— Изъ Лукьяновской тюрьмы, — отвѣтилъ уланъ, — на допросъ сюда привели.

— Да въ тюрьму-то какъ васъ угораздило попастьъ?

— Недѣлю тому назадъ у насъ въ домѣ обыскъ былъ, коммуниста какого-то искали, но не нашли. Стали по всѣмъ квартирамъ шарить: у насъ были; у жены шубка лисья пропала и палантинъ котиковый. Я написалъ начальнику контръ-развѣдки полковнику Судейкину о пропажѣ и просилъ вернуть вещи. А на меня

вдругъ доносъ поступилъ, что я большевикамъ сочувствовалъ и помогалъ имъ.

— И много офицеровъ въ тюрьмѣ сидить?

— Больше сотни.

— И коммунисты есть?

— Ихъ-то меньше. Они смѣются надъ нами: служили бы у насъ, такъ по тюрьмамъ не сидѣли бы. И прямо говорятъ: мы отъ контръ-развѣдки всегда откупиться можемъ. И откупаются. Ихъ, то и дѣло, выпускаютъ, а насъ маринуютъ.

— Идемте, господинъ поручикъ, а то время идетъ, — сказалъ одинъ изъ конвойныхъ.

Я отправился дальше; на самомъ верхнемъ этажѣ, въ полу-темномъ коридорѣ, вытянулась длинная унылая вереница, упиравшаяся въ крайнія двери. За этими дверями и разбирались наши дѣла. Я сталъ въ очередь. Въ ожиданіи завязывались короткіе, переходившіе съ предмета на предметъ разговоры. Касались всего по-немножку, говорили также о возможностяхъ и способахъ существованія.

Въ это время всѣ переживали затяжной кризисъ; была ужасная безработица. Та огромная масса, которая служила въ многочисленныхъ большевицкихъ учрежденіяхъ, оставшись въ Кіевѣ въ надеждѣ на лучшія времена и болѣе дешевый хлѣбъ, скоро проѣла эвакуаціонныя деньги, выданныя большевиками, не помню, въ какомъ размѣрѣ. Работы-же нигдѣ нельзя было найти. И люди распродавали вещи, платье, оставаясь часто на зиму безъ теплой одежды. Фабрики и заводы стояли; формированіе Окружного Суда, Контрольной Палаты и другихъ подобныхъ учрежденій сопровождалось какимъ-то внутреннимъ треніемъ. Кромѣ того, эти учрежденія не могли занять всѣхъ тѣхъ, которые сбѣжались въ Кіевъ почти со всей Россіи.

Правда, добровольцы пришли слишком недавно, чтобы отъ нихъ можно было чего-нибудь требовать.

Хлѣба стало больше, и онъ былъ дешевле, магазины ломились отъ товаровъ, торговля была свободна. Но всѣхъ угнетало безденежье — никто ничего не покупалъ. Аннулированіе новыми властями совѣтскихъ денегъ только увеличивало общую бѣду. Жизнь, словно, загнулась и стала: не было стараго строительства, не чувствовалось и новаго. Процвѣтали лишь многочисленные кавказскіе погребки и духаны, гдѣ кутили пріѣзжавшіе съ фронта офицеры.

Своей очереди мнѣ пришлось ждать долго. Когда, наконецъ, я вошелъ въ комнату, гдѣ разбирались наши дѣла, первое, что бросилось въ глаза, былъ большой деревянный столъ, заваленный бумагами. За столомъ сидѣлъ товарищъ прокурора, еще сравнительно молодой, но уже совсѣмъ лысый, съ небольшой бахромкой черныхъ волосъ на шеѣ и около ушей. Я показалъ ему номеръ своего дѣла. Онъ порылся и не нашелъ.

— Приходите завтра, — коротко бросилъ онъ.

— Будьте добры, — сказалъ я ему, — дайте мнѣ бумажку на право входа въ зданіе контръ-развѣдки.

— Зачѣмъ?

— Сегодня меня не хотѣли пропустить. А когда я вошелъ, то одинъ изъ здѣшнихъ офицеровъ закричалъ на солдата, зачѣмъ онъ всякую сволочь сюда пускаетъ.

— Хорошо. Я скажу, чтобы приходящихъ изъ Реабилитаціонной Комиссіи пропускали безъ препятствій. Я вышелъ.

На другой день меня дѣйствительно пропустили безъ разговоровъ.

Я сталъ въ очередь. Моимъ сосѣдомъ оказался молоденькій прапорщикъ. Мы разговорились. Онъ рассказаль, что большевики судили его за контръ-революцію и приговорили къ смертной казни. Днемъ, наканунѣ раз-

стрѣла, его, подѣ конвоемъ двухъ красноармейцевъ, отправили въ другую тюрьму. По дорогѣ они зашли въ какое-то учрежденіе, гдѣ конвоиры должны были получить не то деньги, не то бумаги. Въ помѣщеніи было много народу. Сдѣлавъ видъ, что онъ ничего не имѣетъ общаго съ красноармейцами, прапорщикъ воспользовался моментомъ, когда тѣ расписывались въ книгѣ, и вышелъ въ слѣдующую комнату, оттуда въ третью. На него никто не обращалъ вниманія. Онъ бросился къ выходу и скрылся. До прихода добровольцевъ онъ прятался въ лѣсахъ. И, вспоминая нѣмцевъ и большевиковъ, мы понемногу приближались къ двери.

На этотъ разъ, мое дѣло было найдено скоро. Пока товарищъ прокурора читалъ *curriculum vitae* я стоялъ и глядѣлъ на стулъ около стола: присѣсть или ожидать приглашенія? Но такового не послѣдовало. Въ тотъ моментъ, когда я рѣшился сѣсть безъ приглашенія, товарищъ прокурора что-то быстро зачеркнулъ на листочкѣ бумажки. Потомъ онъ остановился и задумался.

— Такъ вы у большевиковъ служили?

— Служилъ.

— Кто за васъ можетъ поручиться?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Что вы не большевикъ.

— Сами большевики...

Товарищъ прокурора усмѣхнулся.

— Мы, кажется, начинаемъ шутить?

— Нисколько.

— Есть у васъ знакомые въ Добровольческой Арміи, которые могли бы поручиться за васъ?

— Не знаю. Можетъ быть и есть.

Товарищъ прокурора замолчалъ, побарабанилъ пальцами по столу и снова принялся за писаніе.

Исписавъ листокъ, онъ протянулъ его мнѣ.

— Подпишитесь, пожалуйста.

— Что это?

— Я долженъ съ васъ взять подписку о невыѣздѣ
Въ глазахъ у меня закружились звѣзды.

И, глядя на пуговицы прокурорскаго жилета, я спросилъ:

— Что же я долженъ дѣлать дальше?

— Зайдите дня черезъ три-четыре. Надо подождать, пока о васъ не наведутъ справокъ.

Тутъ ужъ я не выдержалъ.

— Господинъ прокуроръ, позвольте спросить, когда-же это все кончится? Мнѣ тяжело ходить и подниматься по лѣстницамъ. Въ корридорѣ приходится ждать часами. А я раненый и больной; вы же мнѣ даже сѣсть не предлагаете. У меня нѣтъ документовъ, поэтому я кажусь вамъ подозрительнымъ. Но кто-жъ изъ тѣхъ, кто бѣжалъ отъ большевиковъ, имѣетъ документы?

— Я ничего не могу подѣлать: служба, — отвѣтилъ товарищъ прокурора.

На наши голоса изъ сосѣдней комнаты вышелъ полковникъ съ сѣдой бородой, въ жандармскихъ погонахъ, съ аксельбантами и сѣрыми щупающими глазами.

— Что у васъ тутъ такое?

— Да вотъ, по его мнѣнію, — и прокуроръ кивнулъ на меня головой, — дѣло не скоро дѣлается. Ходить много приходится, а онъ раненый.

— Такъ вы недовольны, молодой человѣкъ, — ласково улыбнулся старый жандармъ, — а документи-ковъ, небось, нѣтъ?

— Я, господинъ полковникъ, имѣю чинъ, и затѣмъ я вовсе не молодой человѣкъ. Документовъ у меня нѣтъ. Но моего дѣда хорошо знали въ Сенатѣ.

— А какъ его фамилія?

Я назвалъ фамилію отца моей матери.

— А какъ же, слышалъ, слышалъ, сенаторъ перво-

присутствующій, выдающійся юристъ, — подхватилъ прокуроръ.

Картина перемѣнилась. Но и дѣдъ не спасъ меня отъ повторной явки черезъ три дня.

Домой я пришелъ въ придавленномъ состояніи.

Къ обѣду собрались всѣ.

Хозяинъ разсказалъ, что съ кооперативомъ, куда его обѣщали принять, что-то не ладилось. Гдѣ-то задерживали выдачу уже обѣщанныхъ денегъ и разрѣшеній, несмотря на то, что въ кооперативѣ всѣ нуждались.

— Зато въ другомъ мѣстѣ мнѣ предложили службу въ контръ-развѣдкѣ; но тутъ уже я отказался, — закончилъ онъ.

— А ты думаешь, что твой кооператоръ получить когда-нибудь деньги и разрѣшеніе? — спросилъ его студентъ.

— А почему же нѣтъ?

— Ты погляди-ка, сколько теперь разныхъ дѣльцовъ, да поставщиковъ съѣхалось въ Кіевъ. И тѣ, которыхъ большевики разорили, такъ шуками по Крещатику и ходятъ. Всѣ они только одного хотятъ — нажить-ся. А твои кооперативы имъ мѣшать будутъ.

На слѣдующій день утромъ, по случаю какого-то праздника, на Софійской площади былъ парадъ. Участвовало въ парадѣ человѣкъ 200. Одна половина была на коняхъ, другая — въ пѣшемъ строю. Одѣты были добровольцы пестро и убого: кителя, брюки, гимнастерки, сапоги, все это было старое, потертое, видавшее виды. У лошадей на бокахъ и на крупѣ рѣзко выступали кости, были замѣтны слѣды лежанія на навозѣ. Лошади стояли совершенно смирно. Ни одного игриваго движенія. Понурья позы и равнодушная послушность говорили о глубокой лошадиной усталости и безнадёжности.

Принималъ парадъ еще нестарый генералъ. На немъ была легкая, свѣтлая шинель на красной подкладкѣ, на

головѣ свѣжая, еще не видавшая походовъ фуражка, на груди, во время ходьбы, покачивались ордена; на лакированныхъ сапогахъ блестѣли шпоры. Словомъ, одѣтъ онъ былъ не въ примѣръ прочимъ, и это дѣлало его на фонѣ общей убогости, въ своемъ родѣ, неприличнымъ. Насмотрѣвшись на парадъ, я пошелъ бродить по городу.

Недалеко отъ собора, у столба для афишъ, собралась толпа и что-то читала.

Подошелъ и я. Это было воззваніе, обращенное къ крестьянамъ. Начиналось оно словами:

«Братья-крестьяне!»

Братья-крестьяне, которые по случаю праздника въ большомъ количествѣ пріѣхали въ Кіевъ, читали воззваніе съ большимъ вниманіемъ; кто не умѣлъ читать, тотъ внимательно слушалъ другихъ; всѣ были заинтересованы — дѣло касалось земли.

Въ очень мягкихъ выраженіяхъ что-то говорилось о землѣ вообще, о помѣщичьей какъ-то особо, потомъ шла рѣчь объ урожаѣ, о посѣвѣ. Братьямъ предлагалось что-то вернуть, что-то подѣлать; за это имъ обѣщалось что-то дать. Все было прекрасно. Къ сожалѣнію было только неясно: что кому надо вернуть, что съ кѣмъ надо подѣлать, кто и что послѣ этого получить.

«Чоловікі» читали воззваніе серьезно; не понявъ съ перваго раза, они перечитывали его и второй, и третій разъ. Они относились къ дѣлу добросовѣстно. Потомъ молча удалялись. Ни одобренія, ни порицанія.

Кто-то обронилъ только два слова:

«Зновъ паньщина»...

Не помню, кѣмъ было подписано воззваніе. Это время было какъ разъ моментомъ глубокаго движенія впередъ Добр.-Арміи; и по мѣрѣ того, какъ она продвигалась, все яснѣе обрисовывалась реакція.

Послѣ парада я пошелъ къ Михайловскому монастырю.

На каждомъ шагу попадались объявленія отъ кирасирскихъ, уланскихъ, кавалергардскихъ и другихъ блестящихъ полковъ. Но поступить туда все-таки было нельзя: принимались только потомственные дворяне и бывшіе гвардейцы. Отказывали даже офицерамъ, дворянамъ по происхожденію, но не служившимъ въ гвардіи. И въ эти полки мало шли. Они не были популярны. Очень часто весь такой полкъ олицетворялся однимъ или нѣсколькими офицерами, напрасно сзывавшими бывшихъ сослуживцевъ. Кромѣ того, у Добровольческой Арміи была уже своя собственная гвардія: Корниловскіе, Марковскіе, Дроздовскіе полки. Сами большевики признавали ихъ мужество и отвагу.

Я долго ходилъ по городу, смотрѣлъ на панораму съ Владимирской горки, посидѣлъ въ Царскомъ саду и въ томъ состояніи, когда люди не понимаютъ собственныхъ мыслей, вернулся домой.

Въ столовой, за пасьянсомъ, сидѣлъ студентъ. Онъ былъ чѣмъ-то разстроены и часто путалъ карты. Я подсѣлъ помочь.

— Ничего не выходитъ, — сказалъ студентъ и смѣшавъ карты.

— Что съ вами?

— Черезъ три дня нашъ госпиталь совсѣмъ закрывается. Больныхъ развозятъ по другимъ госпиталямъ, весь матеріалъ сдается военному вѣдомству, а врачи и служащіе увольняются. Нѣкоторымъ уже расчетъ дали, въ томъ числѣ и мнѣ. Надо работу искать, а гдѣ ее теперь найти?

— А если-бъ ты, Вася, въ Казенную Палату сходилъ или въ Контрольную, — сказалъ хозяинъ.

— Ходилъ уже. Никакой надежды.

Выждавъ еще нѣсколько дней, я снова отправился въ контръ-развѣдку. О чемъ мы говорили на этотъ разъ съ плѣшивымъ товарищемъ прокурора, — я не помню; помню только конецъ нашей бесѣды — мое дѣло отсылалось въ военную судебно-слѣдственную комиссію. Я вышелъ. Въ коридорѣ меня окружили офицеры, ожидавшіе очереди.

— Что, какъ кончилось, наконецъ? — посыпались вопросы.

Я объяснилъ, что дѣло еще не кончилось, и что изъ контръ-развѣдки дѣла пересылаются въ другую комиссію.

— Что они дѣлаютъ, что они дѣлаютъ? — горячился капитанъ-саперъ, — вѣдь уже офицерство разбѣгаться начало. Только и слышишь — одинъ арестованъ, другой арестованъ. А за что? Что большевикамъ служили? Важное дѣло — служили! Надо знать, какъ и съ какимъ сердцемъ служили...

— А вы знаете, капитанъ, что добровольцы съ генераломъ Ганомъ сдѣлали? — спросилъ поручикъ съ большимъ шрамомъ на лицѣ.

— Какой Ганъ? Тотъ, что у большевиковъ въ окружномъ штабѣ военрукомъ служилъ?

— Онъ самый. Его сынъ еще у денкинцевъ служить. Старикъ, когда большевики уходили, въ Кіевѣ остался, какую-то болѣзнь себѣ придумалъ. А когда пріѣхалъ Бредовъ, Ганъ явился къ нему и знамя передалъ, что съ большимъ трудомъ ему отъ большевиковъ спрятать удалось. Но только ни сынъ, ни знамя не спасли старика; потребовали Гана въ ставку и тамъ судили. Лишили всѣхъ чиновъ, орденовъ и простымъ рядовымъ на фронтъ послали.

— И скверно сдѣлали: Ганъ — прекрасный, честный человекъ. И, несмотря на службу у большевиковъ, такимъ и остался.

— Вчера тутъ курсантъ съ красныхъ курсовъ былъ, — донесся голосъ изъ самаго темнаго угла, — онъ со своихъ курсовъ убѣжалъ, дожидаясь добровольцевъ. Войти-то къ товарищу прокурора онъ вошелъ, а выйти — не вышелъ. Я его внизу уже видѣлъ, подъ конвоемъ.

— Положеньице, — вздохнулъ капитанъ, — большевики насъ разстрѣливаютъ, а добровольцы за большевиковъ считаютъ. Куда тутъ дѣнешься?

— Добровольцы теперь увѣрены въ побѣдѣ и потому не дорожатъ людьми, — жестко замѣтилъ кто-то въ толпѣ.

Я вышелъ на площадку и присѣлъ на стулъ. Въ головѣ кружились новыя, странныя мысли.

Почему меня, человѣка ни въ чемъ неповиннаго, за мой добровольный уходъ отъ большевиковъ и явное нежеланіе служить имъ, заставляютъ мыкаться по разнымъ комиссіямъ и контръ-развѣдкамъ, заставляютъ терять время и убиваютъ всякій порывъ и желаніе?

И кто могъ поручиться, что вотъ тутъ, среди этой толпы, нѣтъ какого-нибудь большевика, который все видитъ, наблюдаетъ, запоминаетъ лица и даже записываетъ?

Я направился къ выходу. Посѣтителей и посѣтителницъ въ коридорахъ толкло видимо невидимо. Что дѣлали здѣсь эти люди? Большинство было одѣто не только прилично, но и элегантно, на лицахъ не было особой заботы, а, наоборотъ, что-то такое, что заставляло ихъ сторониться.

Выйдя изъ контръ-развѣдки, я съ удовольствіемъ подумалъ, что съ ней кончено, и являться туда больше не надо.

Никому не нравилось это учрежденіе. Даже снисходительный къ ошибкамъ добровольческой администраціи Шульгинъ писалъ въ своемъ «Кіевлянинѣ», что, къ сожалѣнію, кіевская контръ-развѣдка не стоитъ на вы-

сотѣ своего назначенія. Это было имѣ написано по поводу служившаго въ ней полковника Судейкина. О сущности дѣла ничего не говорилось; но, видимо, Судейкинъ сотворилъ нѣчто весьма выдающееся и мало похвальное, даже съ точки зрѣнія текущаго сумбурнаго момента. Офицеры изъ контръ-развѣдки, сколько я ихъ ни видѣлъ, всѣ были, какъ будто, на одну колодку.

Выхоленные, вылощенные, упитанные, съ розовыми ногтями на бѣлыхъ, не знавшихъ никакого труда, пальцахъ, — они походили скорѣе на сутенеровъ или шулеровъ высокой марки. Они были надменны, недоступны, носили драгоценныя кольца, браслеты, курили изъ золотыхъ портсигаровъ, не знали счета деньгамъ. Боевое офицерство, не стѣсняясь, презирало ихъ и называло «большевицкими подбрехачами».

Въ первые-же дни по прибытіи контръ-развѣдки въ Кіевъ, былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму видный большевикъ, служившій въ управленіи Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ и занимавшій тамъ важный постъ.

А черезъ двѣ-три недѣли знакомый, служащій изъ этого управленія, рассказывалъ хозяину, что арестованный вернулся обратно и работаетъ по-прежнему; освобожденіе стоило ему одинъ миллионъ керенками.

Откупались и другіе большевики. А, между тѣмъ, въ томъ-же «Кіевлянинѣ» приводилась исторія одного офицера-академика, который прибылъ въ Кіевъ съ женой, рискуя не только своей собственной жизнью, но жизнью и честью жены. Документовъ у него не оказалось: не то онъ ихъ потерялъ, не то ихъ отняли большевики. Контръ-развѣдка засадила его въ тюрьму. Заключение вывело несчастнаго изъ душевнаго равновѣсія: онъ психически заболѣлъ. Жена, оставшаяся на улицѣ, обращалась ко всѣмъ властямъ, но безъ успѣха. Она дошла до того, что стала на улицахъ просить милостыню. Кто-то изъ знакомыхъ встрѣтилъ ее и посовѣтовалъ об-

ратиться къ Шульгину. Тотъ напечаталъ эту исторію въ газетѣ. Что было дальше — я не знаю.

Въ Лукьяновской тюрьмѣ, какъ я уже сказалъ, сидѣло немало офицеровъ; многіе были посажены по анонимнымъ доносамъ, обвинявшимъ ихъ то въ большевизмѣ, то въ сочувствіи большевикамъ.

Однажды, въ контръ-развѣдкѣ я встрѣтилъ среди арестованныхъ, которыхъ привели для допроса, двухъ знакомыхъ еще по плѣну офицеровъ. У одного отецъ былъ директоромъ громаднaго сахарнаго завода, другой самъ былъ кіевскимъ домовладѣльцемъ. Оба обвинялись въ большевизмѣ, и оба были арестованы по доносу. У нихъ не было никакихъ сомнѣній, что доносы были со-
стряпаны большевиками.

— Остроумный народъ большевики, — говорилъ домовладѣлецъ, — они дѣло поставили такъ, что всѣ имъ служатъ, даже это самое учрежденіе. Большевики-то на тѣхъ, кто имъ непріятенъ, доносы пишутъ, а контръ-развѣдка по этимъ доносамъ арестовываетъ. Привели меня въ первый разъ на допросъ, а прокуроръ увидѣлъ меня и глаза выпучилъ, знакомымъ оказался. «Давно ли вы коммунистомъ стали?» — спрашиваетъ. — «Да никогда имъ и не былъ, ибо буржуй есмь». — Поговорили мы съ нимъ, обѣщавъ немедленно выпустить; при мнѣ бумагу написалъ, подпisałъ и въ тюрьму отправилъ. Однако, не выпустили. Привели снова къ тому-же прокурору. «Вы еще сидите?» — «Сижу». — «Чепуха какая-то»... Отвели опять. А позавчера одинъ такой коммунистъ говоритъ мнѣ: «Я завтра изъ тюрьмы выхожу. Напишите вашей супругѣ записку, чтобы она мнѣ 100.000 рублей думскими выдала. А на прокурорскія бумаги съ высокаго дерева наплюйте. Не помогутъ». Начали торговаться — нельзя ли подешевле. Не уступилъ, а только сказалъ: «меньше взять — не могу, а кого-нибудь заодно съ вами освободить, — дѣло

возможное. А кого — выбирайте сами». Ну, я и выбралъ коллегу по плѣну. И вчера, значитъ, коммунистъ на свободу вышелъ, а сегодня насъ обоихъ уже сюда привели. Видно, коммунистическія связи подѣйствовали.

А черезъ полтора часа я видѣлъ того и другого на улицѣ безъ всякаго конвоя.

Случаи освобожденія контръ-развѣдкой завѣдомыхъ коммунистовъ были нерѣдки. И, какъ могли твориться всѣ эти безобразія, было совершенно непонятно: контръ-развѣдка, все-таки находилась подъ окомъ прокурорскаго надзора, и товарищей прокурора было не мало въ этомъ учрежденіи. То ли попускали они по небрежности совершаться вещамъ незаконнымъ, то-ли и сами были безсильны противъ той темной подозрительной накипи, которая облѣпила контръ-развѣдки, и гдѣ трудно было отличить большевика отъ предателя за деньги.

Какъ я уже говорилъ, многіе изъ боевыхъ и награжденныхъ офицеровъ безнадежно томились въ тюрьмѣ. Не разъ Шульгинъ поднималъ на страницахъ «Кіевлянина» вопросъ о бесполезности и вредѣ подобнаго отношенія къ офицерству. Писалъ онъ самъ по этому поводу, писалъ и читалъ на эту тему и от. Петровъ, котораго измученные, униженные, а очень часто и голодные офицеры просили повліять на тѣ сферы, отъ которыхъ это зависѣло, чтобы уничтожить или, по крайней мѣрѣ, смягчить унижительную процедуру реабилитации. Пока же все оставалось по-старому, офицерская толпа стала быстро рѣдѣть. Куда исчезали люди — трудно было сказать: одни шли въ партизанскіе отряды, гдѣ не спрашивали никакихъ документовъ, другіе уходили къ Петлюрѣ, третьи оставались дома, а кое кто возвращался и къ большевикамъ.

ГЛАВА III.

Выждавъ два дня, я направился въ Судебно-слѣдственную комиссію. Помѣщалась она на Крещатикѣ, противъ большого крытаго базара, и занимала длинную, высокую гостинницу. На второмъ этажѣ, въ самомъ концѣ коридора, противъ четырехъ дверей, я увидѣлъ четыре группы ожидавшихъ. Я сталъ туда, гдѣ было меньше народа. Дѣло тутъ шло скорѣе, чѣмъ въ контръ-развѣдкѣ, и къ концу занятій я былъ принятъ молодымъ привѣтливымъ блондиномъ съ университетскимъ значкомъ.

Мой — не знаю, какъ его назвать — судья, слѣдователь, адвокатъ, предложилъ мнѣ сѣсть, потомъ спросилъ мою фамилію. Я отвѣтилъ.

— Вы ошиблись дверью, — сказалъ онъ, — у меня дѣла тѣхъ лицъ, фамиліи которыхъ начинаются на буквы отъ А до И. А ваше дѣло должно находиться у моего коллеги рядомъ.

— Мнѣ никто ничего не сказалъ, — отвѣтилъ я, — а ждать пришлось цѣлый день.

— На двери есть записка.

— Но я близорукъ, и въ корридорѣ совершенно темно.

Блондинъ подумалъ и поднялся.

— Я пойду, возьму ваше дѣло. Подождите меня.

Черезъ минуту онъ вернулся, сѣлъ, прочиталъ обросшее бумажками мое *curriculum vitae* и заявилъ, что мнѣ надо привести двухъ свидѣтелей, которые удостовѣрили бы истинность всего того, что мною сообщено.

На томъ мы и разстались.

Я шелъ и думалъ, кого бы мнѣ пригласить въ

свидѣтели. Но, кромѣ хозяина и студента, я не имѣлъ въ Кіевѣ знакомыхъ. Оба они охотно согласились помочь мнѣ.

На другой день я отправился въ комиссію съ хозяиномъ. Дождаться очереди пришлось довольно долго. За это время изъ одного кабинета вышелъ подъ конвоемъ высокій плечистый человѣкъ, уже довольно пожилой. Какъ говорили, это былъ интендантъ прежняго времени, служившій затѣмъ по хозяйственной части у большевиковъ. Явившись къ добровольцамъ, интендантъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму.

Въ полдень слѣдователь пригласилъ моего хозяина въ кабинетъ, а я остался ждать у дверей. Прошло томительныхъ минутъ десять-пятнадцать. Наконецъ, изъ кабинета вышелъ хозяинъ и, такъ какъ моего присутствія больше не требовалось, мы вдвоемъ пошли домой. Дорогой, онъ разсказалъ, что сначала его заставили дать свѣдѣнія о самомъ себѣ и показать свой паспортъ. И уже послѣ этого слѣдователь сталъ допрашивать обо мнѣ: давно-ли онъ меня знаетъ, и правда ли все то, что я сообщилъ о себѣ.

На другой день я сводилъ тѣмъ же порядкомъ и студента.

Когда и тотъ далъ свои показанія, слѣдователь позвалъ меня и прочиталъ постановленіе. Въ немъ сообщалось, что, на основаніи свидѣтельскихъ показаній такихъ-то и такихъ-то лицъ, установлено, что въ дѣятельности такого-то ничего не было вреднаго и противнаго интересамъ Добровольческой Арміи. Заключенія не помню: не то считать по суду оправданнымъ, не то что-то въ этомъ родѣ. Подъ этимъ постановленіемъ слѣдователь расписался.

Я внимательно слушалъ, какъ слѣдователь читалъ постановленіе, смотрѣлъ на его университетскій значокъ, на него самого и думалъ, какой онъ еще молодой.

И вдругъ, изнутри, на поверхность сознанія выплыло новое, чуждое, никогда еще мной невиданное и вмѣстѣ съ тѣмъ мое-же собственное «я»; отъ всего остального сознанія оно отграничивалось твердымъ, рѣзко-очерченнымъ желаніемъ, о которое разбивались всѣ зарождавшіяся мысли, слова и образы. Мнѣ казалось, что я даже вижу это свое «я». Оно походило на маленькаго коричневаго человѣчка, бившагося въ моемъ тѣлѣ, какъ бьется дробинка въ закупоренной и встряхиваемой бутылкѣ. И это новое, безглазое и безголосое «я» заявило, что оно воевать не желаетъ. Вотъ къ какому душевному сумбуру привела унижительная, долго длившаяся и еще не кончившаяся реабилитація.

Дѣло шло еще на утвержденіе къ коменданту города и отъ него снова возвращалось въ эту же комиссію. На основаніи этого утвержденія, комиссія выдавала бумажку, очищавшую отъ подозрѣній въ большевизмѣ.

Я вздохнулъ свободнѣе: моя активная роль кончилась; теперь надо было только ходить и подталкивать

Я вышелъ со студентомъ на улицу. Теперь уже можно было подумать, что бы предпринять дальше. Въ душѣ былъ темный, но все-таки опредѣленный зовъ на югъ: страшилъ надвигавшійся холодъ, при недостаткѣ топлива, хотѣлось поѣхать въ Ростовъ или Таганрогъ, гдѣ я надѣялся встрѣтить знакомыхъ, но какъ это устроить? На дворѣ стояла уже вторая половина сентября, но погода была ясная, теплая, хорошая. На тополяхъ и кленахъ золотились опадавшіе листья.

Черезъ нѣсколько дней я отправился въ Комендантское Управление. Находилось оно на Левашовской улицѣ и занимало громадный бѣлый особнякъ. Комендантомъ въ это время былъ какой-то генералъ, не то изъ армянъ, не то изъ грузинъ. Парадный ходъ былъ закрытъ. Стоявшій у боковыхъ дверей караульный, узнавъ, зачѣмъ я пришелъ, безъ всякихъ препятствій про-

пустилъ меня внутрь. Помѣщеніе поразило меня и роскошью, и запустѣніемъ. Въ громадной пріемной, вдоль стѣнъ, стояли длинныя деревянныя лавки и кухонныя табуретки. Около мраморнаго камина, украшеннаго кружевной лѣпкой, стоялъ простой досчатый столъ, за которымъ сидѣлъ дежурный офицеръ. Передъ нимъ лежало нѣсколько листиковъ бумаги для записи лицъ, желавшихъ видѣть коменданта. Когда я вошелъ въ пріемную, тамъ было два генерала, три полковника, двѣ дамы съ покорными, словно запуганными лицами, и грузный мужчина съ толстой багровою шеей, похожій на подрядчика. Вся эта компанія сидѣла вдоль стѣнъ и молчала. Я направился къ дежурному навести справку. Въ этотъ моментъ онъ былъ занятъ отдѣлкой нарисованной имъ головы съ необычайно длиннымъ носомъ. Съ самаго кончика носа, который былъ украшенъ большою, волосатою бородавкою, свѣшивался на веревочкѣ сахаръ, сапоги, хлѣбъ, кредитные билеты и прочія жизненные необходимости. Сама-же голова далеко вытянувъ впередъ нижнюю губу напрасно старалась схватить всѣ эти блага. Подъ рисункомъ была подпись: «мечты кievскаго офицера».

Почувствовавъ, что за нимъ кто-то стоитъ, дежурный обернулся.

— Вамъ что, коллега?

Я объяснилъ.

— Дѣла изъ судебно-слѣдственной комиссіи поступаютъ въ военно-полевой судъ при комендантѣ. Ступайте навѣрхъ, тамъ вамъ покажутъ.

Я отправился навѣрхъ. Послѣ долгихъ поисковъ и бесполезныхъ спрашиваній у встрѣчныхъ, въ самомъ концѣ длиннаго и извилистаго, какъ путь грѣшника, коридора я нашелъ группу офицеровъ, молча созерцавшихъ дверь съ вывѣской: «Военно-полевой судъ».

Я уже занесъ руку, чтобы постучать, но въ этотъ

моментъ мнѣ бросилась въ глаза надпись: «просить не беспокоить» и рядомъ другая — «входъ строжайше воспрещается». И невольно, словно обожженная, рука опустилась. Я сталъ къ стѣнкѣ и рѣшилъ ожидать дальнѣйшихъ событій.

— Я уже стучалъ, — сказалъ сосѣдъ, увидѣвъ мой жестъ, — сначала никто не выходилъ. А потомъ кто-то открылъ дверь, что-то буркнулъ и снова заперся.

— Да, — вздохнулъ капитанъ, сидѣвшій на корточкахъ противъ двери и уныло созерцавшій надписи, — я съѣлъ свой портсигаръ, продалъ на вѣсѣ Владимира и обручальное кольцо. Какъ быть дальше?

Всѣ промолчали. Прошло нѣсколько минутъ. За дверью было тихо, какъ въ могилѣ. Наконецъ, капитанъ поднялся, чертыхнулся и постучалъ въ дверь. Послѣ нѣсколько-кратнаго стучанья изнутри послышался шорохъ, и дверь начала открываться. Благоговѣйный страхъ охватилъ насъ и заставилъ всѣхъ склониться въ почти-тельномъ поклонѣ. Дверь дѣйствительно открылась и, пробывъ въ этомъ положеніи нѣсколько мгновений, снова закрылась.

Но, какъ бы тамъ ни было, сношенія съ потустороннимъ міромъ были завязаны. Посредствомъ стуковъ еще разъ удалось вызвать скрытое за дверью таинственное существо, но въ видѣ уже болѣе гнѣвномъ и осязательномъ. Оно объявило, что дѣла будутъ докладываться коменданту, по мѣрѣ ихъ поступленія изъ комиссіи. А списокъ лицъ, дѣла которыхъ комендантомъ разсмотрѣны, утверждены и отосланы обратно, будетъ вывѣшиваться на дверяхъ. Давъ всѣ эти свѣдѣнія, супранатуральное существо, принявшее форму жандармскаго полковника, рѣшительно исчезло.

Сеансъ со стуками кончился. Что-же намъ послѣ этого оставалось дѣлать, какъ не разойтись.

И мы разошлись.

Нѣсколько дней спустя, я вышелъ послѣ обѣда пройтись по городу. Артиллерійская стрѣльба, которая была слышна уже съ самаго утра, стала, какъ будто, еще отчетливѣе и ближе. Но, не придавъ этому значенія, я пошелъ къ Большой Владимірской. Не успѣлъ я сдѣлать и половины пути, какъ раздались, разъ за разомъ, два тяжелыхъ разрыва. Потомъ еще и еще. Шедшій впереди меня господинъ въ сѣромъ элегантномъ костюмѣ вдругъ остановился, повертѣвъ испуганнымъ лицомъ во всѣ стороны, крикнулъ: «большевики» и пустился бѣжать назадъ. Другіе тоже останавливались, смотрѣли растерянно другъ на друга и бѣжали, кто въ дома, кто въ ближайшіе переулки.

По одной изъ боковыхъ улицъ я свернулъ на Подоль, откуда доносились разрывы. А съ Подола уже мчалась встревоженная толпа. Мужчины несли тюки, женщины — дѣтей. Лица были перепуганныя, висѣло въ воздухѣ одно слово — «большевики». Оказалось, что большевики пытались ворваться въ городъ со стороны Днѣпра. Всю картину отчетливо можно было видѣть отъ храма Андрея Первозваннаго. Нѣсколько большевицкихъ пароходовъ стояли у верхняго желѣзнодорожнаго моста и стрѣляли по Подолу. Имъ отвѣчали добровольческія батареи съ другого берега Днѣпра. Продолжалось это съ полчаса. Когда добровольцы уже взяли было пароходы въ вилку, большевики сочли за болѣе благоразумное отретироваться.

Все дѣло на этотъ разъ кончилось артиллерійской перестрѣлкой. Но это событіе показало всѣмъ, что большевики были не такъ далеко отъ города, и что большевицкая угроза — не пустой звукъ. Кромѣ того, насколько можно было замѣтить въ моментъ нападенія, въ самомъ Кіевѣ, никакихъ войскъ не оказалось.

Прошла еще недѣля. Я исправно ходилъ въ комендантское управленіе, надѣясь найти въ спискѣ свою фа-

милию. Но комендантъ, видимо, не торопился, и не только своей фамиліи, а зачастую я не видѣлъ и самого списка. Стучать же въ дверь, въ виду явной бесполезности, я не хотѣлъ.

Однажды, это было въ концѣ сентября или въ самомъ началѣ октября, мы встали съ хозяиномъ раньше, чтобы занять мѣсто въ очереди за хлѣбомъ. Утро было промозглое, туманное. Очередь, несмотря на ранній часъ, собралась большая. Пекарня была еще закрыта. Мы заняли мѣста и ежились отъ сквернаго, сырого вѣтра. Со стороны Святошина доносилась артиллерійская стрѣльба. Никто ею не интересовался: вниманіе всѣхъ было сосредоточено на дверяхъ булочной. Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, ихъ съ грохотомъ раскрыли. Очередь пришла въ движеніе; передніе скрылись въ пекарнѣ. Черезъ нѣсколько минутъ счастливы уже несли теплый, бѣлый хлѣбъ, вкусно пахнувшій на холодномъ воздухѣ. Вокругъ велись разговоры, по-скольку отпускаютъ хлѣба на человѣка, и многіе тревожились, хватить-ли его на всѣхъ, такъ какъ нѣкоторые уносили изъ пекарни большіе мѣшки, туго набитые караваемъ. На этихъ спекулянтовъ ожидавшіе глядѣли съ враждой. Благодаря имъ, двери могли закрыться подъ самымъ носомъ. А всѣ были такъ голодны. До насъ очередь могла дойти не раньше, какъ черезъ часъ. Мой хозяинъ рѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы пойти и продать кому-то захваченное съ собой одѣяло. Понемногу двигаясь, я вошелъ, наконецъ, въ самую пекарню. Тутъ было тепло и еще сильнѣе пахло свѣже-выпеченнымъ хлѣбомъ. За стойкой суетился хозяинъ, брюнетъ восточнаго типа; онъ взвѣшивалъ караваи, рѣзалъ ихъ, принималъ деньги и увѣрялъ, что хлѣба хватить на всѣхъ, и что нечего торопиться и ломиться въ двери.

Получивъ свою долю, я съ облегченнымъ сердцемъ вышелъ на улицу и направился домой.

Я шелъ и прислушивался къ стрѣльбѣ: мнѣ казалось, что за два часа моего стоянія въ хвостѣ, она стала гораздо ближе. Но на улицахъ тревоги не замѣчалось. Попадавшіеся на встрѣчу прохожіе спѣшили по своимъ дѣламъ и съ завистью посматривали на мою ношу.

Явившись домой, я засталъ Анну Егоровну на кухнѣ; она колола щепки, собираясь ставить самоваръ. Я положилъ хлѣбъ на столъ и принялся помогать ей.

— А гдѣ же братъ? — спросила она.

Я рассказалъ, что, не дождавшись очереди, онъ куда-то исчезъ съ одѣяломъ и больше не появлялся.

— Соня и мама спятъ. Будемъ пить чай одни.

Мы сѣли за столъ вдвоемъ. Я былъ очень голоденъ и съ большимъ удовольствіемъ принялся за горячій чай и теплый хлѣбъ. Жизнь сразу показалась болѣе привлекательной. Но наше мирное чаепитіе неожиданно было прервано тяжелымъ гуломъ, отъ котораго задрезжали всѣ окна.

Я схватилъ фуражку, накинулъ шинель и выбѣжалъ на дворъ. Артиллерія била еще ближе; пулеметы строчили во всю. Я выглянулъ на улицу. Прохожихъ было мало. Тѣ, которые шли съ Крещатика къ Еврейскому базару, были болѣе или менѣе спокойны; они иногда только останавливались, прислушивались, но все-таки продолжали свой путь. А на встрѣчу имъ снизу бѣжали другіе. Эти были уже въ паникѣ. Они говорили, что большевики заняли окраину Кіева.

Я стоялъ и думалъ: что-же дѣлать? Еще наканунѣ вечеромъ всѣ учрежденія, штабы, контръ-развѣдка были на своихъ мѣстахъ и не помышляли эвакуироваться.

Я рѣшилъ пойти на Крещатикъ и узнать, въ чемъ дѣло. Проходя мимо контръ-развѣдки, я ничего особеннаго не замѣтилъ: былъ какой-то праздникъ, и двери были закрыты. Я побѣжалъ дальше, рассчитывая, что многочисленныя вербовочныя канцеляріи, находившіяся

на Крещатикѣ, могли лучше знать положеніе дѣла, благодаря близкому сосѣдству со штабомъ генерала Бредова.

На бѣду, чортъ меня занесъ въ канцелярію не то Конно-Гвардейскаго, не то Кирасирскаго полка. Въ большой комнатѣ я увидѣлъ трехъ здоровыхъ корнетовъ. Одинъ изъ нихъ, стоя передъ зеркаломъ, дѣлалъ прическу на головѣ, а два другихъ играли въ шахматы.

— Вамъ что угодно? — спросилъ меня одинъ изъ шахматистовъ.

Я рассказалъ, въ чемъ дѣло.

— Какіе тамъ большевики, — отозвался корнетъ, дѣлавшій прическу, — тамъ гдѣ-то стрѣляютъ, а тутъ сѣютъ панику. Откуда вы выдумали, что большевики въ Кіевѣ.

— Я не выдумалъ: во-первыхъ, артиллерія близко стрѣляетъ, во-вторыхъ, сами жители говорятъ, что окраина Кіева уже занята большевиками...

— Они шагъ пройдутъ, а ихъ агенты кричатъ, что версту сдѣлали, — сказалъ второй шахматистъ.

— Странно, странно, — рассуждалъ корнетъ съ гробенкой, — у насъ-то никакихъ нѣтъ распоряженій, хотя генерала Бредова я лично знаю. и вчера еще только его видѣлъ. А вотъ у васъ есть какіе-нибудь документы?

— Никакихъ.

— Регистраціонная карточка, если вы офицеръ.

— И карточки нѣтъ. Мое дѣло у коменданта.

— Ахъ, вотъ какъ... Василій! — крикнулъ онъ въ другую дверь.

Вошелъ широкоплечій мускулистый солдатъ.

— Возьми вотъ этого господина, — и корнетъ указалъ на меня, — и постереги его, да хорошенько, смотри. Понялъ?

— Понялъ, господинъ корнетъ...

Василій провелъ меня въ небольшую комнату, гдѣ были сложены старые тюфяки. Я былъ до такой степени ошеломленъ, что сдѣлался покорнѣе барана. Мой сторожъ, съ порога, съ любопытствомъ глядѣлъ на меня.

— Большевикъ вы, ай нѣтъ? — дружелюбно спросилъ онъ.

Я махнулъ рукой.

— Надись какъ-то зашелъ сюда записываться одинъ. Стали съ нимъ говорить, а на дѣлѣ выяснилось, что большевикъ онъ. Ну, арестовали его, въ контръ-развѣдку направили.

Я молчалъ, сидя на старомъ измочаленномъ матрацѣ.

Василій заперъ дверь и ушелъ. Мелькнула мысль — нельзя ли убѣжать. Комната представляла собой небольшой чуланчикъ съ узкимъ окномъ. Дверь была жидкая; стоило только упереться въ нее спиной, и она слетѣла бы съ петель. Но безъ шума этого сдѣлать было нельзя. Меня могли схватить и пристрѣлить безъ дальнѣйшихъ разговоровъ. Я рѣшилъ немного подождать. Сперва въ чуланчикѣ ничего не было слышно. Потомъ, минутъ черезъ пятнадцать, послышались гдѣ-то шаги, разговоры, торопливый топотъ ногъ. Затѣмъ все смолкло. Я подошелъ къ двери и сталъ ее разглядывать, отыскивая болѣе податливыя мѣста. Въ этотъ моментъ снизу донесся звонкій, быстро-приближавшійся топотъ. Кто-то бѣжалъ по мраморной лѣстницѣ въ подкованныхъ гвоздями сапогахъ. Мелькнула мысль, что это за мной. Я не ошибся. Топотъ остановился у моей двери. Застучалъ о замокъ ключъ. Дверь открылась. Передо мной былъ Василій. Сбоку у него висѣлъ наганъ, а на ногахъ красовались тяжелые «танки», какъ назывались у добровольцевъ англійскіе солдатскіе сапоги.

— Бѣги, товарищъ, — крикнулъ онъ, — большевики подходятъ. Наши-то приказали тебя докончить, да чортъ съ ними. Всякій жить хочетъ. Они уже на автомобиль, на улицѣ. Ты тутъ подожди съ минутку, пока мы не уѣдемъ.

И такъ же бѣгомъ онъ ринулся внизъ.

Я сдѣлалъ, какъ говорилъ Василій. Минуть черезъ пять я уже снова былъ на улицѣ. На Крещатикъ, со стороны Фундуклеевской и параллельныхъ ей улицъ, вливалась паническая волна. «Большевики» — носилось вокругъ. Къ проходившимъ и проѣзжавшимъ небольшимъ группамъ военныхъ ошалѣвшіе отъ страха жители кидались съ вопросами — что дѣлать, бѣжать или оставаться?

Но военные сами ничего не знали; и толпа, густѣвшая съ каждой минутой, не довѣряя уже больше никому и ничему, брала направление къ Цѣпному мосту.

Я стоялъ и думалъ — что же дѣлать дальше?

Въ это время показался автомобиль и, слѣдомъ за нимъ, — верховые кубанцы. Проѣзжая, автомобилисты и кубанцы во множествѣ разбрасывали около себя какіе-то листки. Одинъ изъ этихъ листковъ упалъ около меня. Я подобралъ его. Это было воззваніе отъ Кіевскаго губернатора, обращенное къ жителямъ. Губернаторъ сообщалъ, что ночью большевики сдѣлали небольшой прорывъ, но этотъ прорывъ уже удалось ликвидировать, около четырехъ тысячъ большевиковъ взято въ плѣнъ, и жители спокойно могутъ возвратиться къ себѣ.

На нѣкоторыхъ это воззваніе подѣйствовало успокоительно, и они тутъ же, съ листками въ рукахъ, повернули обратно.

Повѣрилъ и я. Но вмѣсто того, чтобы отправиться домой, я поднялся наверхъ въ Липки посмотрѣть, что дѣлается на тѣхъ улицахъ, которыя вели къ Цѣпному мосту.

Когда я проходилъ мимо генераль-губернаторскаго дворца, гдѣ помѣщалась комендантская рота, меня остановилъ ходившій по тротуару поручикъ-дневальный.

— Вы кто такой? — спросилъ онъ меня.

Я назвалъ свою фамилію.

— Вы военный?

— Да.

— Офицеръ?

— Офицеръ, теперь я въ періодѣ реабилитаціи.

— Это ничего; я самъ такой же.

— Но въ чемъ дѣло? — не понималъ я.

— Намъ приказано задерживать всѣхъ военныхъ, какъ офицеровъ, такъ и чиновниковъ. Идите въ роту, явитесь къ коменданту зданія и назовите себя.

Я вошелъ въ низкія парадныя двери и очутился въ вестибюлѣ. Тутъ толкалось, видимо, безъ всякой цѣли, много офицеровъ. Одни прохаживались, другіе сидѣли на подоконникахъ и смотрѣли на улицу. У стѣнъ груды лежали и стояли русскія, французскія, нѣмецкія, австрійскія винтовки, всѣ уже довольно изношенныя, съ побѣлѣвшими прикладами. Было душно, накурено, но спокойно. Я обратился къ низенькому прапорщику, который сидѣлъ на деревянномъ ящикѣ и вертѣлъ въ рукахъ цѣпочку отъ часовъ.

— Коллега, гдѣ тутъ комендантъ?

— Не знаю, а вамъ на что?

— Я шелъ по улицѣ; меня остановили и сказали, чтобы я пришелъ сюда и явился коменданту.

— Меня тоже такъ поймали. Но никто не знаетъ, гдѣ комендантъ.

Я спросилъ еще двухъ человѣкъ, никто не зналъ. Въ недоумѣніи я отправился наверхъ. Здѣсь было еще больше народу, и, что тутъ происходило, трудно было понять съ перваго взгляда. Только приглядѣвшись, я разобрался, наконецъ, въ чемъ дѣло. Здѣсь наспѣхъ

формировали взводы и роты; сформированные роты выстраивались въ большомъ залѣ, получали винтовки и, стуча прикладами по паркету, уходили туда, гдѣ гремѣли выстрѣлы. А выстрѣлы были совсѣмъ близко, иногда по темнымъ стволамъ деревьевъ пробѣгалъ огненный отблескъ гдѣ-то близко стрѣлявшей пушки. Я подошелъ къ окну. По улицѣ, по обоимъ тротуарамъ, катился живой потокъ. Всѣ спѣшили къ Цѣпному мосту. Среди пѣшеходовъ странно выдавались своей формой два французскихъ офицера; они шли быстро, съ растерянными лицами, безъ всякихъ вещей, даже безъ пальто. Они иногда останавливались, пытались что-то спросить, но потокъ обтекалъ ихъ, и, не получивъ отвѣта, они снова бѣжали съ толпой.

Очевидно, иностранные миссіи также не были предупреждены добровольцами.

Я сидѣлъ на подоконникѣ и не двигался. Брать въ руки винтовку мнѣ не хотѣлось. Вѣры во мнѣ уже больше не было.

У стѣны, недалеко отъ меня, сидѣли артиллерійскій офицеръ и интендантскій чиновникъ въ буркѣ. Наклонившись къ офицеру и оглядываясь вокругъ, чиновникъ вполголоса говорилъ, что дверь, выходившая на задній ходъ, не охраняется, и этимъ путемъ можно выйти въ садъ, а оттуда, черезъ боковыя ворота, и на улицу. Я смотрѣлъ на нихъ и невольно прислушивался къ ихъ разговору. Оба имѣли видъ звѣрей, пойманныхъ въ капканъ. Увидѣвъ, что я наблюдаю за ними, чиновникъ замолчалъ. Посидѣвъ съ минуту, они встали и пошли къ двери налѣво; ихъ никто не задерживалъ. Оба благополучно скрылись.

Черезъ минуту ко мнѣ подошелъ саперный поручикъ, съ инженернымъ значкомъ на кителѣ. У него было спокойное и пріятное лицо. Въ темной бородачѣ уже проглядывала сѣдина.

— Вы уже записались? — спросил онъ.

— Нѣтъ еще.

— Не хотите ли поступить въ мой взводъ? Мнѣ не хватаетъ трехъ человѣкъ.

Я согласился. Найдя еще прапорщика и поручика, мой новый командиръ выстроилъ взводъ въ залѣ, пересчиталъ людей и записалъ ихъ имена и фамиліи. Потомъ стали раздавать оружіе. Мнѣ попалась старая одностарая французская винтовка системы «Gras», стрѣлявшая тупоконечной пулей въ мѣдной оболочкѣ. Въ оба кармана шинели я положилъ по десятку патроновъ. Потомъ раздалась команда, и мы вышли на улицу. Около подъѣзда стояло нѣсколько телѣгъ, нагруженныхъ винтовками и патронными ящиками. Телѣги тронулись первыми, наша рота пошла за ними.

Артиллерія была гдѣ-то около Крещатика; иногда изъ оконныхъ рамъ со звономъ вылетали стекла. Улица во всю ширину была запружена стремительно мчавшейся толпой. Весь Кіевъ сорвался съ мѣста. Уходили всѣ — рабочіе, чиновники, торговцы, люди хорошо одѣтые и плохо одѣтые, молодые, старые, женщины, дѣти. Бѣжали даже собаки. Это уже было не бѣгство, а исходъ. Нѣкоторые ѣхали въ экипажахъ, другіе — на извозчикахъ, а кто — и на крестьянской подводѣ. Но большинство шло пѣшкомъ. Попадались и собственные автомобили. Ихъ владѣльцы съ членами своихъ семей сидѣли среди вороховъ всего того, что удалось схватить дома на скорую руку: тутъ были одѣяла, шубы, пальто, чемоданы и кофры разныхъ размѣровъ. А съ боковыхъ улицъ все время вклинивались въ толпу длинные военные обозы. Приходилось останавливаться и ждать. Передъ спускомъ къ мосту насъ обогналъ роскошный автомобиль. Бенца. На немъ, закутавшись въ мѣховую шубу, среди груды чемодановъ и теплыхъ вещей, сидѣла старуха, совсѣмъ сѣдая, со злыми, холодными глазами. На колѣ-

няхъ она держала облѣзшую бѣлую собачонку въ теплой, застегнутой попонкѣ. Собачонка лаяла и бросалась на толпу. Шедшій впереди меня и немного ковылявшій капитанъ неожиданно взбѣленился.

— Мадамъ, угодно вамъ унять вашего пса, или я его выброшу на улицу.

Старуха надменно посмотрѣла на него, но ничего не сказала.

Капитанъ хотѣлъ уже вскочить на подножку; сосѣдъ удержалъ его за руку. Въ этотъ моментъ дорога освободилась, и автомобиль покатишь впередъ.

— Ну, что ты дѣлаешь? — сказалъ капитану сосѣдъ.

— Ничего не нашла лучшаго взять, какъ эту собачонку — отвѣтилъ тотъ.

Я понималъ раздраженіе капитана. Я самъ искалъ глазами накричавшаго на меня офицера изъ контрразвѣдки и товарища прокурора, взявшаго съ меня подписку о невыѣздѣ. Гдѣ они были въ эту минуту? Почему не они, а мы должны защищать городъ и рисковать своей жизнью?

Спускъ къ Днѣпру былъ трудный и скользкій. У самаго моста надвинулась новая волна бѣглецовъ со стороны Подола. Насъ отвели въ сторону и остановили. Ждать пришлось долго — полчаса, а, можетъ быть, и весь часъ. На мостъ мы вошли уже послѣдними. Но идти все-таки приходилось медленно, на каждомъ шагу огибая остановившіеся автомобили. Ихъ шоферы съ испуганными лицами возились у моторовъ. Пройдя второй мостъ, который соединяетъ Трухановъ островъ съ черниговскимъ берегомъ, мы были остановлены толпой, собравшейся на шоссе. Въ серединѣ толпы вертѣлъ головой во всѣ стороны длинный, худой человѣкъ со страшнымъ сине-блѣднымъ лицомъ; въ его глазахъ былъ безумный ужасъ. Въ толпѣ кто-то истерически кричалъ, что это чекистъ, что онъ убилъ отца и брата.

А тотъ, кого называли чекистомъ, вылъ нечеловѣческимъ голосомъ, клялся, что это ошибка, что онъ — не чекистъ. Къ толпѣ подошелъ офицеръ въ свѣтломъ пальто и съ большимъ Кольтомъ въ кобурѣ. И стало ясно, что это онъ убьетъ челоуѣка съ посинѣвшимъ лицомъ. Почуявъ въ офицерѣ союзника, голосъ изъ толпы сталъ еще тоньше, еще настойчивѣй. Сине-блѣдное лицо заметалось во всѣ стороны. Жизнь была только въ страшныхъ бездонныхъ зрачкахъ. Въ этотъ моментъ мы свернули на песчаный берегъ Днѣпра, и конца этой сцены, къ счастью, видѣть не пришлось. До насъ только поочередно долеталъ то визгъ, то прерывавшійся удушье-мъ вой. Потомъ раздался выстрѣлъ. Вой оборвался. Все было кончено. Повозки тронулись, и толпа разошлась.

На берегу насъ собралось челоуѣкъ четыреста. Кроме офицеровъ и военныхъ чиновниковъ, было челоуѣкъ сорокъ въ штатскихъ костюмахъ. Они явились вскорѣ послѣ насъ, въ строю, подъ командой высокаго брюнета въ соломенной шляпѣ и въ брюкахъ въ полоску. Эта курьезная компанія, видимо, хорошо знала военный строй и шагала съ большимъ усердіемъ.

Скомандовавъ своей дружинѣ «вольно», брюнетъ подскѣлъ къ моему взводному командиру, который расположился у берега на камнѣ. Они сейчасъ же заговорили. Оказалось, что прибывшіе въ штатскомъ, — офицеры, сидѣвшіе въ тюрьмѣ по распоряженію контръ-развѣдки. Ихъ выпустили въ самую послѣднюю минуту; они уже боялись, что ихъ захватятъ большевики. Но многимъ бѣжать все-таки не удалось; въ суматохѣ стража растеряла ключи и нѣсколько дверей не смогли открыть.

— Долго пришлось сидѣть? — спросилъ его взводный.

— Съ тѣхъ поръ, какъ появилась контръ-развѣдка. И по сейчасъ никакого обвиненія не предъявлено, и на допросъ даже не вызывали. Да и обвиненія никакого

нельзя предъявить; никогда большевикомъ не былъ и дѣлъ съ ними не имѣлъ. Я самъ юристъ, мой отецъ юристъ, въ Кіевѣ съ испоконъ вѣка живемъ, у большевиковъ же три мѣсяца въ чрезвычайкѣ просидѣлъ. Пришла контръ-развѣдка, — снова пожалуйста въ тюрьму.

ГЛАВА IV.

Я всталъ и подошелъ къ берегу. У ногъ бѣжала темная холодная вода. Солнце уже садилось. На высокомъ кіевскомъ берегу четко рисовались на безоблачномъ небѣ церкви, колокольни, сады. Стрѣльба стихала. Кругомъ была тишина. Черезъ полчаса на шоссе остановилась группа всадниковъ. Двое изъ нихъ слѣзли съ лошадей и по узенькой тропинкѣ, которая шла отъ дороги къ рѣкѣ, стали спускаться къ намъ. Впереди шелъ генералъ въ шинели съ георгіевской ленточкой въ петлицѣ. Это былъ Драгомировъ. За нимъ слѣдовалъ ординарецъ.

Ротные и взводные командиры, увидѣвъ Драгомирова, забѣгали и засуетились, собирая разбредшихся подчиненныхъ.

Когда всѣ были выстроены, Драгомировъ обратился съ рѣчью. Говорилъ онъ о томъ, что доблестное офицерство, пройдя съ пѣснями по Кіеву, изгонить, конечно, красную сволочь. Обращался онъ исключительно къ офицерству, хотя среди насъ были и солдаты-добровольцы.

Главное руководство операціей онъ бралъ на себя; начальникомъ же нашего отряда онъ назначилъ какого-то полковника, фамиліи котораго я не помню. Полковникъ и его штабъ должны были находиться у моста.

Сказавъ рѣчь, Драгомировъ уѣхалъ. Послѣ его отъѣзда наши командиры стали уравнивать число людей въ ротахъ и раздавать оружiе тѣмъ, у кого его не было.

Покончивъ съ этимъ, насъ распустили съ убѣдительною просьбой далеко не уходить.

Когда, наконецъ, солнце зашло, и сумерки стали густѣть, раздалась команда строиться. Строились утомительно долго. Каждый хотѣлъ быть съ родственникомъ или знакомымъ. Я никого не зналъ, и мнѣ было безразлично, гдѣ ни стоять. Впереди меня, помню, оказался высокій студентъ - политехникъ, позади — низкій, съ большимъ туго-набитымъ ранцемъ. Наша рота, наконецъ, построилась. Раздалась команда ротнаго, и въ колоннѣ, по отдѣленiямъ, мы двинулись въ путь.

На мосту, помня наставленiя Драгомирова, затянули было пѣсню. Но сколько разъ ни начинали, все выходило фальшиво и неестественно. Такъ и бросили.

Пройдя мостъ и поднявшись немного вверхъ, всѣ роты остановились. Командиры ротъ и остальное начальство стали совѣщаться, что дѣлать дальше. Никто точно не зналъ, есть ли еще добровольцы въ Кiевѣ, или нѣтъ. О большевикахъ говорили, что они засѣли у Никольскихъ воротъ. Относительно Подола тоже не было извѣстно, въ чьихъ онъ рукахъ. Но какой-то голосъ въ темнотѣ сказалъ, что тамъ дѣйствуютъ Государственная стража и Петроградскiй гвардейскiй полкъ.

— Это уже легче. Тогда большевикамъ нельзя будетъ отрѣзать насъ отъ моста, — сказалъ кто-то вблизи.

— Положимъ, это еще вилами на водѣ писано, — отвѣтилъ другой — теперь-то въ полкахъ не наберешь часто и полсотни людей. А на Государственную стражу надежда плохая.

Пока наше начальство совѣщалось, я разговорился со своими сосѣдами-студентами. Оба были кiевляне. Высокій выскочилъ изъ дому передъ самымъ прибытiемъ

большевиковъ и ничего не успѣлъ съ собой захватить; маленькій же разсказалъ, что жена успѣла собрать ему кое-что на дорогу, но сама осталась въ городѣ. А нѣкоторые изъ ихъ знакомыхъ, повѣривъ воззваніямъ кievскаго губернатора, что большевики разбиты, вернулись домой. Высокій признался, что онъ не умѣетъ обращаться съ винтовкой и даже не знаетъ, какъ ее заряжать.

У моста намъ пришлось стоять долго. Нѣкоторые потихоньку даже покуривали; красные огоньки папирoсь странно вспыхивали среди чернильнаго мрака.

Иногда слышался заглушенный мягкимъ грунтомъ топотъ лошадей, спускавшихся откуда-то сверху. Тихо говорившіе люди коротко обрывали разговоры. Наступала жуткая тишина. Всадники проѣзжали мимо насъ, совсѣмъ не подозрѣвая, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ находится нѣсколько сотъ человѣкъ.

У самого моста всадниковъ окликали часовые. Это все были кубанцы; откуда они ѣхали, мнѣ не удалось разслышать.

Наконецъ, послѣ длинныхъ переговоровъ, общій планъ былъ выработанъ, каждой ротѣ былъ назначенъ свой участокъ, и дана опредѣленная задача.

Послѣ короткаго молчанія раздалась тихая команда строиться.

Строились долго. Благодаря кромѣшной тѣмѣ, роты перепутались; трудно было найти свое прежнее мѣсто; мои студенты куда-то исчезли; мы долго искали другъ друга.

Наконецъ, кое-какъ построились, и роты пошли наверхъ. Дорога была скользкая, грязная, съ глубокими рытвинами. Одни отставали, другіе уходили впередъ; нѣкоторые падали, слышался иногда лязгъ винтовокъ. Насъ часто обгоняли темныя фигуры и спрашивали, какая это рота, какой взводъ. На время даже забыли о большевикахъ.

Неожиданно черезъ густую еще листву деревьевъ блеснулъ свѣтъ. Сдѣлавъ еще шаговъ пятьсотъ, мы подошли къ широкой мощеной улицѣ, которая подъ прямымъ угломъ пересѣкала намъ путь. Не переходя улицы, нашъ отрядъ остановился и сталъ къ сторонкѣ. Судя по будкѣ и шлагбауму, мы находились у старой заставы. Нигдѣ въ домахъ не было огней. Все было мертвенно-тихо. На противоположной сторонѣ шипя горѣли два большихъ электрическихъ фонаря. Они словно говорили, что въ этой тѣмѣ все-таки есть гдѣ-то разумное начало.

Начали снова совѣщаться. Первой ротѣ выпало на долю занять участокъ отъ Никольскихъ воротъ и дальше влѣво; нашей, второй, — держать Печерскъ, войдя въ связь съ первой; третья должна была распространиться отъ нашего лѣваго фланга дальше. Пунктъ, гдѣ мы сейчасъ находились, былъ выбранъ мѣстомъ стоянки для штаба, а въ случаѣ неудачи — было приказано отступать къ мосту.

Во время разговоровъ, сзади послышался стукъ колесъ; подъѣхали повозки перевязочнаго пункта. Съ передней телѣги сошла, мелькая бѣлымъ платочкомъ, сестра милосердія. Въ темныхъ молчаливыхъ рядахъ она искала кіевлянъ и спрашивала о судьбѣ знакомыхъ и родныхъ.

Голосъ у нея былъ спокойный, бодрый; видимо, ее мало беспокоили своимъ близкимъ присутствіемъ затаившіеся большевики.

Роли, наконецъ, были распредѣлены. Всѣ на минуту смолкли. Какое-то раздумье охватило всю массу.

— А сколько большевиковъ въ городѣ? — спросилъ въ темнотѣ басъ.

— Жители говорили, что вошло нѣсколько полковъ; дивизія или около этого; тысячь пять или шесть, значитъ, — отвѣтилъ кто-то басу.

— Первымъ вошелъ Таращанскій полкъ, а за нимъ и другіе, — сообщилъ третій.

— Въ одномъ Таращанскомъ полку около пяти тысячъ, — сказалъ басъ.

Ему никто не отвѣтилъ.

Въ нашемъ отрядѣ было всего 700-800 человѣкъ и безъ всякихъ, къ тому же, резервовъ.

Борьба выходила, какъ будто, слишкомъ неравная.

Словно отвѣчая на это настроеніе, изъ темноты раздался голосъ:

— Господа, пощады отъ большевиковъ намъ не будетъ. Мы всѣ въ безвыходномъ положеніи. Намъ остается только одно — идти впередъ. Не всѣхъ же они перебьютъ.

Эта рѣчь была послѣднимъ напутственнымъ словомъ.

Пришлось немного подождать, пока не прибылъ, мягко работая машиной, броневой автомобиль. Онъ проѣхалъ впередъ и сталъ у шлагбаума. Пулеметчикъ попробовалъ механизмъ пулемета, поднялъ щитъ и ожидалъ приказаній. Пронеслась тихая команда, головная рота зашевелилась; автомобиль плавно въѣхалъ на улицу и повернулъ къ Никольскимъ воротамъ.

Подъ его прикрытіемъ двинулись цѣпи. Люди шли одинъ за другимъ, по тротуарамъ, съ каждой стороны мостовой. Шли осторожно, слегка согнувшись, зорко вглядываясь впередъ. Скоро броневики и цѣпи исчезли въ глубинѣ неосвѣщенной улицы. Прошла минута напряженнаго ожиданія. Грянули первые выстрѣлы, затрещалъ чей-то пулеметъ. Надъ головой на разные тона засвистѣли пули. Наступила наша очередь. Мы быстро перешли улицу, вошли въ темный переулокъ наискосокъ и стали подъ защиту дома. Когда всѣ собрались, ротный командиръ указалъ, куда какой взводъ долженъ былъ направиться, повторилъ еще разъ о необходимо-

сти держать связь справа и слѣва и назвалъ улицу, гдѣ онъ будетъ находиться.

Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, онъ приказалъ выслать дозоры — впередъ и въ стороны. Вслѣдъ за дозорами, минутъ черезъ пять, отправилась вся рота. Шли тихо, каждый взводъ отдѣльно отъ другого; иногда попадались горѣвшіе фонари, тогда шли еще осторожнѣе, еще ближе прижимаясь къ стѣнамъ черныхъ, молчаливыхъ домовъ.

Я былъ назначенъ въ команду связи и шелъ около ротнаго командира, засунувъ руки въ карманы и перебирая холодные, твердые патроны.

При свѣтѣ фонаря мнѣ удалось его разглядѣть — это былъ еще совсѣмъ молодой поручикъ-авіаторъ. Онъ былъ совершенно спокоенъ и иногда заговаривалъ вполголоса со мной. Проходя мимо большого многоэтажнаго дома, онъ остановился и оглядѣлся. Все было темно. Только на самомъ верху свѣтилось окно.

— Вотъ домъ, гдѣ я живу, — сказалъ онъ, — а это окно — комната моей жены.

Крайнимъ лѣвымъ флангомъ нашей роты предполагалась по заданію Собачья тропа. Этотъ же пунктъ ротный командиръ выбралъ мѣстомъ своей стоянки. Остальные взводы, позиціи которыхъ находились болѣе вправо, постепенно отрывались и незамѣтно уходили впередъ въ глубокую, тихую тьму.

Вдругъ впереди насъ послышался грохотъ. Черезъ минуту явились дозорные и сообщили, что ѣдетъ большой обозъ, но чей — въ темнотѣ нельзя было узнать. Быстро разсыпавшись въ цѣпь, мы стали ожидать его приближенія. Показались переднія телѣги. Дозорные выскочили изъ-за угла, заступили дорогу и окликнули. Тревога оказалась напрасной; это былъ обозъ Волчанскаго партизанскаго отряда, ѣхавшій изъ Василькова. Всѣ вздохнули свободно. О большевикахъ волчанцы ни-

чего не знали; мы предупредили ихъ, что большевики очень близко, и снова пошли дальше.

Въ глубокомъ мракѣ мы пришли, наконецъ, къ мѣсту назначенія. Это была глухая улица, съ обѣихъ сторонъ застроенная интендантскими складами. Внизъ отъ нея шель крутой оврагъ. Въ чернильной темнотѣ мы заняли подъ караульное помѣщеніе небольшое каменное зданіе — очевидно, бывшую квартиру или канцелярію. Ротный командиръ немедленно распорядился поставить караулы и выслать впередъ секреты. Кончивъ съ этимъ, мы расположились въ помѣщеніи съ тѣми удобствами, какіе могли дать голыя стѣны и длинныя скамейки. Многие закурили и стали разговаривать, нѣкоторые вышли на воздухъ. Вышелъ и я. Ночь была темная и холодная. Не доходя до тропинки, которая шла вдоль обрыва, у телефоннаго столба расположился часовой съ подчаскомъ. Они прислушивались и всматривались. Было тихо. Иногда на нѣсколько мгновеній поднималась гдѣ-то перестрѣлка. Ясно различались выстрѣлы французскихъ винтовокъ и русскихъ. Потомъ снова наступала тишина. Издали доносился отчаянный женскій крикъ: кого-то грабили, а можетъ быть, и убивали. Прямо черезъ оврагъ чувствовался Кіевъ — темный, неспящій, тревожный. Тамъ не было ни одного огонька. Единственное исключеніе представлялъ огромный многоэтажный домъ, освѣщенный снизу до верху. Бѣлые молчаливые огни наводили жуть: они казались сверхъестественными.

— Гдѣ это свѣтится? — спросилъ часовой у подчаска.

— Не знаю. Можетъ быть, большевики въ контръ-развѣдкѣ шарятъ.

— Едва ли. Ее отсюда, кажись, не видать...

Пришли люди, посланные для связи изъ другихъ взводовъ. Они рассказывали, что большевики ведутъ себя тихо и желанія переходить въ наступленіе не обна-

руживаютъ. Наши секреты привели двухъ плѣнныхъ красноармейцевъ, цыгана и костромича. Ротный командиръ сталъ ихъ допрашивать. Цыганъ былъ вертлявъ и болтливъ. Онъ говорилъ о какой-то большевицкой кавалеріи съ пиками, посланной намъ въ обходъ, и осторожно освѣдомлялся, будутъ его разстрѣливать или нѣтъ. И если да — то когда: сейчасъ или погода. Костромичъ представлялъ полную ему противоположность; это былъ степенный мужиченко; онъ говорилъ, что большевики даютъ мало хлѣба, что онъ мобилизованный и больше ничего не знаетъ. Послѣ допроса ихъ обоихъ увели куда-то въ тылъ.

Около полуночи отъ Никольскихъ воротъ разъ за разомъ блеснули два огня. Два снаряда со свистомъ пронесли надъ нами и съ трескомъ разорвались на сосѣдней улицѣ. Черезъ минуту появился темнокрасный кругъ. Онъ быстро накаливался. Затѣмъ вдругъ взметнулось высокое пламя. Оно быстро увеличивалось, словно горѣла солома или сѣно. Розовый свѣтъ залилъ улицу и караульное помѣщеніе. Было видно, какъ у пламени копошились черныя фигуры; но изъ-за треска падавшихъ балокъ ничего нельзя было слышать.

— Должно быть, большевики стрѣляютъ зажигательными снарядами, — сказалъ ротный командиръ.

— Можетъ быть, они наступать хотятъ и, поэтому, иллюминацію устраиваютъ, — отозвался офицеръ въ одномъ парусиновомъ кителѣ, безъ шинели.

Пожаръ скоро сталъ тухнуть, а справа поднялась частая перестрѣлка, и донесся безпокойный бой пулемета.

— Пойдите въ сосѣдній взводъ, узнайте, какія у нихъ новости, — обратился ко мнѣ ротный командиръ, — будьте только осторожныѣе.

Я попробовалъ, какъ ходитъ затворъ, нахлобучилъ поглубже фуражку и, пройдя часового, повернулъ по

дорожкѣ направо. Послѣ пожара стало еще какъ будто чернѣе. Я буквально ничего не видѣлъ. И эту часть города я къ тому же зналъ очень плохо. Послѣ дорожки я вышелъ на неосвѣщенную улицу и пошелъ по тротуару. Тротуаръ скоро кончился, и я попалъ въ тупикъ. Пришлось вернуться обратно и взять правѣе. Въ ночной темнотѣ я скорѣе угадывалъ, чѣмъ видѣлъ, небольшіе дома, длинные заборы, пустыри. Нѣсколько разъ записался о крыльца. Шелъ я такъ съ четверть часа и вдругъ почувствовалъ, что сбился. Оріентироваться было не на что, перестали даже стрѣлять. Я пошелъ тише. Совершенно неожиданно изъ темнаго узкаго переулка я вышелъ на длинную улицу; на ея противоположныхъ концахъ горѣло по фонарю, но сама она была черная, какъ китайская тушь. Подумавъ, я повернулъ направо. Въ этотъ моментъ сзади послышался шумъ. Я обернулся. Съ другого конца по улицѣ ѣхалъ автомобиль съ зажженными огнями. Я вспомнилъ, что у насъ, кромѣ броневго, другихъ автомобилей не было, а, судя по всему, это была легковая машина. Надо было куда-нибудь спрятаться. Въ это время я находился у длиннаго, низкаго забора. Перелѣзть уже было поздно. Я поднялъ воротникъ, спряталъ винтовку подъ шинель и сталъ лицомъ къ забору. Я надѣялся, что сѣрая шинель, заборъ и низко нависшіе надъ нимъ кусты сдѣлаютъ мою фигуру незамѣтной. Автомобиль приближался. Мое сердце больно колотилось. Шагахъ въ ста отъ меня огни погасли. Мелькнула мысль — я открыть. Случилось то, чего я не ожидалъ: страхъ плѣна, пытокъ и смерти исчезъ. Я самъ былъ господиномъ своей собственной жизни. Сердце забилося ровно. Спокойствіе, силы вернулись. Это былъ большой моментъ. Поровнявшись со мной, автомобиль обдалъ меня запахомъ бензина. Голоса были слышны отчетливо. Ёхало человекъ восемь-десять. Двое стояли на ступенькахъ. Это были большевики. Кто

то безпокоился, что заѣхали не туда, куда надо. Моторъ работалъ скверно — ѣхали тихо. Я поймалъ слово «комиссаръ». Потомъ голоса стали удаляться. Я оторвался отъ забора, спрятался за ближайшее крыльцо, вынулъ горсть патроновъ, положилъ ихъ около и поднялъ винтовку. Автомобиль въѣхалъ въ полосу свѣта. Когда чья-то голова заслонила фонарь, я выстрѣлилъ. Быстро перезарядилъ и снова выстрѣлилъ. Кто-то упалъ на землю. Бросились поднимать. Чувства жалости во мнѣ не было. Я мстилъ за разоренную Россію, за — «нѣмцы — наши товарищи», за тысячи жизней, за все, за все. Люди разбѣжались, стали къ заборамъ и начали стрѣлять вдоль по улицѣ. Но они были замѣтны и не знали, гдѣ я. Передній упалъ. Разстрѣлявъ половину патроновъ, я бросился въ переулокъ, откуда пришелъ, и пустился бѣжать. Тутъ гдѣ-то на поворотѣ меня окликнули. Это были уже свои, тотъ взводъ, который я искалъ.

— Что за перестрѣлка тамъ была, — спросили меня.

Я рассказалъ. Новостей у нихъ не было. Посидѣвъ, я отправился обратно. Передъ утромъ ротный командиръ получилъ новый приказъ: перемѣнить на разсвѣтъ позицію.

Ночь стала блѣднѣть. Постепенно предметы принимали свой обычный видъ. Лица у всѣхъ были помятыя и усталыя отъ ночныхъ переживаній. Чѣмъ больше я шелъ востокъ, тѣмъ больше становилось непріятное чувство опасности: ночь все-таки служила извѣстной защитой. Передъ самымъ восходомъ солнца у Никольскихъ воротъ вспыхнула горячая перестрѣлка.

Мы пошли къ назначенному намъ мѣсту. У своей квартиры ротный командиръ остановился.

— Вотъ что, — сказалъ онъ послѣ короткаго раздумья, — я зайду на минутку къ себѣ, а вы идите къ

мужской гимназіи и тамъ подождите меня. Я скоро приду...

Онъ ушелъ, а команда связи, состоявшая изъ четырехъ человекъ, отправилась дальше. У мужской гимназіи мы остановились и присѣли у забора. Я узналъ мѣсто: мы находились напротивъ вчерашняго шлагбаума. По улицѣ, которая шла къ Лаврѣ, со злымъ свистомъ носились пули, задѣвая листья, обдирая кору со стволовъ, ударяясь о камни. Человекъ десять офицеровъ — на нашей и на противоположной сторонѣ улицы — прятались за деревьями и за всякими другими прикрытіями. Одинъ изъ нихъ, еще очень молодой, клевалъ носомъ на скамейкѣ за шлагбаумомъ. За прятавшимися и отдыхавшими офицерами гонялся съ браунингомъ въ рукѣ полковникъ и выгонялъ ихъ изъ ихъ прикрытій. Одинъ изъ такихъ изгнанныхъ офицеровъ перебѣжалъ улицу и присѣлъ къ громадному прапорщику — моему сосѣду.

— Видѣли? — спросилъ онъ великана.

— Видѣлъ, — отвѣтилъ тотъ.

— Что это за чортъ?.. Я говорю — я здѣсь для связи отъ второй роты, а онъ слушать нехочетъ: маршъ впередъ. И ругается — трусь...

— А вы всмотритесь-ка лучше въ его лицо, — сказалъ великанъ.

И мы всѣ усталились на полковника въ длинной сѣрой шинели, съ револьверомъ въ рукѣ. Прогнавъ другого офицера, дремавшаго на скамейкѣ, полковникъ, воспользовавшись моментомъ затишья, перешелъ улицу и направился къ намъ. Было что-то ненормальное и глубоко-отвратительное въ безцвѣтныхъ глазахъ, въ тонкихъ худыхъ чертахъ, въ сжатыхъ губахъ.

— Я знаю его, — замѣтилъ великанъ, — это садистъ чистѣйшей воды. Онъ хочетъ видѣть кровь; ему нужно, чтобы кого-нибудь убило или ранило у него на глазахъ.

Не выпуская револьвера, полковникъ приближался къ намъ. Лицо его кривилось, дѣлало гримасы: оно выражало звѣрское, ненасытное сладострастіе.

— Я уже сказалъ вамъ — убирайтесь отсюда — страннымъ полузадушеннымъ голосомъ обратился онъ къ вновь прибывшему офицеру.

— И вы тоже всѣ — маршъ по своимъ мѣстамъ! Труссы... — пробормоталъ онъ.

Въ этотъ моментъ великанъ вскочилъ и щелкнулъ затворомъ. Отъ неожиданности, полковникъ отлетѣлъ назадъ. Видя насъ непримиримо настроенныхъ, онъ замолчалъ. Но великанъ задумалъ что-то свое.

— Спрячьте револьверъ.

Тотъ спряталъ.

— А теперь, — скомандовалъ великанъ, — маршъ обратно! Не пойдете — убью.

Не ожидая такого поворота вещей, полковникъ поспѣлъ. Онъ молча глядѣлъ на насъ, мы — на него. Въ этотъ моментъ большевики снова ударили изъ пулемета вдоль по улицѣ. Полковникъ стоялъ, какъ приговоренный къ смерти. Челюсть у него отвисла, по губамъ текла слюна, въ глазахъ стоялъ ужасъ, все тѣло дрожало. Передъ нами была мелкая трусливая душонка, во всей ея мрачной скверности.

— Маршъ! — повторилъ великанъ, — да не бѣжать, а то... — и онъ схватился за затворъ.

Покачиваясь, полковникъ пошелъ. Сходя съ тротуара, онъ оглянулся, но увидѣлъ, что возвращаться не слѣдуетъ. На серединѣ улицы полковникъ тяжело рухнулъ. Двинулъ разъ-два головой и затихъ. Человѣкъ пять бросилось къ нему и оттащили его подъ прикрытіе. Больше всѣхъ старался самъ великанъ. Когда стали искать рану, — на тѣлѣ ничего не оказалось.

Повидимому, просто отъ страха у полковника за-

мутилось въ глазахъ. Поставивъ его на ноги, великанъ далъ ему хорошаго пинка въ извѣстное мѣсто, и полковникъ побѣждалъ подъ гору, постепенно увеличивая скорость разбѣга. Казалось, что вотъ-вотъ сѣрая шинель оторвется отъ земли и поднимется на воздухъ. Когда она исчезла за кустами, мы вернулись на свое мѣсто.

— Не знаю — хорошо или плохо, что онъ въ живыхъ остался — заговорилъ великанъ, — я его отлично знаю : это одна изъ тѣхъ гадинъ, изъ-за которыхъ многимъ погибнуть пришлось. Въ началѣ германской войны онъ полкомъ командовалъ. Надменный былъ, никому изъ офицеровъ руки не подавалъ. Подозрительный страшно — на походѣ повсюду только однихъ шпионовъ и видѣлъ. Мужикъ, который боялся за лошадь и не давалъ подводы; еврей, спрятавшійся отъ страха, всякій человѣкъ, разговаривавшій съ солдатами на стоянкахъ, — всѣхъ принималъ за шпионовъ. По его приказу около 60 человѣкъ было повѣшено и разстрѣляно. И ни одного повѣшенія, ни одного разстрѣла не пропустилъ. Приговореннаго къ ямѣ или къ дереву ведутъ, у несчастнаго ноги подкашиваются, а у нашего полковника глаза блестятъ. Ласковымъ, мерзавецъ, въ эти минуты становился. Видно противоестественное наслажденіе испытывалъ. И другихъ при этой гнусности заставлялъ присутствовать. Особенно же порку любилъ, не упускалъ случая воспользоваться даннымъ ему на войнѣ правомъ, и за малѣйшую провинность къ ней своихъ солдатъ приговаривалъ. Самъ наблюдалъ, какъ раздѣваютъ, какъ привязываютъ, какъ драть начинали. А пороли шомполами, онъ еще приказывалъ: ударить и протянуть, чтобы чувствительнѣе было. Если кто изъ сѣкуторовъ билъ слабо, то и сѣкутора пороли. Пьянѣлъ отъ чужой крови и боли. И вмѣстѣ съ тѣмъ трусливая гадина была. Во время боя въ пяти верстахъ отъ линіи огня держался. И все-таки къ нѣмцамъ въ плѣнъ угодилъ.

Сколько тамъ хорошихъ людей отъ голода и чахотки погубло, а вотъ эта скотина въ живыхъ осталась.

Великанъ замолчалъ.

— Какъ онъ до сихъ поръ чекистомъ не задѣлался, — сказалъ послѣ паузы мой сосѣдъ, — тамъ именно такіе типы и нашли себѣ примѣненіе.

— Какъ его фамилія? — спросилъ я.

— Знаю, что онъ изъ нѣмцевъ; въ полку говорили, что его отецъ былъ еще германскимъ подданнымъ. А фамилію забылъ; помню, что тамъ есть Н. и Г. — Гернеръ, Гронеръ, что-то въ этомъ родѣ. Да, не много такихъ, но были уроды у насъ въ прошломъ, — продолжалъ, закуривая, великанъ, — пролѣзло это уродливое и въ Бѣлое движеніе, и, все-таки, все это капли, по сравненію съ моремъ зла, которое несутъ съ собою большевики.

Солнце поднималось все выше и выше. Утро было прекрасное, безоблачное. Офицеры, приходившіе отъ Никольскихъ воротъ, сообщали, что на разсвѣтъ первая рота нѣсколько разъ ходила въ атаку, но каждый разъ безъ успѣха. У большевиковъ было три пулемета и два орудія, а у нихъ, кромѣ броневого автомобиля, ничего.

На перевязочный пунктъ, помѣщавшійся въ зданіи гимназіи, начали приносить тяжело раненыхъ; легко-раненые приходили сами. По мѣрѣ того, какъ солнце поднималось, огонь большевиковъ замѣтно усиливался. Къ нимъ, несомнѣнно, подходили резервы.

Пришелъ ротный командиръ и спросилъ, какъ идутъ дѣла. Мы рассказали ему, что знали. Онъ написалъ записку, передалъ ее мнѣ и приказалъ отнести въ штабъ отряда, находившійся у моста. Я отправился. Приятно было пройти послѣ безсонной ночи и полюбоваться на залитыя солнцемъ дали за Днѣпромъ.

Несмотря на осень, высокій кievскій берегъ тонулъ въ зелени. Спускаясь внизъ по зигзагамъ дороги, я выходилъ иногда на открытыя пространства. Откуда-то

взявшіяся пули начинали пѣть надъ головой; приходилось поскорѣй миновать эти мѣста. Подъ однимъ деревомъ виднѣлась большая лужа крови, валялись обрывки бинта, куски ваты. Кого-то, очевидно, хватило. По дорогѣ одинъ изъ встрѣчныхъ офицеровъ разсказалъ, что на разсвѣтѣ большевики выпустили по мосту нѣсколько снарядовъ, но каждый разъ съ большимъ недолетомъ.

У самаго моста я увидѣлъ группу офицеровъ. Это и былъ штабъ отряда. Я передалъ донесеніе нервно-ходившему полковнику съ георгіевской ленточкой. Онъ торопливо распечаталъ его, прочелъ и положилъ въ карманъ. Потомъ, разсказавъ о ночныхъ событіяхъ, я отправился обратно. На половинѣ дороги, съ открытаго мѣста, на другомъ берегу Днѣпра, ясно виднѣлись чьи-то черныя цѣпи. Однѣ изъ нихъ наступали къ мосту, что велъ на Подоль, другія — къ Цѣпному мосту. Нѣсколько человѣкъ присматривалось къ этимъ цѣпямъ. Одни говорили, что это большевики, другіе, что струковцы. Какъ я узналъ впослѣдствіи, это были, дѣйствительно, струковцы, производившіе развѣдку. Явившись къ ротному командиру, я доложилъ ему обо всемъ.

Когда мы разговаривали, принесли носилки, покрытыя гимназической шинелью. Изъ-подъ нея виднѣлись ноги въ забрызганныхъ грязью штиблетахъ.

Носильщики поставили свою ношу у входа и сѣли съ нами.

— Кто это? — спросили ихъ.

— Гимназистъ какой-то. Пуля ему въ лобъ попала. Сначала еще двигался, а потомъ пересталъ. Должно быть, умеръ. А храбрый мальчуганъ былъ.

Изъ гимназіи вышла дама въ сѣромъ платьѣ, за ней докторъ. Докторъ остался на крыльцѣ, дама сошла на тротуаръ. Она посмотрѣла на носилки, подошла и откинула шинель.

И тутъ же сразу опустилась и приникла головой къ тѣлу.

— Колечка, Колечка, зайныка мой!.. — разнесся крикъ, и слѣдомъ за нимъ — острый, раздѣленный спазмами, хохоть. Всѣ невольно встали. А дама то пригibasалась къ тѣлу, то снова откидывалась. Глаза у нея страшно расширились, они были безумны.

Подошелъ докторъ; открылъ одинъ глазъ, потомъ другой; пощупалъ пульсъ, послушалъ сердце. И сталъ въ сторону: дѣлать ему было нечего.

А мать цѣловала лицо убитаго, цѣловала рану, прижималась къ тѣлу.

— Зайчикъ мой, Колечка мой, ласковый мой!..

Хотѣли унести тѣло — не позволила; хотѣли ее увести — не шла.... А потомъ сразу вдругъ ослабѣла, притихла, постарѣла. Отошла даже отъ тѣла, сѣла на ступеньку и тихонько запѣла, какъ поютъ дѣтямъ, когда они засыпаютъ:

Жиль - былъ зайчикъ сѣренькій,
Маленькій, хорошенькій....
Мама зайчика...

Трещали пулеметы, разгоралась перестрѣлка, со свистомъ носились пули. А мать была въ какомъ-то другомъ пространствѣ и другомъ времени.

— Пойдемте отсюда, — сказалъ ротный командиръ. Мы перешли на другое мѣсто.

— А надо правду сказать, — замѣтилъ штабсъ-капитанъ съ просьбою, — теперь эти мальчуганы смѣлѣе насъ.

— У нихъ душа свѣжая, — отвѣтилъ ему сосѣдъ, — а мы устали...

— А вѣдь того, что происходитъ сейчасъ, могло бы совсѣмъ и не быть, — продолжалъ штабсъ-капитанъ, — на регистрацію явилось 15 тысячъ офицеровъ. Изъ нихъ

можно было составить прекрасный корпусъ. Прямо корпусъ побѣды. Теперь 800 человѣкъ не только держатся, но даже нападаютъ. Что бы сдѣлали 15 тысячъ людей?

— А гдѣ эти 15 тысячъ?

— Да разбѣжались, пока тянулась реабилитація. Всѣ замолчали.

Вдругъ воздухъ затрясся отъ орудійныхъ выстрѣловъ, раздалось ура. Мы переглянулись. Винтовки нервно заходили въ рукахъ. — Кто?

Скоро все объяснилось. Намъ на помощь пришелъ Волчанскій партизанскій отрядъ. Послѣ нѣсколькихъ никчемныхъ атакъ, волчанцы, не обращая вниманія на пулеметный огонь, на рукахъ вкатили одно орудіе, какъ разъ противъ большевицкихъ позицій и въ упоръ стали разстрѣливать ихъ. Большевики дрогнули и побѣжали. За ними погнались. Сейчасъ шелъ бой.

Изъ команды связи я попалъ въ сторожевое охраненіе на улицѣ, которая идетъ вдоль ипподрома. Тутъ пришлось пробыть нѣсколько часовъ, въ ожиданіи, пока не повернется, такъ сказать, ось событій, и не перемѣнится *place d'armes*. Мы стояли жидкой цѣпочкой — двѣсти, триста шаговъ другъ отъ друга. Мѣсто, гдѣ происходилъ самый бой, было отдѣлено отъ насъ большимъ застроеннымъ пространствомъ. Оттуда пули къ намъ залетать не могли. Равнымъ образомъ, не могли, какъ будто, мы слышать и ружейныхъ выстрѣловъ. А, между тѣмъ, воздухъ надъ нами звенѣлъ отъ роя пуль, и слышались частые, порой и не винтовочные, выстрѣлы. Сойдясь на минуту, мы говорили о странности этого явленія и поскорѣе расходились. Нѣкоторые, уставъ отъ непрерывнаго напряженія, прижимались къ стѣнамъ домовъ, другіе садились или ложились на мостовую, а третьи, съ винтовкой на изготовку, слѣдили за подозрительными домами. Моего сосѣда въ ту минуту, когда онъ подходилъ ко мнѣ,хватила пуля и притомъ, види-

мо, разрывная. Его повели на перевязочный пунктъ. На правой рукѣ выше локтя виднѣлась громадная рваная рана. По рукаву струйкой бѣжала кровь и красной полосою падала на камни. Раненый шелъ, слегка качаясь. Лицо у него было страшно блѣдное, глаза закрыты. Словно обрадованныя, пули залетали въ еще большемъ количествѣ. Одна ударила въ заборъ, другая чиркнула камень у ноги и расплюснулась. Я поднялъ пулю. Отъ нея мало, что осталось. Но, насколько можно было судить, это была пуля небольшого калибра. Я спрятался за дерево и сталъ наблюдать. Но передо мной, въ глубину, былъ цѣлый лабиринтъ домовъ самыхъ разныхъ высотъ и подъ самыми разными углами. Найти что-нибудь въ этомъ нагроможденіи было просто невозможно. Ясно было только одно, что, кромѣ явнаго врага, у насъ были еще и тайные, прятавшіеся гдѣ-то по сосѣдству. Наконецъ, послѣ двухъ или трехъ часовъ стоянія, получилъ приказъ: всему сторожевому охраненію стянуться къ гимназіи. Не знаю, какъ другіе, а я съ удовольствіемъ покинулъ свое мѣсто. На перекресткѣ у гимназіи было много народу. Нѣсколько женщинъ расположились на улицѣ съ ведрами горячаго чая и пшенной каши, угощая защитниковъ Кіева. Защитники, голодные и измазанные, были рады возможности подкѣпиться. Другія сострадательныя души раздавали хлѣбъ и колбасу. У самой заставы, изъ-за чего-то спорила группа офицеровъ. Я подошелъ къ нимъ. Предметомъ спора была телѣга, нагруженная папиросами и консервами.

— Это телѣга наша, — говорилъ блѣдный рыжій офицеръ, — мы ее отняли у большевиковъ и поставили здѣсь въ кусты.

— Мы ее нашли и не отдадимъ, — заявилъ одинъ изъ сидѣвшихъ на козлахъ, — около нея никого не было; телѣга наша.

— Около нея никого и быть не могло, мы ее поставили и снова вернулись въ бой; у насъ не было людей охранять ее.

Сидѣвшіе на козлахъ упорствовали.

— Да что съ ними разговаривать? Пусть скажутъ, гдѣ они были все это время, — раздался чей-то голосъ.

— Правильно — загудѣла толпа, — этихъ молодчиковъ что-то здѣсь не было видно...

— За мостомъ скрывались, поближе къ штабамъ. А какъ легче стало — явились: и мы пахали.

— Прямо прикладомъ ихъ съ телѣги, что тутъ канитель тянуть?..

Когда сидѣвшіе на телѣгѣ заворочались, словно ища свидѣтелей или сочувствія, я увидѣлъ тѣхъ самыхъ корнетовъ, которые назвали меня съятеlemъ паники и приказали арестовать. Но въ толпѣ они не узнали меня.

Бросивъ возжи, они сошли съ козелъ подъ градомъ насмѣшекъ.

Вскорѣ подошли и остальные роты. Наша роль кончилась: волчанцы и Якутскій полкъ преслѣдовали отступавшихъ большевиковъ.

Я получилъ пачку папирсовъ, банку консервовъ, полѣлъ каши и напился чаю. Послѣ ѣды мной сразу овладѣло чувство глубокой усталости. Я присѣлъ на край тротуара. Вокругъ говорили о только что минувшихъ событіяхъ, передавали, кто убитъ, кто раненъ. Перепуганные жители показывались въ воротахъ и рассказывали, какъ они боялись, что большевики останутся господами города. Подъ вечеръ, изъ-за моста, появились бѣглецы и потянулись въ Кіевъ, Отдохнувъ, я сталъ искать ротнаго командира спросить, какъ будетъ дальше, но не нашелъ его. Нашъ отрядъ считался, очевидно, распущеннымъ, и всѣ офицеры, группами и одиночками возвращались къ себѣ. Пошелъ и я.

ГЛАВА V.

Я шелъ тихо, раздумывая, гдѣ бы можно было переночевать. Окраины Кіева были еще въ рукахъ большевиковъ. Идти одному на свою квартиру было опасно. Въ этомъ состояніи нерѣшительности я замѣтилъ въ толпѣ офицера, лицо котораго мнѣ показалось знакомымъ. Онъ тоже присматривался ко мнѣ. Наконецъ, мы узнали другъ друга. Это было старое, хорошее знакомство. Мы сердечно поздоровались и пошли вмѣстѣ, разговаривая о текущихъ событіяхъ.

Около Комендантскаго Управленія насъ задержалъ офицеръ въ свѣтлой шинели и съ записной книжкой въ рукахъ.

— Вы свободны? — обратился онъ къ намъ.

— Да, а что? — спросилъ я.

— Въ штабъ генерала Непенина просили нѣсколько человекъ; явитесь тамъ къ капитану Ка и скажите, что капитанъ Курицынъ посылаетъ васъ къ нему.

Я переглянулся съ Дмитриевымъ — такъ звали моего спутника; это было лучше, чѣмъ ночевать, неизвѣстно гдѣ. Получивъ записку отъ капитана, мы направились въ штабъ, на Банковую площадь. Всѣ чины его стояли на подъѣздѣ большого длиннаго дома и слушали далекую перестрѣлку. Сумерки сгущались. Высоко надъ головой пролетѣли, точно догоняя другъ друга, два снаряда. Капитанъ Ка, вмѣстѣ съ другими штабными, стоялъ на крыльцѣ. Мы отдали ему записку и спросили, въ чемъ будутъ заключаться наши обязанности. Онѣ оказались несложными: ходить ночью дозоромъ вокругъ штаба и стеречь плѣнныхъ, если таковые окажутся. Это

было вполне приемлемо для насъ, и мы остались съ большимъ удовольствіемъ. Наступила ночь. Но при зданіи была собственная электрическая станція, которая при всѣхъ переменахъ оставалась на мѣстѣ и свѣтила всѣмъ властямъ. Намъ отвели большую угловую комнату, гдѣ стояли пустые шкафы, большіе столы и мягкія кресла, совсѣмъ не подходившія къ казенной обстановкѣ. Было тепло и свѣтло. Въ знакъ своего посѣщенія большевики оставили на полу звѣзду и вывинтили въ заднихъ комнатахъ лампочки; но, впрочемъ, безпорядка большого не надѣлали. Въ комнатѣ мы нашли еще двухъ человѣкъ: гардемарина и прапорщика. Мы распредѣлили между собой часы дозора. Первыми ушли гардемаринъ съ прапорщикомъ. Послѣ нихъ должны были идти мы съ Дмитріевымъ.

Начали тѣмъ временемъ приводить плѣнныхъ. Первыми появились, въ сопровожденіи маленькаго замореннаго поручика, два сдобные дяди, похожіе скорѣе на спекулянтовъ, чѣмъ на красноармейцевъ; шинелей у нихъ не было, оба были одѣты въ парусиновые костюмы. Потомъ привели двухъ мальчишекъ, захваченныхъ у вокзала въ тотъ моментъ, когда они сигнализировали отступавшимъ большевикамъ.

Появился одинъ кіевлянинъ, въ штатскомъ костюмѣ, препровожденный съ запиской, что онъ былъ пойманъ патрулемъ въ тотъ моментъ, когда разспрашивалъ жителей, гдѣ находятся большевики и гдѣ добровольцы. По словамъ арестованнаго, онъ жилъ на Житомирской улицѣ и не зналъ, въ чьихъ она рукахъ. Его рѣшили оставить до утра. Для ночлега плѣннымъ отвели половину нашей комнаты. Кіевлянинъ, не теряя времени, снялъ пальто, разостлалъ его на полу, легъ на одну половину, укрылся другой и сразу заснулъ. Мальчишки прижались, какъ щенята, одинъ къ другому, и послѣдовали его примѣру. Только дяди долго не могли за-

снуть: имъ въ ихъ парусиновыхъ костюмахъ было прохладно.

Первымъ караулилъ плѣнныхъ Дмитріевъ. Несмотря на свою суровую внѣшность, онъ былъ очень добродушенъ и разговорчивъ.

— Холодно вамъ? — спросилъ онъ ихъ.

— Теперь-то холодно, господинъ капитанъ, а вотъ, когда насъ въ плѣнъ взяли, такъ очень даже жарко стало, — отвѣтилъ одинъ, — думали — разстрѣляютъ. Намъ такъ комиссары и говорили: бѣлые въ плѣнъ не берутъ.

— А красные-то въ плѣнъ берутъ?

— Простыхъ солдатъ — да, а офицеровъ — нѣтъ. Да офицеры живыми не даются. Народъ геройскій. На Крещатикѣ одного офицера раненымъ подобрали; повели его къ комиссару, тотъ допрашивать сталъ, а офицеръ взялъ и плюнулъ ему въ харю: «вотъ весь мой сказъ». Ну, комиссаръ его изъ нагана и уложилъ.

Когда насталъ мой чередъ караулить, усталость и предшествовавшія тревоги взяли свое: я сталъ безсовѣстно клевать носомъ. Это замѣтилъ прапорщикъ, вернувшійся съ гардемариномъ изъ обхода.

— Ложитесь лучше спать. Я покараулю за васъ. У меня бессонница, и я все равно не засну.

Я поблагодарилъ и отказываться не сталъ. Выбравъ самый большой столъ въ сосѣдней комнатѣ, я легъ на него, укуталъ ноги старыми, валявшимися тутъ газетами, накрылся шинелью и быстро заснулъ. Ночь прошла спокойно. А если бы даже что-нибудь и случилось, то я все равно ничего бы не слышалъ.

Солнце уже свѣтило, когда я проснулся. Плѣнные еще спали. Ихъ стражъ дремалъ въ глубокомъ креслѣ. Я нашелъ въ корридорѣ кранъ, умылся и смѣнилъ своего дремлющаго коллегу. Пришелъ Дмитріевъ и сказалъ, что за ночь никакихъ донесеній въ штабъ не по-

ступало. Мой замѣститель отпросился на полчаса — пойти напиться чаю и навѣстить семью, жившую на Лютеранской улицѣ. Когда онъ вернулся, пошли Дмитріевъ съ гардемаринѣмъ. Мнѣ некуда было идти, а ѣсть хотѣлось.

— А вы сдѣлайте такъ, — посовѣтовалъ гардемаринъ, — выйдите на площадь и прогуляйтесь немного. Теперь жители ходятъ по улицамъ, и сами просятъ къ себѣ.

Я такъ и сдѣлалъ. Выйдя на подъѣздъ, я повернулъ налѣво. Шедшіе впереди меня два офицера были остановлены пожилой четой, и послѣ короткаго разговора всѣ пошли вмѣстѣ. Не успѣлъ я завернуть за уголъ, какъ и ко мнѣ подошла дама въ черномъ платьѣ и съ мягкими, добрыми глазами. Извинившись предварительно за свое предложеніе, она пригласила меня къ себѣ.

— Я знаю, что всѣмъ вамъ за это время некогда и нечего было поѣсть; мой мужъ и я очень будемъ рады накормить хоть одного изъ добровольцевъ.

По дорогѣ она прихватила еще кадета, котораго замѣтила въ воротахъ дома. Двѣнадцатилѣтній воинъ, вооруженный отцовской шашкой, на половину безъ ноженъ, стоялъ и придумывалъ очень сложную комбинацію изъ сахарной бичевки и отлетѣвшихъ подошвъ. Взятые въ плѣнъ безъ большого сопротивленія, мы вошли въ подъѣздъ просторнаго красиваго дома. Квартира оказалась большой и богато обставленной. Мы съ кадетомъ замаялись: оба мы были грязны и дико выглядѣли среди этой дорогой обстановки.

Насъ провели въ столовую. Вышли хорошенькія барышни и пожилой мужчина — по виду большой коммерсантъ — и занялись нами. Кадетъ съ тоской поглядывалъ на свои ноги, на свои руки и какъ-то не рѣшался сѣсть. Стѣсняла его особенно шашка; еще въ передней онъ пытался отстегнуть ее и поставить въ уголъ.

Но она была привязана къ поясу цѣлой системой шнурковъ и веревочекъ, распутаться въ нихъ было положительно внѣ человѣческихъ силъ. Зато я сълъ скорѣе, можетъ быть, даже, чѣмъ слѣдовало; и сѣвши сейчасъ же спряталъ подъ столъ руки съ траурными ногтями.

Хозяинъ завелъ солидный разговоръ, а проворныя барышни быстро забѣгали между столомъ и буфетомъ, и скоро бѣлоснѣжная скатерть покрылась разными земными благами. Накормили насъ прекрасно: холодныя котлеты, золотистые пирожки съ рисомъ, тортъ, горячій чай. Кадетъ, кромѣ того, былъ основательно разпрошенъ на счетъ своихъ родителей, видовъ на будущее и матеріальнаго положенія. Родителей у него не было, видовъ на будущее — никакихъ, матеріальное положеніе — нищета. Ему дали немного бѣлья, кое-какого платья и пару ботинокъ.

Накормленные и напоенные, мы съ кадетомъ покинули гостепріимныхъ хозяевъ. Сдѣлали мы это въ самый подходящий моментъ: на улицахъ снова была артиллерія и била гдѣ-то очень близко. Походило на то, что большевики, какъ будто, снова приближаются. На углу я простился съ кадетомъ и побѣжалъ въ штабъ. Но въ штабъ все было спокойно, и самая стрѣльба скоро прекратилась. Вся наша небольшая компанія была въ сборѣ.

Я разговорился съ офицеромъ, который ночью вмѣсто меня караулилъ плѣнныхъ. Это былъ прапорщикъ, когда-то служившій судебнымъ слѣдователемъ въ Кіевѣ. Звали его Никаноръ Никаноровичъ Помогайловъ. Въ ночь съ 1-го на 2-ое октября онъ находился въ первой ротѣ, которая занимала участокъ около Никольскихъ воротъ. Такъ какъ Помогайловъ хорошо зналъ Кіевъ, то его назначили дозорнымъ. Онъ отправился впередъ и вошелъ въ одну изъ боковыхъ улицъ. Улица была совершенно темная. Но какъ - то случайно ему удалось

найти и захватить двухъ неизвѣстныхъ людей, плотно прижавшихся къ стѣнкѣ. Одинъ изъ захваченныхъ былъ въ погонахъ и назвалъ себя полковникомъ генеральнаго штаба, отправившимся на развѣдку, а другого «полковникъ» представилъ, какъ своего денщика. Оба они были прекрасно вооружены и имѣли, между прочимъ, 25-ти зарядную магазинку. Когда Помогайловъ сталъ допрашивать ихъ, полковничій денщикъ прямо заявилъ: «Да вы не вѣрьте ему, господинъ поручикъ, это не полковникъ, а красный комиссаръ, и не русскій, а цыганъ. Мы ждали, когда добровольцы впередъ пройдутъ, чтобы имъ въ тылъ стрѣлять»...

Цыгана и его товарища забрали и отправили въ штабъ. Если бы Помогайлову не удалось найти ихъ, то еще, Богъ знаетъ, какъ могло бы обернуться дѣло.

Какъ и я, Помогайловъ долженъ былъ пройти черезъ длинную процедуру реабилитаціи. И до сихъ поръ ему, какъ и мнѣ, не удалось еще получить очистительной бумажки. Словомъ, въ нашей судьбѣ было нѣчто общее; а одинаковые взгляды на нѣкоторыя вещи насъ сблизили еще больше.

Послѣ недолгаго перерыва, пушки заголосили снова. Начали приводить новыхъ плѣнныхъ. Первыми оказались двое какихъ-то штатскихъ, видимо, евреи; въ препроводительной запискѣ было сказано, что они сигнализировали большевикамъ. Потомъ привели молодого рыжеватаго человѣка съ женщиной — высокой полной блондинкой. Они оба были захвачены въ тотъ моментъ, когда перебѣгали отъ большевиковъ. Но рыжеватый горячо отрицалъ свою причастность къ большевикамъ. Онъ говорилъ, что онъ еще «неотреабилитированный» офицеръ и, захваченный въ первый день врасплохъ, не успѣлъ убѣжать отъ большевиковъ. Женщина — его жена. Все это время они просидѣли дома, боясь посѣщенія большевиковъ. Къ счастью, тѣ были

слишкомъ заняты и на ночь отступили. Утромъ же большевики снова неожиданно появились. Не желая оставаться съ ними, онъ и его жена рѣшили бѣжать къ добровольцамъ.

— Намъ пришлось проходить черезъ большевицкія и добровольческія цѣпи. Въ насъ стрѣляли съ обѣихъ сторонъ. Просто чудо, что мы уцѣлѣли, — закончилъ мужъ свой рассказъ. Жена же его молчала и только тряслась.

Рассказъ былъ очень правдоподобенъ. Но ихъ все-таки не отпустили; ихъ приказали въ два часа, вмѣстѣ съ другими плѣнными, отвести въ штабъ дивизіи, находившійся за Днѣпромъ.

Въ первый разъ мнѣ пришлось караулить женщину. Я чувствовалъ себя очень странно, когда въ качествѣ выводнаго мнѣ пришлось ее провожать. Но жена рыжеватаго офицера не долго оставалась среди плѣнныхъ единственной представительницей своего пола. Около полудня, съ шумомъ заявившіеся конвойные привели, къ нашему крайнему изумленію, двухъ дѣвушекъ — блондинку и брюнетку; обѣ онѣ были съ непокрытыми головами, въ однихъ лѣтнихъ костюмахъ. Блондинка, рослая, растрепанная, розовая, какъ піонъ, шла безъ ботинокъ, въ однихъ только чулкахъ. Она была въ большемъ смятеніи и нѣсколько разъ принималась плакать. Гдѣ и почему ее захватили — я теперь уже не помню. Ее почему-то называли латышкой и, на самомъ дѣлѣ, она не была похожа на русскую. Насколько блондинка была встревожена, настолько брюнетка владѣла собой. На ногахъ у нея были новенькія лакированныя туфельки на высокихъ каблукахъ. Длинные, густые волосы были собраны на затылкѣ въ большой узелъ. Она стала у шкафа, сложила на груди руки и глядѣла передъ собой — гордо, безстрашно. Оказалось, что брюнетка — коммунистка и служила пулеметчицей въ Интернаціональ-

номъ полку; ее, кажется, такъ съ пулеметомъ и взяли. Пощады ей, слѣдовательно, нечего было ждать, да она ея и не просила.

Между тѣмъ пушечная стрѣльба все усиливалась и приближалась; грохотъ сталъ непрерывнымъ, стекла дрожали. Плѣнные начали переглядываться, да и мы тоже: не было сомнѣнія, что происходитъ что-то значительное.

Мы съ Помогайловымъ рѣшили выйти и посмотреть, что дѣлается снаружи. Противъ штаба, на другой сторонѣ улицы, стоялъ грузовикъ со снарядами, а около самого подъѣзда — нѣсколько верховыхъ лошадей и легковыхъ автомобилей. Одинъ изъ шоферовъ оказался шуриномъ Помогайлова и сообщилъ намъ, что получилъ приказъ приготовить автомобили и ждать у подъѣзда. Поймавъ въ коридорѣ Дмитріева, я рассказалъ ему о положеніи. Онъ сейчасъ-же побѣжалъ къ адъютанту находившемуся въ комнатѣ черезъ коридоръ, узнать въ чемъ дѣло. Оказалось, что большевики утромъ снова сдѣлали прорывъ, и теперь бой шелъ на Крещатикѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже ближе. Весь штабъ дѣйствительно свернулся и каждую минуту былъ готовъ сѣсть и уѣхать.

Послѣ этихъ извѣстій плѣнные подъ начальствомъ гардемарина были отправлены въ тылъ. А мы втроемъ — Дмитріевъ, Помогайловъ и я — остались въ распоряженіи штаба. Мы перешли въ небольшую комнату, прилежавшую къ кабинету адъютанта. Адъютантъ сидѣлъ у телефона, не опуская трубки, и — или писалъ приказанія, или говорилъ. Верховые пріѣзжали и уѣзжали каждую минуту, привозя донесенія и развозя приказы. Ожиданіе, безъ всякаго дѣла, было очень томительно. Мы втроемъ вышли на подъѣздъ. Орудія грохотали, пулеметы быстро стрекотали. Пройдя до угла, мы увидѣли за заборомъ спрятавшуюся полу-роту, въ ожиданіи про-

тивника. На обратномъ пути слышно было, какъ что-то шумѣло въ листьяхъ кленовъ, росшихъ передъ фасадомъ штаба. Это были пули; онѣ летѣли надъ нашими головами, сбивали сучки и оставляли на стѣнахъ небольшія выемки отъ удара. Во дворѣ кубанцы ловкими движеніями сѣдлали коней и куда-то ихъ выводили.

Время тянулось медленно, мы сидѣли молча, каждый думалъ о своемъ. Дмитріевъ нѣсколько разъ ходилъ къ адъютанту за новостями. Наконецъ, рѣшающій моментъ наступилъ. Большевики были опрокинуты и бѣжали. Стрѣльба начала удаляться. Мы вздохнули свободнѣе. Съ души спала огромная тяжесть.

Вскорѣ прибылъ гардемаринъ. Онъ разсказалъ, что за мостомъ, по дорогѣ къ штабу дивизіи, онъ видѣлъ много военныхъ, ничего не дѣлавшихъ и только спрашивавшихъ, какъ идутъ дѣла въ Кіевѣ. Когда одинъ ротмистръ узналъ, что гардемаринъ ведетъ плѣнныхъ, и что брюнетка — коммунистка и служила пулеметчицей, то прежде, чѣмъ гардемаринъ могъ что-нибудь сдѣлать, ротмистръ за волосы оттащилъ ее въ сторону и выстрѣломъ въ голову уложилъ на мѣстѣ. Потомъ какой-то черкесь прицѣпился къ еврею, на которомъ была кожаная куртка на мѣху. Черкесь увѣрялъ, что эта куртка принадлежитъ его брату, убитому наканунѣ въ Кіевѣ. Такъ какъ еврей сказалъ, что онъ «нашелъ» ее, то гардемаринъ приказалъ отдать эту куртку черкесу.

Наступившая ночь остановила дѣйствія съ обѣихъ сторонъ. Мы съ Помогайловымъ были назначены дозорными и вышли вмѣстѣ сдѣлать нашъ первый обходъ. Было около девяти часовъ вечера. Надъ всѣмъ городомъ висѣла густая тьма. Яркое освѣщеніе былъ только штабъ. Гдѣ-то за Подоломъ пускали ракеты, по всей вѣроятности, большевики. Отойдя нѣсколько шаговъ отъ штаба, мы погрузились въ абсолютную черноту: мы сами ничего не видѣли, но и насъ нельзя было видѣть.

Иногда слышались шаги, иногда разговоры. На наши оклики получался обыкновенно отвѣтъ: «Государственная стража». Было непонятно, откуда она могла появиться. Мы подошли къ улицѣ, круто спускавшейся къ Крещатику, и прислушались. Звенѣли разбиваемыя стекла, доносились крики, рѣдкіе выстрѣлы. Шелъ грабежъ. Кто и гдѣ грабилъ — Богъ знаетъ.

Идя къ Крещатику, мы остановились на минуту около того дома, гдѣ жилъ Помогайловъ. На фонѣ противоположной стѣны, бѣлой днемъ, а теперь сѣромутной, что-то передвигалось. Мы окликнули — ни звука, сѣрое неопредѣленное пятно снизилось и пропало; потомъ опять показалось и быстро побѣжало по направленію къ Крещатику.

Помогайловымъ овладѣло искушеніе зайти провѣдать своихъ. А когда онъ выразилъ предположеніе, что насъ обоихъ могутъ накормить и напоить горячимъ чаемъ, бѣсъ искушенія вселился и въ меня. Домъ, снаружи казавшійся совсѣмъ безжизненнымъ, внутри вмѣщалъ великое множество людей. Они наполняли дворъ, лѣстницы, коридоры и открытыя квартиры тревожно гудѣвшей толпой. Семья Помогайлова очень обрадовалась нашему приходу. При свѣтѣ одинокаго стеаринового огарка, сейчасъ же поставили самоваръ и нанесли что было съѣстнаго. Пошли разговоры. Съ утра большевики такъ стремительно продвинулись впередъ, что жители считали штабъ и весь персоналъ его взятымъ въ плѣнъ или убитымъ. Наше чаепитіе было вдругъ прервано появленіемъ массы перепуганныхъ жильцовъ и бѣженцевъ: въ ворота кто-то ломился и требовалъ открыть ихъ. Не допивъ чаю, мы бросились съ винтовками внизъ. По дорогѣ чья-то услужливая рука дала намъ фонарь. Спустившись, мы поставили фонарь на полъ и, открывъ задвижку, отскочили въ уголъ. Дверь открылась. Показалась статная фигура красавца-кубанца. На

немъ были мягкіе сапоги, бѣлая бурка и низенькая барашковая шапочка. На поясѣ висѣлъ кинжалъ съ ручкой изъ слоновой кости. Другого оружія при немъ не было. Гость былъ совершенно спокоенъ и хладнокровенъ. Увидѣвъ двѣ фигуры въ офицерскихъ погонахъ, кубанецъ вѣжливо извинился и ушелъ. И это было все. У меня мелькнула мысль — не былъ ли онъ тѣмъ сѣрымъ пятномъ, которое мы видѣли, спускаясь внизъ.

Мы посидѣли еще съ полчаса, допили чай, успокоили испуганныхъ квартирантовъ и пошли обратно. Охранять въ штабѣ было некого, и я, взобравшись на столъ, мирно заснулъ. Утро было тихое и спокойное; стрѣльбы не было. Большевиковъ, какъ говорили въ штабѣ, гнали дальше.

Передъ вечеромъ привели маленькаго захудалаго еврейчика въ коричневомъ пальто. Въ сопроводительной запискѣ сообщалось, что арестованный — чекистъ. Но тихій, покорный и скорѣе грустный, чѣмъ боязливый, онъ невольно внушалъ чувство довѣрія и симпатіи. По его словамъ, онъ стоялъ у своихъ воротъ, когда показавшійся верхомъ офицеръ закричалъ, что изъ ихъ дома стрѣляли въ добровольцевъ, ударилъ его нагайкой и приказалъ арестовать. А на вопросъ — почему, отвѣтилъ — «чекистъ».

Слѣдомъ за арестованнымъ пришла его мать. Она со слезами увѣряла, что сынъ ея политикой не занимался, коммунистомъ, а тѣмъ болѣе чекистомъ, не былъ и быть не могъ.

— Онъ у меня — дитя тихое, ласковое, крови видѣть не можетъ. Весь домъ, гдѣ мы живемъ, можетъ это подтвердить, — защищала мать своего сына.

И, говоря, она утирала передникомъ катившіяся по лицу слезы и съ тихой, неотзывной мольбой глядѣла на насъ. Въ ея голосѣ звенѣли тоска и тревога. Мы чувствовали, что она говоритъ правду.

Дмитріевъ подумалъ минуту и, не донося въ штабъ объ арестованномъ, самъ, отъ своего имени, написалъ записку начальнику Государственной стражи, прося объяснить личность арестованнаго и немедленно, въ случаѣ невинности, отпустить его. Съ запиской и арестованнымъ я пошелъ на поиски начальника Государственной стражи.

День былъ сѣрый, городъ казался вымершимъ; рѣдко кого изъ жителей можно было встрѣтить у воротъ. Видимо, вѣра въ изгнаніе большевиковъ ослабѣла. Я спустился на Крещатикъ. Закрытые магазины, пустота, жуть. Отъ Крещатика до Софійскаго Собора я никого не встрѣтилъ. У телеграфной конторы, мимо которой пришлось пройти, всѣ провода были порваны и свисали книзу, какъ вѣтви плакучей ивы. Недалеко отъ конторы стоялъ грузовой автомобиль, съ группой офицеровъ на площадкѣ. Среди нихъ нашлось нѣсколько знакомыхъ. Оказалось, что тутъ недавно кончился бой, и они спѣшили догонять большевиковъ. Мой арестованный очень заинтересовалъ ихъ, но я увѣрилъ, что это такъ себѣ, пустяки, и поспѣшилъ удалиться отъ опаснаго мѣста. Софійская площадь и прилегавшія улицы представляли печальный видъ: разбитыя стѣны, зіяющія окна, кровь на мостовой. Сама колокольня Софійскаго Собора носила слѣды артиллерійскихъ попаданій.

Тамъ, гдѣ долженъ былъ находиться начальникъ Государственной стражи, я нашелъ только полицейскаго пристава. Онъ былъ одинъ и торопливо ходилъ взадъ и впередъ по громадной залѣ. Услышавъ мои шаги, приставъ вздрогнулъ и остановился.

— Вамъ что угодно? — спросилъ онъ.

Я рассказалъ ему, въ чемъ дѣло.

Оказалось, что Государственная стража была еще не у дѣлъ, и все подчинялось военнымъ властямъ. Поэтому, онъ посовѣтовалъ сдать арестованнаго комен-

данту города, который уже вернулся и занялъ свое прежнее помѣщеніе.

Я вышелъ на улицу; мать еврейчика поджидала насъ у входа. Я подозвалъ ее.

— Гдѣ вы живете?

— Совсѣмъ близко, третья улица направо.

— Ступайте впередъ и показывайте дорогу.

Мать пошла впереди, а мы вдвоемъ — слѣдомъ за ней. Пройдя нѣсколько улицъ, она остановилась у небольшого дома.

— Вотъ здѣсь.

— Позовите дворника.

Она исчезла въ воротахъ и черезъ минуту вернулась съ мужчиной саженнаго роста. Это и былъ дворникъ.

— Можете поручиться, что этотъ человѣкъ не чекистъ? — спросилъ я, указывая на моего еврейчика.

— Нашъ-то Абрамчикъ да чекистъ, — удивился дворникъ, — да онъ самый тихій человѣкъ на свѣтѣ.

— Такъ и берите его себѣ....

И, вынувъ записку, я разорвалъ ее на мелкіе клочки. Абрамчикъ скользнулъ въ ворота, а мать проводила меня до угла и на прощаніе сказала:

— Пусть Господь поможетъ вамъ въ самую трудную минуту!

Я направился въ Штабъ. Проходя мимо Комендантскаго Управленія, я увидѣлъ расклеенныя на стѣнѣ объявленія и подошелъ узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что комендантъ города, въ виду событій прошлой ночи, объявлялъ грабителей внѣ закона и угрожалъ имъ разстрѣломъ на мѣстѣ преступленія.

Вмѣстѣ со мной читалъ эти объявленія высокій брюнетъ въ студенческомъ пальто и такой же фуражкѣ. На пальто неуклюже были прикрѣплены штабсъ-капи-

танскіе погоны. Мы случайно заговорили. Онъ жилъ на Подолѣ и не зналъ, въ чьихъ онъ рукахъ.

— Боюсь за жену и за ребенка, — сказалъ студентъ, — они остались дома одни, а теперь, говорятъ, тамъ грабятъ. Скверно будетъ, если еще свои же ограбятъ. Да, и не только свои: вѣдь сейчасъ, пользуясь между-властіемъ, грабятъ и всякій преступный элементъ, и скрывающіеся большевики.

— А эти комендантскія постановленія врядъ-ли кого-нибудь испугаютъ, — замѣтилъ я.

— Да, но онъ показываютъ, что за человѣкомъ признается право имѣть, что грабежъ — преступленіе. А вернись большевики, такъ и права этого не будетъ.

Я пришелъ въ Штабъ. Новаго ничего не было. Дмитріевъ и Помогайловъ сидѣли и дремали. Про арестованнаго сказалъ, что сдалъ его въ Комендантское Управленіе. Тѣмъ дѣло и кончилось. Расписки никто съ меня не потребовалъ.

Нѣсколько времени спустя, привели въ Штабъ двухъ арестованныхъ. Пока Дмитріевъ допрашивалъ ихъ, я разговорился съ однимъ изъ конвоировъ. Это былъ молоденькій поручикъ съ открытымъ славнымъ лицомъ.

— Вы знаете, — говорилъ онъ, — во время этихъ боевъ мы должны были мѣнять позиціи чуть-ли не каждый часъ. Только станемъ на мѣсто, выпустимъ нѣсколько снарядовъ — готово: гранаты такъ и ложатся около насъ. Значитъ — открыты. Снова мѣняемъ мѣсто, снова такая же исторія. Вчера мы шесть разъ мѣняли позиціи: шпіонажъ у большевиковъ поставленъ на славу. А то вдругъ ружейнымъ огнемъ начинаютъ насъ обстрѣливать, и чортъ знаетъ, откуда... Немало нашихъ полегло отъ этихъ неизвѣстныхъ пуль.

На другой день утромъ я рѣшилъ навѣстить своихъ хозяевъ и узнать, что случилось съ ними. Я отпросился до

вечера и, захвативъ винтовку, зашагалъ къ своему прежнему обиталищу. Спустившись на Крещатикъ, я его нашелъ буквально запруженнымъ толпой, сновавшей во всѣ стороны: кіевляне и кіевлянки вышли посмотреть, что сдѣлалось съ городомъ послѣ этихъ событій. Улицы отъ стрѣльбы пострадали мало; но много магазиновъ было разграблено совершенно. Особенно потерпѣли магазины по приему вещей на комиссію; изъ нихъ не уцѣлѣло ни одного. На углу Крещатика и Фундуклеевской хозяинъ большой гастрономической лавки повѣсилъ бумажку:

— Прошу не беспокоиться, уже до-чиста ограблено.

Дома я засталъ только женщинъ. Мужчины бѣжали въ Дарницу. Бѣжали они въ самый послѣдній моментъ, подъ большевицкими пулями. Оставшимся пришлось пережить много непріятныхъ минутъ, но этимъ дѣло и кончилось. Первую ночь Анна Егоровна провела въ моей комнатѣ и видѣла, какъ большевики длинной вереницей шли по тротуару въ городъ. Шли они осторожно, никуда не заходили, ограбили только сосѣднюю лавочку, хозяинъ которой былъ извѣстенъ, какъ сочувствующій большевикамъ.

Третьяго дня около дома стрѣляли изъ орудій; отъ грохота во всѣхъ ближайшихъ домахъ, за исключеніемъ нашего, повывлетѣли стекла.

— Намъ счастье подвезло, — говорила Анна Егоровна, — зима приближается, а въ городѣ ни стеколъ, ни стекольниковъ нѣтъ.

Подъ вечеръ я вернулся въ Штабъ. Дѣлать было нечего, я сѣлъ у окна и глядѣлъ, какъ возвращаются бѣженцы. Возвращались они понемногу — одиночками и небольшими группами. По сравненію съ тѣмъ громаднымъ человѣческимъ потокомъ, который вышелъ изъ города нѣсколько дней тому назадъ, это были лишь отдѣльныя робкія струйки. Проходившая мимо Штаба да-

ма помахала мнѣ рукой и послала воздушный поцѣлуй. Это была благодарность за освобожденіе города. Я махнулъ ей платкомъ и съ удовольствіемъ подумалъ, что Кіевъ дѣйствительно очищенъ отъ большевиковъ. Отъ этой мысли стало тепло и радостно.

Появилась вѣра, что только что минувшія событія всѣмъ послужатъ хорошимъ предостереженіемъ на будущее. И я просидѣлъ до самаго вечера на окнѣ со своими думами.

Когда зажглось электричество, пришелъ Помогайловъ и подсѣлъ ко мнѣ.

— Надо искать квартиру, — сказалъ онъ. — На Лютеранской, у шурина, оставаться нельзя: слишкомъ тѣсно и, кромѣ того, онъ сочувствуетъ большевикамъ. Жена только что вернулась изъ Святошина; наша прежняя квартира ограблена до - чиста; бѣлье, обувь, платье — все забрали. Только то и осталось, что успѣли раньше захватить....

Его слова были прерваны громкими шагами: пришелъ офицеръ, съ большой русой бородой, въ дождевикъ и съ винтовкой. Осмотрѣвшись, онъ обратился къ намъ.

— Я высланъ отъ второй роты для связи со штабомъ. Кому я долженъ явиться?

Мы направили его къ адъютанту. Минутъ черезъ пять онъ вернулся и подсѣлъ къ намъ. Завязался разговоръ. Какъ оказалось, вторая рота охраняетъ желѣзнодорожный мостъ, при очень тяжелыхъ условіяхъ: мѣсто опасное, вдали отъ всякаго жилья, и имъ всѣмъ приходится мерзнуть въ открытомъ полѣ. Вновь пришедшій радъ былъ очутиться въ жиломъ помѣщеніи, гдѣ было свѣтло, тепло и сравнительно безопасно. Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что нашъ новый компаньонъ—молодой представитель русской науки, Макшеевъ.

Народу стало подходить все больше и больше: это

были высланные отъ частей для связи со штабомъ. Въ ожиданіи приказаній, всѣ сидѣли въ большой залѣ и говорили о недавнихъ событіяхъ. Особенно интересовались судьбой контръ-развѣдки: успѣла-ли она эвакуировать дѣла о реабилитировавшихся офицерахъ. Показанія нѣкоторыхъ изъ нихъ были настолько чистосердечны и подробны, что родственники и близкіе очутились бы въ большой опасности, овладѣй большевики этимъ матеріаломъ.

— А сколько большевиковъ среди самихъ контръ-развѣдчиковъ? — замѣтилъ одинъ изъ говорившихъ.

Кто-то принесъ слухъ, что реабилитація отмѣняется. Это извѣстіе было принято равнодушно.

— Распылились офицеры — замѣтилъ капитанъ безъ лѣвой руки, — и ихъ ужъ никакія амністіи не вернуть.

Всѣ промолчали, точно согласились. Пришелъ командиръ Макшеева и сообщилъ, что сейчасъ долженъ явиться новый человѣкъ для связи, а Макшеевъ свободенъ и, если хочетъ, можетъ идти домой.

Макшеевъ обрадовался. Онъ уже пять дней не былъ дома и не зналъ, что стало съ женой и квартирой. Но идти одному ему не хотѣлось. Онъ предложилъ мнѣ пойти къ нему и переночевать. Я согласился; получивъ разрѣшеніе, захватилъ винтовку, и мы вышли. Шли не спѣша и на ходу вполголоса разговаривали. Идти надо было далеко. Макшеевъ жилъ на Тургеневской улицѣ, и намъ предстояло пройти районы, опасные со всѣхъ точекъ зрѣнія. На Фундуклеевской мы разошлись на нѣсколько шаговъ; такъ было выгоднѣе въ случаѣ нападенія. До Тургеневской добрались благополучно. Подходя уже къ его дому, мы услышали на другомъ концѣ улицы шумъ и голоса.

— Пойдемте, узнаемъ, въ чемъ дѣло, — сказалъ Макшеевъ.

Какіе-то люди, невидимые въ темнотѣ, стучали прикладами въ ворота и требовали, чтобы ихъ открыли. Но до самаго дома, откуда слышался стукъ, намъ дойти не удалось. При нашемъ приближеніи изъ ближайшаго палисадника вышла тѣнь и заступила дорогу.

— Стой, кто идетъ?

— Свои, — отвѣтилъ Макшеевъ.

— Кто свои?

— Изъ штаба генерала Бредова....

Человѣкъ приглядылся.

— Это офицеры, — крикнулъ онъ въ темноту.

— Ребята, что вы тутъ дѣлаете? — спросилъ мой спутникъ.

— Да, ничего, Ваше благородіе, — быстро затараторилъ человѣкъ, — мы только обыскъ дѣлаемъ, въ этомъ домѣ коммунистъ одинъ живетъ, такъ мы къ нему...

Подошли еще темныя неясныя фигуры.

— Ребята, — обратился къ нимъ Макшеевъ, — будьте справедливы, не дѣлайте зла!

— Ваше благородіе, — быстро залопоталъ первый голосъ, — мы совсѣмъ ничего, мы только къ коммунисту. А за себя не бойтесь, мы васъ не тронемъ.

Не будучи въ состояніи ничего измѣнить въ этотъ сумбурный моментъ, мы постояли и повернули назадъ.

Стучаться намъ въ квартиру Макшеева пришлось долго: испуганный дворникъ никакъ не рѣшался открыть воротъ. Наконецъ, узнавъ голосъ квартиранта, онъ заторопился и впустилъ насъ съ извиненіями.

— Такое время сейчасъ, — объяснялъ онъ, — не дай Богъ... Всюду грабежъ...

— Какъ у насъ, все благополучно? — спросилъ Макшеевъ.

— Слава Богу, насъ еще не трогали, за то у сосѣдей побывали.

— Какъ барыня?

— Тоже слава Богу. Безпокоилась о васъ, конечно.

Мы поднялись по лѣстницѣ. Квартира была большая, хорошо обставленная, но очень холодная. Встрѣтила насъ прислуга. Она обрадовалась и побѣжала будить барыню.

Когда мы сидѣли уже за столомъ и ѣли, вышла жена Макшеева. Она не видѣла мужа съ утра 1-го октября и ничего не знала о немъ. Большевиковъ они боялись, но отъ нихъ приходилъ только къ дворнику какой-то комиссаръ спросить, нѣтъ ли въ домѣ «контръ-революціонеровъ».

Меня уложили въ кабинетъ Макшеева. Подъ мягкимъ плюшевымъ одѣяломъ, на хорошемъ пружинномъ диванѣ, я быстро заснулъ и спокойно проспалъ до самого утра.

Утромъ насъ напоили, накормили и съ пожеланіями всего лучшаго отпустили обратно.

Проходя мимо длиннаго досчатаго забора, Макшеевъ остановился и показалъ мнѣ узкую лазейку.

— Вотъ здѣсь со мной произошла странная вещь. Утромъ перваго октября я пошелъ въ городъ. Былъ на мнѣ этотъ самый дождевикъ, съ этими самыми погонями. По обыкновенію всѣхъ жильцовъ, я пошелъ не черезъ ворота, а черезъ огородъ къ этой лазейкѣ. Только что я вынырнулъ изъ щели и сталъ на тротуаръ — вдругъ вижу — идутъ семь человекъ. Тихо, осторожно, винтовки на изготовку. Понимаю, что это большевики. Бѣжать — поздно. Ближайшій спрашиваетъ меня: «товарищъ, здѣсь бѣлыхъ нѣтъ?». «Нѣтъ, бѣлыхъ здѣсь нѣтъ». Они проходятъ мимо, а я спокойно ныряю снова въ щель. Оглядѣлся за заборомъ, — а на моемъ дождевикѣ погоны. Какъ они ихъ не замѣтили, какъ я могъ спокойно отвѣтить имъ — не понимаю. Сперва я думалъ, что это пройдетъ безслѣдно. А, оказалось, не такъ: чѣмъ

далее отхожу отъ этого момента, тѣмъ больше онъ вліяетъ на меня; къ сожалѣнію, не могу сказать, какъ именно. Словно что-то порвалось... И какъ странно: вѣдь тогда я ничего не почувствовалъ...

Мы прошли въ штабъ и наткнулись на двухъ офицеровъ-марковцевъ, коменданта и его помощника, распекавшихъ за что-то подметавшаго полъ солдатака.

Макшеевъ долженъ былъ отправиться въ роту, по-прежнему караулившую мостъ.

— Прощайте, — сказалъ онъ, — можетъ быть, еще увидимся когда-нибудь. Вы въ Кіевѣ чужой. А времена приближаются звѣриныя. Будетъ скверно — адресъ мой знаете. Все-таки, самое главнсе — чистая совѣсть.

Мы попрощались и крѣпко пожали другъ другу руки. Въ этотъ моментъ адъютантъ говорилъ по телефону: — Смѣло можете возвращаться, большевиковъ въ Кіевѣ нѣтъ...

ГЛАВА VI.

Насъ распустили по домамъ. Почти пятидневные бои кончились. Большевики покинули городъ. Жизнь стала, какъ будто, входить въ старое русло. Но слѣдъ отъ ихъ налета остался: онъ виднѣлся въ выраженіи лицъ жителей, по новому глядѣвшихъ на добровольцевъ. Въ массахъ произошелъ большой сдвигъ. Вѣра въ прочность добровольческой власти поколебалась. Но сами добровольцы, а особенно верхи ихъ, какъ будто, этой перемѣны не замѣчали.

А жить все-таки надо было. Дмитріевъ устроился, по-знакомству, на броневой поѣздъ пулеметчикомъ, Помагайловъ исчезъ, а я, не теряя времени, занялся окончаніемъ своей реабилитаціи. Въ судебно-слѣдственной

комиссії, куда я зашелъ за справками, всѣ стекла отъ пушечной пальбы повывлетѣли: осколки ихъ лежали на полу и на столахъ попережку съ бумагами. Персоналъ былъ пришибленъ. Кромѣ меня, за справками явилось еще двое или трое офицеровъ.

Теперь насъ принимали по другому: ждать въ коридорѣ не приходилось, всѣ двери были настежь, съ нами здоровались, пожимали руки, угощали папиросой. Но бумажки все-таки мнѣ въ этотъ день не выдали: надо было подтолкнуть въ комендантскомъ. Я пошелъ туда и постучалъ въ дверь съ надписью: «просить не беспокоить»; въ качествѣ единственнаго кліента, я былъ немедленно принятъ со всѣми почестями; меня даже спросили, что я думаю о намѣреніяхъ большевиковъ, и не попытаются-ли они еще разъ сдѣлать налетъ на Кіевъ.

И черезъ два дня въ моихъ рукахъ была полоска бумажки, очень похожая на банковый чекъ.

Я былъ реабилитированъ! Что было написано на бумажкѣ, я уже не помню; помню только одну громадную печать въ самомъ низу. Процедура реабилитаціи заняла у меня два мѣсяца, безъ одной недѣли. И, какъ я слышалъ, такихъ бумажекъ было всего выдано около сотни, остальные реабилитаціей больше не интересовались.

Надо теперь было, наконецъ, устраиваться. Отъ одного офицера я узналъ, что на Большой Кудрявской формируется какая-то рота. Я отправился на поиски. Искомая рота помѣщалась въ бывшихъ казармахъ, въ самомъ концѣ грязнаго, заваленнаго навозомъ, двора. По темной лѣстницѣ я сталъ подниматься на верхъ, по пути заглядывая въ пустующія помѣщенія. На полу грудами лежалъ соръ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ его слой доходилъ до полъ аршина. Чего только тутъ не было: пенька, газеты, полуистлѣвшія рогожи, ржавое желѣзо, порванное бѣлье. По комнатамъ дулъ вѣтеръ: отъ ар-

тиллерійской стрѣльбы здѣсь повылетѣли почти всѣ стекла. Въ верхнемъ этажѣ порядку было, какъ будто, больше: сора не было, а вдоль стѣнъ стояли солдатскія койки; на нѣкоторыхъ изъ нихъ лежали соломенные тюфяки.

На ближайшей койкѣ сидѣлъ сѣдой, согнувшійся полковникъ; трясущейся рукой онъ отламывалъ маленькіе кусочки отъ большого ломтя хлѣба и медленно, осторожно подносилъ ихъ ко рту, боясь потерять малѣйшую крошку.

Къ счастью, фельдфебелемъ этой роты оказался офицеръ, съ которымъ мы встрѣчались во время послѣднихъ событій. Онъ разсказалъ, что рота предназначена для охраны города и караульной службы; предпочтеніе отдается раненымъ. Будетъ выдаваться жалованіе и пища. Жить можно у себя; только каждое утро надо являться въ казарму. Эти условія для меня были очень подходящими, и фельдфебель внесъ мое имя въ общій списокъ.

На слѣдующій день я и еще пять человѣкъ были отправлены въ караулъ. По Б. Владимирской мы спустились почти до самаго конца, а потомъ свернули въ улочку направо. Передъ досчатымъ заборомъ, за которымъ виднѣлись низенькіе деревянные сараи, ходилъ по тротуару старый караульный и дѣлалъ по нашему адресу пригласительные знаки.

— Поджидаю васъ, — объяснилъ онъ, — посты всѣ внутренніе, караульное помѣщеніе въ сосѣдней гостиницѣ, въ комнатѣ во дворѣ. Мы вчера тутъ два часа бродили, никого не могли найти, думали уже обратно итти.

Сдача и пріемъ произошли безъ всякихъ формальностей. Сараи были закрыты еще во времена до-революціонныя и принадлежали таинственной междувѣдомственной комиссіи. Что въ сараяхъ хранилось, никто не зналъ. На прощаніе, начальникъ стараго караула посо-

вѣтовалъ намъ выслать къ соотвѣтствующему часу махальнаго ловить слѣдующую смѣну.

Хозяинъ ближайшей гостиницы, очень хорошей и большой, отводилъ для караульныхъ комнату и, кромѣ того, давалъ чай и хлѣбъ. Благодаря такой коопераціи, хозяинъ, до нѣкоторой степени, былъ гарантированъ отъ грабежей, а мы — отъ голода.

Черезъ полчаса самъ хозяинъ принесъ намъ громадный чайникъ съ кипяткомъ и хорошій каравай хлѣбъ. Чай разогрѣлъ насъ. Пошли разговоры.

— Не думалъ я, что придется чужой хлѣбъ ѣсть, — вздохнулъ пожилой поручикъ въ бекешѣ, — говорю безъ спѣси. Чужой хлѣбъ — не горекъ, какъ говоритъ пословица, а бесполезенъ. По опыту знаю. Впрокъ идетъ только свой собственный, заработанный кусокъ, только онъ силу даетъ....

— Зависти много у насъ въ народѣ къ чужому куску, особенно, если онъ хорошій — замѣтилъ начальникъ караула.

— Это вѣрно. Потому сейчасъ всякъ и норовитъ взять у того, кто имѣетъ побольше. Но пользы грабителю отъ этого нѣтъ, только всѣ нищаютъ. Я бывшій землевладѣлецъ; купилъ еще отецъ мой клочекъ земли и молочнымъ хозяйствомъ сталъ заниматься. Триста головъ скота у насъ было. Не коровы, а барыни. И быки наши въ свадебныя путешествія по деревнямъ разѣзжали. Скотъ во всей округѣ сталъ лучше. Большое дѣло было, важное, и не для насъ однихъ. Сколько труда, сколько мысли во всѣ мелочи вкладывалось. Работалъ я сперва, какъ и полагается. А потомъ чувствую — не могу работать. Началъ думать — почему? И, въ концѣ концовъ, понялъ. Зависть мнѣ мѣшала. Прямо видѣлъ, какъ намъ завидуютъ тѣ же мужики и рабочіе. До смертельной ненависти завидовали, считали, что мы ихъ кровушку пьемъ, между собой говорили, что на ихъ денежки

все устроено. И я бросилъ работу. Большой ударъ былъ для отца. Понять не могъ онъ, въ чемъ дѣло. Я ему и не объяснялъ. А какъ сдѣлать такъ, чтобы не было ненависти — я не зналъ. И ушелъ отъ хозяйства. Когда настала революція, — пришлось заглянуть въ имѣніе. И что же я тамъ нашелъ? Самымъ породистымъ коровамъ загнали колъ въ половые органы, всѣмъ быкамъ ноги поотрубали, у живыхъ свиней мясо и сало повырѣзывали. Мученики, а не животные. А само мужичье теперь съ голоду все-таки пропадаешь. И ничто имъ въ прокъ не пошло. Меня приглашали остаться. Но не могъ. Есть вещи, которыхъ простить нельзя. А энергіи и силы у меня еще много. Пусть мнѣ скажетъ кто-нибудь, куда я ихъ дѣвать долженъ?

Пришла моя очередь идти на постъ. Сперва было только скучно. Отъ нечего дѣлать, черезъ щели досокъ я старался разглядѣть, какія сокровища приходится намъ сторожить. Къ моему удивленію, въ одномъ изъ сарайчиковъ я увидѣлъ множество ламповыхъ стеколъ. Черезъ полчаса мнѣ стало холодно и даже очень. Вдвоемъ съ другимъ часовымъ мы начали лязгать зубами, какъ голодные волки. Чтобы согрѣться, мы бѣгали, дѣлали гимнастику, барахтались, но напрасно.

Наконецъ, въ глубинѣ двора я увидѣлъ небольшой жилой домикъ, совсѣмъ спрятавшійся за сараями. Пренебрегая всѣми военными и гражданскими законами, я взялъ направленіе на привѣтливо освѣщенные окна и не смѣло постучался въ дверь. Мнѣ сейчасъ же открыли. Принять я былъ радушно. Въ домикъ жилъ какой-то рабочій со своей семьей. Я попросилъ разрѣшенія обогрѣться, ссылаясь на холодъ и на легкую шинель. Меня провели въ слѣдующую комнату, гдѣ печка была еще теплая. Семья, видимо, ни въ чемъ не нуждалась. Меня напоили горячимъ чаемъ и дали хлѣба съ картофелемъ. Самъ хозяинъ имѣлъ какое-то отношеніе къ сараямъ и

сказаль, что въ нихъ хранятся запасы сахара, меда и па-
токи.

Оказалось, что къ нимъ всякій вечеръ заходятъ ча-
совые съ этого поста и просятъ погрѣться.

— Мерзнуть люди въ шинелишкахъ, теплаго никто
не имѣетъ, жалко...

Отстоявъ свои часы, мы вернулись въ караульное
помѣщеніе. Тутъ было тоже невыносимо холодно. Не
выдержавъ, я пошелъ бродить по гостиницѣ въ неясной
надеждѣ найти уголь потеплѣе. И нашелъ большую,
теплую, гостиничную кухню, которую немедленно и ок-
купироваль. Въ теплѣ я почувствовалъ себя недурно,
даже немного задремаль. Какъ разъ въ моментъ, когда
уже стали мерщиться какіе-то сны, меня снова позвали
на постъ. На дворѣ было еще хуже: моросилъ дождь,
дулъ сырой промозглый вѣтеръ. Мы кутались, бѣгали,
прыгали, а потомъ выломали доску въ заборѣ и устро-
или небольшой костерчикъ.

— Хорошо, — сказалъ мой компаньонъ, подклады-
вая въ костеръ кусокъ доски, — тепло — значитъ хо-
рошо. Не выношу холода.

— Вы южанинъ?

— Сѣверянинъ. Но тянетъ непреодолимо къ югу.
Послѣ перваго гнойнаго плеврита осталось желаніе все-
гда быть въ теплѣ. Надѣвать много шерстяныхъ вещей
— не могу. Дѣлается тяжело. А теплый воздухъ — все
для меня. Будь деньги — поѣхаль бы въ Индію или въ
Египетъ, туда, гдѣ растутъ пальмы, бананы, и гдѣ нѣтъ
зимы.

Наступило молчаніе. Надъ нами висѣла глубокая
тьма. Вѣтеръ пересталь дуть. Стало тихо, тихо.

Пробѣжала около костра чья-то кошка; она на ми-
нуту остановилась, посмотрѣла на насъ своими удивлен-
ными зелеными глазами и, тряхнувъ лапкой, безшумно
скрылась подъ сараями. На дорожкѣ, возлѣ огня, встрѣ-

тились два другихъ кота. Увидѣвъ другъ друга, они сѣли на заднія лапы; ихъ хвосты распушились. Вдругъ оба зашипѣли, поднялись и, надававъ другу другу пощечинъ, скрылись. Но скоро одинъ изъ нихъ вернулся, сѣлъ у костра и, глядя на насъ немигающими глазами, о чемъ-то замаявкаль, точно у него было какое-то горе; я протянулъ руку погладить, но котъ прыгнулъ и больше не возвращался.

Пришелъ разводящій и сообщилъ, что слѣдующая смѣна, отправившись куда-то грѣться, достала спирту и напилась. Теперь обоихъ рветъ уже больше часа, и они не могутъ не только ходить, но и сидѣть. Искали даже доктора, но за позднимъ временемъ не могли найти. Поэтому, разводящій просилъ насъ подежурить еще слѣдующіе два часа. Нашъ огонекъ былъ теплый, дерева имѣлось еще достаточно, — это было, пожалуй, лучше, чѣмъ холодная караульная комната. И мы согласились безъ колебаній. Разводящій тоже подсѣлъ къ костру, да такъ съ нами и остался.

Въ общемъ, ночь и караулъ прошли благополучно.

Другія мѣста, гдѣ пришлось караулить, немногимъ разнились отъ перваго. Каждый караулъ имѣлъ свои положительныя и свои отрицательныя стороны. Пришлось побывать и въ гостиницѣ Франсуа, напротивъ Оперы. Тамъ помѣщалась Междувѣдомственная Ликвидационная Комиссія. Насъ туда отправляли въ качествѣ посыльныхъ. Днемъ мы бѣгали съ пакетами, а ночью можно было идти спать къ себѣ. Персоналъ Комиссіи возглавлялся полковникомъ; среди его подчиненныхъ были офицеры, военные чиновники, писаря, машинистки. А въ нашей ротѣ, на ряду съ офицерами, служили адвокаты, судебные слѣдователи, инженеры, агрономы. Странно было видѣть, какъ писарь давалъ товарищу прокурора связку пакетовъ для разnosки. Лично я не разъ встрѣчалъ одного приватъ-доцента съ разсылной

сумкой черезъ плечо. Если у большевиковъ не щадили умственныхъ силъ страны, то и здѣсь онѣ не были особенно использованы.

Черезъ нѣсколько дней я пошелъ въ роту за хлѣбомъ. Высокій, худой капитанъ, уже очень пожилой, исполнявшій обязанности каптенармуса, стоялъ у вѣсовъ; около него былъ мѣшокъ съ ковригами; очередь была небольшая; я занялъ мѣсто. Впереди моимъ сосѣдомъ оказался Помогайловъ: привлеченный слухами о жалованіи и хлѣбѣ, онъ также рѣшилъ поступить въ нашу роту.

Очередь на этотъ разъ до насъ не дошла. Раздавъ человѣкамъ десяти по фунту хлѣба, каптенармусъ закрутилъ мѣшокъ и заявилъ, что выдача кончена: выпечка была небольшая, а остатокъ онъ долженъ сдать въ штабъ роты. Мы поворчали и ушли.

Такая исторія повторялась каждый день. Всѣ нареканія, даже подозрѣнія въ воровствѣ, каптенармусъ переносилъ замѣчательно кротко; онъ отвѣчалъ на все неизмѣнной улыбкой, но хлѣба все-таки не давалъ. И куда дѣвался остатокъ, иногда въ пять-шесть разъ превышавшій выдачу, никто никогда не могъ узнать.

Нѣкоторые ходили даже жаловаться къ полковнику — командиру роты. Но командиръ, жившій въ сосѣднемъ флигелѣ, будучи простымъ смертнымъ, обладалъ, тѣмъ не менѣе, сверхъ-естественными свойствами: на разстояніи, почуя по шуму, что къ нему пришла голодная делегация, уходилъ сквозь стѣны, неизвѣстно куда. Пришедшіе могли любоваться только его пустымъ кресломъ. Въ мѣсто командира принималъ делегатовъ обыкновенно адъютантъ, унылый долговязый поручикъ. Онъ хмуро выслушивалъ жалобы и увѣрялъ, что знаетъ каптенармуса, и что это честнѣйшій человѣкъ. Хлѣбъ же, который оставался въ каптенармусовомъ мѣшкѣ, отсы-

лался въ караулы. Но почему и караулы все-таки хлѣба не получали, адъютантъ толкомъ объяснить не могъ.

Съ жалованьемъ тоже выходила заминка. Съ перваго дня службы пронесся слухъ, что будетъ выданъ всѣмъ мѣсячный окладъ не то въ видѣ вспомошествованія, не то, какъ авансъ. Фельдфебель подробно опросилъ каждого — кто холостъ, кто женатъ, сколько у кого дѣтей. Затѣмъ, вооружившись карандашомъ, множилъ, складывалъ и выводилъ пріятныя суммы. Потомъ разграфилъ листъ бумаги, составилъ по всѣмъ правиламъ требовательную вѣдомость и передалъ ее адъютанту. Мы стали ждать. Даже пронесся слухъ, что деньги получены. Справились въ канцеляріи — оказалось, что денегъ никакихъ не поступало. Такъ труды фельдфебеля и пропали даромъ.

Пробовали выписывать откуда-то муку и крупу, чтобы выдать натурой. Все это дѣло очутилось въ рукахъ кроткаго каптенармуса. Онъ куда-то ѣздилъ, гдѣ-то просилъ. Опять пронесся слухъ, что что-то удалось получить. Справились въ канцеляріи — чистѣйшій миражъ. Взялись, не теряя надежды, за сахаръ. На этотъ разъ ѣздилъ съ каптенармусомъ и адъютантъ. И, однажды утромъ, каптенармусъ принесъ въ роту фунта четыре сахару; на мою долю пришлось три съ половиной куска и горсточка сахарной пыли.

Потихоньку и полегоньку наша рота начала таять. Съ каждымъ днемъ уменьшалось число людей, являвшихся на службу.

Какъ-то подъ вечеръ, когда я былъ въ нарядѣ въ гостиницѣ Франсуа, мнѣ дали около тридцати пакетовъ для разноски. Всѣ адресаты были военные — прапорщики, капитаны, поручики. По какому-то неотложному дѣлу ихъ всѣхъ вызывали на слѣдующее утро въ Комиссію. До самой полночи мнѣ пришлось бѣгать по всему Кіеву. Большинство получателей отсутствовало, а

тѣ, которые были дома, съ неохотой принимали повѣстки.

— Вы знаете, коллега, въ чемъ дѣло? — спросилъ меня высокій капитанъ-политехникъ, расписываясь въ книгѣ, — когда они думали взять Москву безъ большого усилія, мы не были имъ нужны. А теперь, когда на фронтахъ заминка, а мѣстами и неудача, приглашаютъ насъ.

И изъ тридцати приглашенныхъ на утро въ Комиссію пришло всего два или три человѣка.

Въ одно прекрасное утро нашъ фельдфебель заявилъ, что рота расформировывается и вливается въ Кіевскій Офицерскій полкъ. Это извѣстіе такъ повліяло на нашего каптенармуса, что онъ сейчасъ же захромалъ и въ ту же минуту отправился въ околотокъ. Такъ я его больше и не видѣлъ.

Новая часть, куда насъ перевели, называлась Кіевскимъ Офицерскимъ Полкомъ. Штабъ или, по просту говоря, полковая канцелярія, хозяйственная часть, пріемный покой, околотокъ и первая рота помѣщались въ бывшемъ генераль-губернаторскомъ дворцѣ. Остальныя семь ротъ были расквартированы по всему Кіеву.

Каждый изъ насъ имѣлъ право выбрать ту роту, какую кто считалъ для себя болѣе удобной. Мы съ Помогайловымъ выбрали первую. Она была, во-первыхъ, ближе другихъ, а, кромѣ того, мы предполагали, что, находясь въ близкомъ сосѣдствѣ со штабомъ, мы будемъ всегда имѣть самыя свѣжія новости. Кромѣ насъ, первую роту облюбовало еще человѣкъ двадцать.

Въ ротной канцеляріи составили списокъ, написали препроводительную бумажку и вручили все это самому старшему изъ насъ по чину. Тотъ выстроилъ свою команду, крикнулъ «направо», «шагомъ маршъ», и мы тронулись. Придя ко дворцу, мы остановились у подъ-

ѣзда. У стеклянныхъ дверей вестибюля стоялъ широко-плечій артиллерійскій полковникъ.

— Откуда вы? — спросилъ онъ у старшаго.

Тотъ объяснилъ и, порывшись въ карманахъ, показалъ свои вѣрительныя грамоты.

— А я вашъ ротный командиръ, — отвѣтилъ полковникъ, — какъ разъ кстати приходите. Людей у насъ мало, а карауловъ много.

Мы прошли въ роту. Она помѣщалась въ нижнемъ этажѣ дворца, налѣво отъ входа, и занимала три или четыре комнаты. Вдоль стѣнъ стояли койки, однѣ совсѣмъ голыя, другія покрытыя сѣнниками. Нѣсколько чело-вѣкъ спало, съ головой накрывшись шинелями. У камина сидѣлъ скелетообразный офицеръ въ валенкахъ и подбрасывалъ въ огонь кусочки дерева. Другой офицеръ, у стѣны, косаремъ раскалывалъ доску съ койки. Увидя вошедшаго ротнаго, офицеръ въ валенкахъ поднялся и хотѣлъ рапортовать, но ротный замахалъ руками, и скелетъ снова сѣлъ. Это былъ, очевидно, дежурный. На шумъ шаговъ изъ самой дальней комнаты вышелъ второй полковникъ, помоложе, въ свѣтлой шинели и словно чѣмъ-то недовольный.

— А вы все доски жгете? — обратился онъ къ офицеру съ косаремъ.

— Холодно, господинъ полковникъ. Я въ караулѣ мерзъ цѣлую ночь и тутъ не могу согрѣться. Дровъ бы надо.

— И денегъ тоже, ѣсть нечего, — добавилъ скелетъ.

— Все наладится, господа, понемногу. Имѣйте терпѣніе, — сказалъ ротный.

Стали распредѣлять вновь прибывшихъ. На дѣлежку пришли всѣ взводные командиры. Каждый изъ нихъ жаловался, что у него мало людей и просилъ ротнаго дать ему побольше. Мы съ Помогайловымъ попали въ третій взводъ, подъ команду полковника въ свѣтлой

шинели. Насъ сейчасъ-же внесли въ списки и отпустили домой, съ наказомъ явиться на слѣдующее утро.

Когда мы явились, насъ сейчасъ же отправили въ караулъ. Караулъ былъ небольшой: трое часовыхъ съ однимъ разводящимъ, онъ же и караульный начальникъ. Сторожить намъ пришлось какой-то сарайчикъ въ саду, въ Липкахъ. По словамъ стараго караульнаго начальника, въ немъ хранилась конская сбруя, на девять десятыхъ уже разворованная.

— Какъ самъ получилъ, такъ и вамъ сдаю, — сказалъ онъ.

Караульное помѣщеніе занимало хибарку садовника. Хибарка была невелика, но въ ней имѣлась печка, а всякаго дерева вокругъ валялось въ изобиліи.

Первымъ на постъ поставили меня. День былъ сѣрый, холодный, подъ ногами шуршали кленовые листья; по голымъ вѣткамъ деревьевъ прыгали нарядныя синицы и звонко о чемъ-то чирикали. Вдали золотились лаврскіе купола, бѣлѣли внизу кресты Аскольдовой могилы, уходилъ вдаль черниговскій берегъ, темной лентой змѣился подъ горой глубокій Днѣпръ. Было тихо, торжественно, прекрасно. Душу покинули угнетавшія ее заботы, и внутри зазвенѣли слова: «нынѣ житейское отложимъ попеченіе».

И я не замѣтилъ, какъ явился новый часовой. Когда я пришелъ въ хибарку, въ печкѣ уже горѣлъ огонь, и нашъ караульный начальникъ кипятилъ воду. У него оказался не только чай, но и сахаръ. Тѣмъ и другимъ онъ угостилъ всѣхъ.

— Остатки сладки, — сказалъ онъ, выпивая послѣднюю чашку, — больше ничего нѣтъ. Ни здѣсь, ни дома. Одна надежда на жалованіе.

— Адъютантъ говорилъ, что надежда плохая. Кажется, казначейство совсѣмъ пусто. Говорятъ, махнов-

цы ограбили ростовскій поѣздъ, на которомъ намъ день-ги везли, — сказалъ его сосѣдъ.

— Это вполнѣ возможно, — отвѣтилъ караульный начальникъ.

Къ ночи стало гораздо холоднѣе. Я свою смѣну едва отстоялъ. Около полуночи повалилъ крупными хлопьями снѣгъ. Явился часовой съ поста и заявилъ, что онъ больше стоять не можетъ — замерзаетъ.

— Ну тогда сдѣлаемъ такъ, — рѣшило начальство, — часовой можетъ оставаться здѣсь, только раза два-три въ часъ выходить къ сараю.

Такъ мы и сдѣлали.

Ночью, вернувшись изъ обхода, одинъ изъ часовыхъ сказалъ, что горятъ провода электрическаго освѣщенія. Мы вышли посмотреть, въ чемъ дѣло. Былъ небольшой морозъ; снѣгъ пересталъ падать; на небѣ искрились звѣзды. Вдоль проводовъ, которые тянулись черезъ садъ, иногда пробѣгали длинныя синія искры. Никто изъ насъ объяснить этого явленія не могъ. Въ морозной тиши гдѣ-то гулко ударило орудіе, потомъ донесся разрывъ; застрекоталъ пулеметъ, раздались рѣдкіе ружейные выстрѣлы.

— У Вышгорода палятъ, — сказалъ, прислушавшись, караульный начальникъ.

Мы вернулись. Остатокъ ночи и утро прошли въ полномъ спокойствіи. Около полудня пришла смѣна, и мы отправились въ роту.

Тамъ была такая же картина, какъ и вчера: на нѣкоторыхъ кроватяхъ спали, у камина по-прежнему сидѣлъ скелетъ, а здоровякъ-авіаторъ топоромъ разрубалъ на паркетъ толстенную корягу.

Мы съ Помогайловымъ поставили винтовки въ пирамиду, присѣли на кровать, потрясли мокрыми отъ снѣга ногами, а потомъ, словно сговорившись, сразу поднялись и пошли къ двери.

— Вы это куда, господа? — спросилъ вдругъ скелеть.

— А вамъ какое дѣло? — спросили мы въ свою очередь.

— Да я дежурный, я за всѣхъ людей отвѣчаю.

— Мы идемъ домой ѣсть.

— Надо спросить разрѣшеніе у взводнаго. Если онъ позволитъ, я напишу увольнительную записку, ротный подпишетъ, тогда и ступайте.

Взводный командиръ по счастью оказался въ ротѣ. Выслушавъ нашу просьбу, онъ лѣнивымъ голосомъ сказалъ:

— Какъ же я васъ отпущу? А если тревога будетъ?

— Господинъ полковникъ, мы оба со вчерашняго дня ничего не ѣли, — въ одинъ голосъ отвѣтили мы.

— Ну, ступайте, только завтра утромъ приходите непременно, — махнулъ рукой полковникъ.

Увольнительныя записки были написаны въ двѣ минуты. Получивъ ихъ, мы пошли искать ротнаго командира. Ротный жилъ гдѣ-то на верхнемъ этажѣ. Отправились туда и остановились передъ большой закрытой дверью, откуда доносилось щелканіе ремингтоновъ, и слышались человѣческіе голоса.

— Можетъ быть, здѣсь? — выразилъ я предположеніе.

Помогайловъ открылъ дверь. Въ огромной комнатѣ, за столами самаго разнообразнаго фасона сидѣло человѣкъ тридцать. Одни писали, другіе говорили, третьи стучали на машинкѣ. Было нѣсколько женщинъ.

— А вотъ и графиня Х..., — толкнулъ меня локтемъ спутникъ, — до революціи богатѣйшая семья была, а теперь за паекъ работать приходится.

Изъ-за стола, стоявшаго въ простѣнкѣ между окнами, намъ навстрѣчу поднялся офицеръ въ штатскомъ лѣтнемъ пальто, поверхъ форменнаго кителя.

— Вамъ что угодно, господа? — любезно спросилъ онъ.

— Мы ищемъ командира первой роты.

— Онъ живетъ въ комнатѣ по сосѣдству съ кабинетомъ командира полка. И заодно ужъ скажите ему, пожалуйста, что адъютантъ просить его зайти въ канцелярію.

У окна въ залѣ мы увидѣли невысокаго, но кряжистаго полковника въ бекешѣ; рядомъ съ нимъ стоялъ маленькій щуплый поручикъ. Они о чемъ то бесѣдовали вполголоса.

— Какъ они попали сюда? — удивился Помогайловъ, — полковникъ этотъ служилъ у большевиковъ въ штабѣ и, какъ многіе говорили, даже состоялъ въ партіи. А поручикъ считался сочувствующимъ большевикамъ и завѣдывалъ у нихъ мобилизаціоннымъ отдѣломъ.

— Да это можетъ быть такъ, слухи одни, — отвѣтилъ я, вспомнивъ, какъ я самъ неожиданно попалъ въ большевицкіе агенты.

Ротнаго мы застали въ постели, подъ ковромъ и теплой шинелью.

Комната была узкая, темная, вся заставленная ящиками, сковородами, кастрюльками и другими предметами домашняго обихода.

— Вы меня извините, что я такъ принимаю васъ, — сказалъ командиръ, — холодно, а еще къ тому-же и лихорадитъ.

Наши записки онъ подписалъ безъ всякихъ разговоровъ.

— Господинъ полковникъ, — вспомнилъ Помогайловъ, — васъ просилъ адъютантъ зайти въ канцелярію. А потомъ, позвольте спросить, какъ насчетъ денегъ или выдачи хотя-бы натурой какихъ-нибудь продуктовъ. У меня жена и двое дѣтей. Наша квартира въ Святошинѣ

до-чиста ограблена. Буквально нечѣмъ жить. А мой коллега — совсѣмъ чужой въ Кіевѣ. Какъ-же намъ питаться?

— Эхъ, господа, господа, — вздохнулъ командиръ, — вы думаете, что я въ лучшихъ условіяхъ? Я лежалъ да думалъ, что мнѣ продать — этотъ коверъ или женину муфту. Нашъ полкъ сформированъ изъ бывшихъ комедантскихъ ротъ, и я состою на службѣ съ перваго дня ихъ основанія. За все время, т. е. почти за два мѣсяца, 250 рублей получилъ. Насъ-же въ семьѣ семь человѣкъ. Зима пришла, а въ домѣ, гдѣ жена съ тещей живутъ, всѣ стекла повывлетѣли. Приходили обѣ утромъ, жаловались, что снѣгъ на паркетѣ въ гостиной лежитъ. Ну, какъ тутъ быть? Сегодня брата въ казначейство гонялъ узнать, нѣтъ-ли денегъ. Нѣтъ, оказывается. И адъютантъ по этой же причинѣ меня проситъ въ канцелярію пожаловать, и онъ очень интересуется этимъ вопросомъ.

Мы вышли на улицу. Солнце ярко свѣтило, и снѣгъ уже таялъ. Настроеніе у насъ обоихъ было очень неопредѣленное.

— Мой шуринъ гонитъ меня изъ квартиры; надо найти поблизости что-нибудь подходящее, — сказалъ Помогайловъ, оглядывая домъ, — боюсь, трудно будетъ. Пустыхъ-то квартиръ много, а такихъ, гдѣ-бы жить можно было, пожалуй, и не осталось...

Наступили служебные будни. Сутки — мы караулили, — сутки или двое отдыхали. Зима въ этомъ году выдалась ранняя. Снѣгъ выпалъ во второй половинѣ октября. Утромъ, по дорогѣ въ полкъ, я часто видѣлъ, какъ сгибались верхушки тополей и кленовъ отъ снѣга. Морозы часто смѣнялись оттепелью. А оттепель давала сырой, густой туманъ, въ которомъ ничего нельзя было видѣть. Разбитыя стекла поспѣшно задѣлывались досками, лубкомъ, заклеивались бумагой, а то и просто затыкались старымъ тряпьемъ.

Однажды Помогайлова и меня пригласилъ къ себѣ въ гости присяжный повѣренный, съ которымъ мы вмѣстѣ дежурили въ гостиницѣ Франсуа. Жену онъ отправилъ на югъ къ роднымъ, а самъ рѣшилъ доѣхать то, что, по его мнѣнію, являлось лишнимъ.

— Что тамъ черезъ недѣлю или черезъ мѣсяцъ будетъ, Аллахъ его вѣдаетъ, — говорилъ онъ, — врядъ ли лучше станеть; досадно, если большевики съѣдятъ тѣ консервы, что жена собирала. да берегла.

Квартира у нашего бывшего сослуживца оказалась большая, хорошо обставленная, но невыносимо холодная. Жилъ онъ, собственно, въ самой маленькой комнатѣ. На полу около письменнаго стола стояла небольшая желѣзная печка; на коврѣ, у печки, были навалены дрова: доски изъ забора, дверцы отъ кухоннаго шкафа, нога отъ стола, четвертушка гладильной доски и расколотый валекъ, которымъ бабы бьютъ обыкновенно бѣлье.

— Моего ума дѣло, — похвастался хозяинъ, показывая на печку и на длинную желѣзную трубу, выведенную въ задѣланную лубкомъ форточку; — печку на базарѣ купилъ, а трубу пришлось самому дѣлать.

— А не жалко вамъ жечь вотъ это, — и Помогайловъ показалъ головой на что то лакированное.

— Какъ не жалко?.. Но если холодно, то что-же дѣлать?.. Другіе жильцы стропильныя связи рубятъ на крышѣ, а я еще пока до этого не дошелъ...

Кромѣ насъ, пришло еще человѣкъ пять знакомыхъ хозяина. Ужинъ былъ поданъ въ сосѣдней комнатѣ. Сѣли за столъ, какъ пришли: въ пальто, въ шапкахъ, сняли только перчатки — въ столовой было, какъ и на дворѣ, что-то около двухъ градусовъ.

Ужинъ вышелъ роскошный: щи съ кашей, пирожки съ рыбой; на закуску были поданы и омары, и сардины, и шпроты, а въ заключеніе кофе.

— Ъшьте, господа, ѡшьте, — уговаривалъ хозяинъ, — и мою Василису благодарите. Это все она понадѣлала и все изъ консервовъ.

— Поберечь бы ихъ надо, — сказалъ Помогайловъ, — пригодиться еще могутъ.

— Слово ваше мудрое, — отвѣтилъ хозяинъ, — и мы съ женой такъ же думали. А перваго октября пошли мы съ ней въ церковь. Изъ церкви же пришлось спѣшнымъ порядкомъ за Цѣпной мостъ отступить. Поголодали мы съ недѣлку въ Дарницѣ; она все жалѣла, что ни одной банки не удалось захватить, а я думалъ — кто консервы мои съѣстъ, и зачѣмъ я ихъ берегъ...

— Да время-то такое, что въ ближайшемъ часѣ увѣреннымъ быть нельзя, — сказалъ одинъ изъ гостей, — а консервы вещь тяжелая; если отступить, то много съ собой не возьмешь...

Такъ проявлялось настроеніе, о которомъ я уже говорилъ: октябрьскія событія разбудили задремавшій было страхъ передъ большевиками; разъ проснувшись, страхъ уже не поддавался никакимъ убаюкиваніямъ. Этому способствовали и внѣшнія обстоятельства: все время, днемъ и ночью, около Кіева слышалась артиллерійская стрѣльба. Правда, она не приближалась, но она была. Особенно часто слышались выстрѣлы со стороны Вышгорода. Кромѣ того, и на Гомельскомъ фронтѣ были какія то неудачи. Въ чемъ онѣ заключались — никто толкомъ не зналъ, но это еще больше смущало жителей.

Въ виду отсутствія дровъ на электрической станціи, свѣтъ горѣлъ часъ-два, а то и вовсе не горѣлъ. У насъ тоже дровъ не было. Мой хозяинъ пустилъ въ ходъ стулья, столъ; снимали мы съ нимъ лишнія, по нашему мнѣнію, двери, принялись потомъ за заборы; но всему бываетъ конецъ. И это топливо тоже исчезло. Тогда придумали другое: взявъ у дворника санки, хозяинъ со студентомъ стали навѣщать кадетскую рощу; тамъ, въ

компаніи съ другими дровоискателями, валилась сосна и братски дѣлилась между всѣми дровосѣками. Каждому доставалось по нѣсколько сырыхъ полѣнъ, ими приходилось топить съ такимъ расчетомъ, чтобы хватило на возможно долгое время.

Надежда была на меня, на мой заработокъ, но, не получая жалованія, я ничѣмъ не могъ помочь имъ, и самъ приходилъ голодный, какъ волкъ. Спасало меня нѣкоторое время какое-то благотворительное дамское общество; оно устроило бесплатную выдачу обѣдовъ для офицеровъ нашей роты. И одинъ разъ въ сутки мы получали по тарелкѣ борща и по куску мяса съ хлѣбомъ. Но средства этого общества были очень ограничены, и часто, по приходѣ въ столовую, мнѣ приходилось слышать отъ завѣдующей кухней, что всѣ обѣды розданы; или-же, что за недостаткомъ денегъ ничего не варили.

И, пробывъ безъ ѣды въ караулѣ цѣлыя сутки, я на-тощакъ уходилъ къ себѣ.

Такихъ, какъ я, было много.

И странно, въ то время, когда одни голодали, другіе не знали буквально счета деньгамъ.

Въ духанахъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ всегда было множество военныхъ, которые бросали деньги на вѣтеръ. Одинъ изъ такихъ героевъ, прокутившій въ одинъ вечеръ 70.000 руб., попалъ даже на столбцы «Кіевлянина».

— Кто это такой, и откуда у него такія деньги? — спрашивалъ Шульгинъ.

Вопросъ былъ совершенно праздный: всѣ, въ томъ числѣ и самъ Шульгинъ, отлично знали, кто это такіе, и откуда у нихъ деньги, но подѣлать съ ними въ это сумбурное время никто ничего не могъ. Кромѣ того, расплодилось великое множество молодыхъ людей, одѣтыхъ въ прекрасныя бекеши и теплыя пальто; эти молодые

люди безобразничали не меньше другихъ, но, при попыткѣ патруля арестовать когонибудь изъ нихъ, тотъ съ гордостью отвѣчалъ: «я — агентъ контръ-развѣдки».

ГЛАВА VII.

Кончилось мое хожденіе въ караулъ тѣмъ, что я захворалъ: рука распухла, пальцы не сгибались, и шрамъ отъ стараго раненія сдѣлался необыкновенно чувствительнымъ.

Я пошелъ въ околотокъ къ нашему врачу. Это былъ уже пожилой человѣкъ, хирургъ по спеціальности. Онъ тщательно осмотрѣлъ мою руку и сказалъ, что операція необходима, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ, что большинство лазаретовъ переполнено, всюду холодъ и большія неудобства, такъ что было ясно, что операцію въ этихъ условіяхъ лучше не дѣлать.

На всякій случай онъ далъ мнѣ записку въ высшую медицинскую комиссію, съ просьбой осмотрѣть меня и дать свое заключеніе. Онъ выразилъ предположеніе, что, можетъ быть, меня съ другими эвакуировавшимися смогутъ направить въ Крымъ, гдѣ погода, условія жизни и самые госпитали были лучше.

Я направился въ комиссію. Помѣщалась она въ одномъ изъ домовъ на Софіевской площади и занимала нѣсколько этажей. Предсѣдателемъ ея былъ старый военный докторъ съ большой сѣдой бородой.

Осматривали больныхъ въ просторной комнатѣ, гдѣ, за исключеніемъ стола и стульевъ для докторовъ, ничего не было. Раздѣваясь, надо было класть свою одежду прямо на полъ. Въ комнатѣ было очень холодно. Когда я дожидался своей очереди, раздѣтый до пояса,

мнѣ пришлось изрядно промерзнуть. Наконецъ, ко мнѣ подошелъ самъ предсѣдатель комиссіи. Онъ долго мялъ мою руку, ощупывалъ, сгибалъ, разгибалъ, кололъ булавкой и, наконецъ, сѣлъ что-то писать, уступивъ свое мѣсто болѣе молодому и менѣе любопытному врачу; тотъ заставилъ меня только поднять и опустить руку, послѣ чего и онъ засѣлъ за писаніе. Когда-же я робко попробовалъ заикнуться насчетъ госпиталя, операціи и Крыма, предсѣдатель на меня посмотрѣлъ широко открытыми глазами, погладилъ бороду и ткнулъ ручкой въ направленіи двери: я могъ уйти, моими желаніями тутъ никто не интересовался.

День былъ ясный, сухой, немного морозный; по дорогѣ я зашелъ въ столовую, гдѣ служила Анна Егоровна, и рассказалъ ей про утреннія событія. Къ своему сочувствію мнѣ она прибавила еще горячаго молока и хлѣба; я поѣлъ и сталъ веселѣе смотрѣть на Божій свѣтъ. Черезъ три дня, какъ мнѣ было приказано, я пришелъ въ канцелярію комиссіи. Одинъ изъ служащихъ, порывшись въ грудѣ дѣлъ, лежавшихъ на столѣ, выдалъ мнѣ подъ росписку бумажку, на которой было пять подписей и двѣ громадныхъ печати. Въ бумажкѣ-же было сказано, что такой-то, вслѣдствіе того-то и того-то, къ военной службѣ признается совершенно негоднымъ, а потому и подлежитъ увольненію въ отставку.

Такъ разлетѣлись мои мечты о крымскихъ госпиталяхъ и операціи. Меня словно пришибло, но измѣнить что-нибудь нечего было и думать.

Уйти въ настоящій моментъ изъ полка, очутиться одному, безъ средствъ, безъ поддержки, да еще полубольному — значило погибнуть. Какъ ни какъ, все таки полкъ представлялъ извѣстную организацію и, въ случаѣ отступленія, можно было уйти вмѣстѣ съ нимъ.

Я обратился тогда за совѣтомъ къ нашему адъютанту. Бывшій студентъ, самъ нуждавшійся, адъютантъ во-

шелъ въ мое положеніе и посовѣтовалъ обратиться къ начальнику хозяйственной части. Тамъ, по его словамъ, могла найтись какая нибудь подходящая для меня работа. Такъ я и сдѣлалъ. Начальникъ хозяйственной части, полковникъ генеральнаго штаба, внялъ моей просьбѣ, но заявилъ, что въ настоящій моментъ у него нѣтъ мѣста въ канцеляріи; черезъ нѣкоторое-же время онъ сможетъ устроить меня въ цейхгаузъ. Я рассказалъ объ этомъ адъютанту.

— Прекрасно, — сказалъ онъ, — кромѣ васъ, есть еще больной офицеръ; васъ обоихъ пока что я поочередно буду назначать дежурными по полку. Приходите завтра же утромъ смѣнить стараго дежурнаго.

Въ назначенный часъ я уже былъ въ кабинетѣ командира. Это была большая многооконная зала, оклеенная свѣтлыми обоями.

Направо, поближе къ двери пріютился трухлявый, колченогій столъ; тутъ же, около него на стѣнѣ, висѣлъ телефонъ; по этой же сторонѣ, немного дальше въ глубину, робко жались къ высокой изразцовой печкѣ обитые вышитой матеріей диванчики и кресла въ стилѣ Людовика XVI. Противъ печки, на другой сторонѣ у самага окна, возвышалось тяжелое американское бюро, видимо, рабочій столъ самага командира, и отгораживало часть комнаты. Въ кабинетѣ было свѣтло, сравнительно чисто и, что самое главное, — тепло.

Когда я вошелъ въ кабинетъ, изъ-за колченогаго стола поднялся артиллерійскій поручикъ, старый дежурный. Я его немного зналъ. Онъ объяснилъ мнѣ обязанности дежурнаго. Онѣ были несложны. Все дѣло заключалось, главнымъ образомъ, въ пріемѣ телефонограммъ. О наиболѣе важныхъ слѣдовало немедленно докладывать командиру полка. Ночью на диванчикахъ можно было спать, а большая электрическая люстра горѣла

обыкновенно до 9-10 часовъ вечера; когда же она гасла, пускались въ ходъ свѣчки и разныя коптилки.

Давъ мнѣ всѣ эти полезныя указанія, старый дежурный ушелъ. Я остался одинъ. Посидѣвъ сперва за столикомъ у телефона, я пересѣлъ потомъ поближе къ печкѣ, она была еще горячая; изъ-подъ диванчика домовито выглядывали длинныя сосновыя полѣнья. Я сѣлъ на кресло, покачался на пружинахъ, потомъ прошелся по всему кабинету. Черезъ полчаса пришелъ командиръ полка, мужчина лѣтъ пятидесяти, съ пролысиной, широкоплечій и полноватый. На ногахъ у него были сапоги изъ тонкаго хрома и совсѣмъ еще новыя калоши. Одѣтъ онъ былъ въ хорошо сшитую шинель изъ солдатскаго сукна. По сѣрымъ погонамъ бѣжали двѣ полковничьи «дорожки».

Я ему отрапортовалъ, что за время дежурства никакихъ происшествій не случилось. Поздоровавшись, онъ сѣлъ за свой столъ, а я за свой. Такъ началось мое первое дежурство.

Черезъ четверть часа пришла дама въ котиковомъ пальто и съ брилліантами въ ушахъ.

Открывъ двери, она прямо направилась къ полковнику. Я загородилъ ей дорогу.

— Вы къ кому?

— Къ командиру.

— Какъ доложить о васъ?

Дама посмотрѣла на меня сбоку, пробѣжала глазами всю мою фигуру и отвѣтила:

— Я жена его.

Я отступилъ. Вслѣдъ за женой пришелъ мужчина лѣтъ сорока, въ тепломъ пальто съ барашковымъ воротникомъ.

— Вы дежурный? — спросилъ онъ.

— Дежурный.

— Полковникъ есть?

— У него жена.

— Ничего, я подожду. Я тутъ почти каждый день бываю. Полковникъ мой пріятель. Позвольте и съ вами познакомиться: Граціанскій, завѣдующій заводомъ «Крамбамбули».

Около трехъ часовъ полковникъ и Граціанскій ушли вмѣстѣ. Я снова остался одинъ. Начало смеркаться. Вспыхнула люстра; въ столѣ дежурнаго нашлась книжка безъ начала и конца. Около десяти часовъ чтеніе было прервано. Люстра мигнула два-три раза и потухла. Посидѣвъ еще немного въ потемкахъ, я направился къ печкѣ, легъ на диванчикъ и, не зажигая коптилки, заснулъ.

Рано утромъ, когда окна только что стали синѣть отъ разсвѣта, донеслось полноувѣсное уханье тяжелыхъ орудій; стекла тихо задребезжали. Раздался рѣзкій телефонный звонокъ. Я снялъ трубку.

— Дежурный? — донесся голосъ командира полка.

— Такъ точно, г. полковникъ.

— Не знаете, откуда стрѣляютъ?

— Не могу знать.

— Тогда справьтесь у командира морской батареи по телефону, не случилось ли у нихъ чего-нибудь.

— Слушаюсь...

Я повѣсилъ трубку и найдя въ списокѣ на стѣнѣ номеръ телефона морской батареи, позвонилъ. Съ батареи мнѣ отвѣтили, что у нихъ все спокойно, но что стрѣльбу они слышатъ и сами не знаютъ, кто и откуда стрѣляетъ. Обо всемъ этомъ я сейчасъ же доложилъ полковнику.

Когда я вѣшалъ трубку, вторая дверь, выходившая во внутреннія комнаты, открылась, и вошелъ нагруженный хлѣбомъ, молокомъ, пирожками и всякой другой снѣдью черномазый прапорщикъ со значкомъ за Ледяной походъ. Онъ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ,

расположился на кругломъ столикѣ, недалеко отъ командирскаго бюро.

Я вопросительно посмотрѣлъ на вновь пришедшаго.

— Я — ординарецъ командира, — объяснилъ онъ, живу тамъ за дверью, у печки, а ѣмъ здѣсь, пока никого нѣтъ. Вы ничего не имѣете противъ?

— Нисколько.

— О чемъ это телефонъ трещалъ? — спросилъ онъ, раскладывая на столикѣ ѣду.

— На счетъ вотъ этой стрѣльбы.

— Да, попаливаютъ, вѣрно. А командирская жена пугливая, все боится, какъ бы большевики опять не пришли. Жутко у васъ. Какъ кончится мое дѣло, опять въ Ростовъ уѣду.

— Плохо теперь дѣла имѣть.

— Особенно, въ родѣ моего. Привезъ я изъ Ростова кой - какого товара, правду говоря, спекулировать хотѣлъ, но съ агентами изъ контръ-развѣдки не поладилъ. Товаръ мой конфисковали, меня самого въ тюрьму засадили. Командиръ только вызволилъ. Теперь хочу, чтобы либо товаръ, либо деньги вернули. Не вернуть — всѣмъ развѣдчикамъ морду бить буду. Спекуляція, конечно, дѣло непохвальное. Но что же дѣлать? Чтобы жить, надо или спекулировать, или грабить. Вы думаете только здѣсь не платятъ, только здѣсь кутятъ и пьянствуютъ? Вездѣ... Кошмаръ одинъ...

Въ полдень я сдалъ дежурство другому, а черезъ день долженъ былъ снова явиться на службу.

Время пошло быстро. Въ общемъ я былъ доволенъ своими новыми обязанностями: онѣ давали возможность сидѣть на мѣстѣ, въ теплѣ, видѣть массу новыхъ лицъ... Кромѣ того, дежурный всегда былъ въ курсѣ всѣхъ дѣлъ.

Самъ командиръ жилъ гдѣ то въ городѣ; прихо-

диль онъ, обыкновенно, часамъ къ 10. Къ этому времени его ожидало уже много разныхъ лицъ. Составъ посѣтителей былъ самый разнообразный. Были среди нихъ и военные, и штатскіе, а иногда приходили и женщины. Изъ мужчинъ чаще всѣхъ появлялся начальникъ уголовного розыска, хотя, насколько было извѣстно, никакого дѣла для него въ полку не было.

Съ нѣкоторыми визитерами полковникъ разговаривалъ у своего стола, а другихъ, какъ напр. начальника уголовного розыска, онъ отводилъ въ самый конецъ залы, гдѣ ихъ никто не могъ слышать.

Изъ женскихъ фигуръ особенно запомнились двѣ. Одна — совсѣмъ молодая дѣвушка, трогательная своей хрупкостью и незащищенностью; пришла она просить мѣста машинистки. Просительницамъ у насъ обыкновенно отказывали сразу; но тутъ, вслѣдствіе того, что дѣвушка имѣла рекомендацію отъ самого генерала Бредова, прошеніе было принято и сдано адъютанту съ попутнымъ словомъ полковника имѣть просительницу въ виду болѣе, чѣмъ остальныхъ. А самой дѣвужкѣ все таки пришлось уйти безъ мѣста. И, закрывая за ней дверь, я видѣлъ, какъ у нея задрожали губы и выступили слезы на глазахъ. Видно было, что дома ее ждала большая нужда.

Въ другой разъ явилась старушка, робкая, пришибленная, съ порыжѣвшимъ ридикюлемъ въ рукахъ и въ выдавшемъ лучшіе дни сакѣ. Дѣло ея было ясно, просто и — безнадежно. Сынъ ея, прапорщикъ, кормилецъ въ буквальномъ смыслѣ слова, перваго октября былъ раненъ пулей въ позвоночникъ. Парализованный и уже болѣе никому ненужный, онъ лежалъ въ госпиталѣ; какъ безнадежнаго хроника, его собирались оттуда выписать. Старушка просила оставить сына въ госпиталѣ, или назначить ему хоть какую нибудь пенсію, на что могли бы существовать она и ея сынъ инвалидъ. Сперва она

была у Драгомирова, Драгомировъ послалъ ее къ Бредову, Бредовъ послалъ ее къ намъ. Здѣсь были честнѣе и откровеннѣе: ее послали просто на улицу. И старуха долго ловила трясущейся рукой ручку двери, побывъ, можетъ быть, въ послѣдній разъ въ тепломъ помѣщеніи.

Ротные командиры являлись къ полковнику рѣдко: всѣ свои дѣла они устраивали въ полковой канцеляріи, при помощи адъютанта. И самъ адъютантъ за все время моихъ дежурствъ появился только два или три раза.

Изъ подчиненныхъ же у командира полка чаще другихъ бывалъ начальникъ команды связи, ротмистръ Ланской. Ротмистръ былъ молодъ, даже, пожалуй, слишкомъ молодъ для своего чина. Ходилъ онъ всегда въ длинной кавалерійской шинели, поверхъ которой постоянно болтался офицерскій Георгій. Здороваясь, ротмистръ прикладывалъ къ козырьку два пальца и звонко щелкалъ при этомъ шпорами. По его словамъ, онъ служилъ раньше въ гродненскихъ гусарахъ, но своими манерами и внѣшностью больше походилъ на опереточнаго артиста. Узнавъ, что Ланской бывший гродненскій гусарь, я обрадовался: мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ о Варшавѣ, гдѣ ихъ полкъ стоялъ до войны, а потомъ я надѣялся узнать отъ него о судьбѣ нѣкоторыхъ знакомыхъ. Но, къ моему удивленію, отъ всякаго разговора со мной ротмистръ Ланской рѣшительно уклонился и даже, какъ будто, сталъ избѣгать меня. Что могло быть общаго между пожилымъ полковникомъ и этимъ юнцомъ — трудно было себѣ представить.

Потомъ, часто приходилъ къ командиру штабсъ-капитанъ Пѣтуховъ. Это тоже была личность, не лишенная интереса; высокій, тощій, длинноногій, какъ журавль, онъ никогда не снималъ полушубка и никогда не разставался съ карабиномъ. Постоянно перхая, какъ собака, которой попала въ горло кость, Пѣтуховъ обвязы-

валъ шею длиннымъ шарфомъ и закладывалъ концы его подъ поясъ на полушубкѣ. Уши были у него страшно оттопыренные, тонкія какъ крылья летучей мыши, каждое величиной съ добрый лопухъ. На длинномъ костистомъ лицѣ, испорченномъ золотухой, отъ уха до уха шелъ ротъ съ толстыми, словно вывороченными губами, ярко кровавого цвѣта. Чтобы смотрѣть на Пѣтухова, къ нему надо было привыкнуть. Гдѣ онъ служилъ и какъ добился своихъ звѣздочекъ, трудно было понять, скорѣе всего, онъ былъ произведенъ изъ нижнихъ чиновъ. Въ разговорахъ у него не сходила съ языка контръ-развѣдка и уголовный розыскъ. Часто приходилось видѣть его еще и полупьянымъ. Но въ то-же время онъ былъ человѣкъ, не лишенный запросовъ и благородныхъ порывовъ. Ожидая полковника, Пѣтуховъ пускался иногда въ разговоры и немало забавлялъ меня въ скучные часы дежурства. У него было желаніе поступить послѣ окончанія войны на «юристическій фалькутетъ», и онъ спрашивалъ, что тамъ проходятъ.

— Хочется знать, какъ все это случается, — говорилъ онъ, — хотя бы эта самая гражданская война. Не чортъ же ее высидѣлъ на самомъ дѣлѣ.

Потомъ, какъ передавали, онъ отогналъ однажды на Крещатикѣ отъ молодой дѣвушки пьянаго корниловца, настойчиво пристававшего къ ней. Дѣло чуть-чуть не кончилось стрѣльбой, но Пѣтуховъ дѣвушку все таки отстоялъ.

Придя однажды около полудня въ полкъ, я увидѣлъ въ большой комнатѣ около цейхгауза цѣлую пирамиду плотно набитыхъ мѣшковъ. Около нихъ съ побѣдоноснымъ видомъ крутился Пѣтуховъ.

— Что это? — показалъ я на мѣшки.

— Овесъ, удачный денекъ выпалъ. Давно у меня были на примѣтѣ одни кооператоры, чуялъ, что у нихъ и лошади есть, и овесъ. И вотъ на Лукьяновкѣ нако-

нецъ накрылъ ихъ: шесть битюговъ реквизиrowалъ и двѣсти пятьдесятъ мѣшковъ овса... Походятъ теперь голубчики, поплачутся... Лошади то одно заглядѣніе, на полковой конюшнѣ теперь стоятъ... На нихъ же и мѣшки-то привезъ.

Подъ вечеръ въ полковой канцеляріи я столкнулся съ тремя солидными, коммерческаго вида, мужчинами въ теплыхъ шубахъ.

— Вамъ что угодно? — обратился къ нимъ адъютантъ.

— Хотѣли бы видѣть штабсъ-капитана Пѣтухова, — въ разноголосицу отвѣтили всѣ трое.

Въ эту минуту изъ темнаго бокового коридорчика, далеко предшествуемый спиртной струей, появился самъ Пѣтуховъ.

— А-а-а, — торжествующе протянулъ онъ, — господамъ кооператорамъ мое почтеніе... Каково поживаете, кого нажимаете?.. Поговорить пришли?.. Пожалуйте-ка въ залу...

Такъ и вспомнился безсмертный Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, громящій купцовъ.

— ...аршинники, протобестіи, надувалы морскіе!..

О чемъ бесѣдовали въ залѣ, осталось неизвѣстнымъ, но только черезъ нѣсколько дней овесъ и лошади такъ же неожиданно исчезли, какъ и появились. Пѣтуховъ же заходилъ гоголемъ, часто разглядывалъ содержимое своего бумажника, и тянуло отъ него уже не спиртомъ, а чѣмъ то болѣе тонкимъ.

Остался у меня въ памяти также разговоръ, который велъ онъ разъ по телефону съ электрической станціей. Дѣло происходило вечеромъ. Ярko горѣвшая люстра вдругъ сразу погасла раньше обыкновеннаго. Я зажегъ коптилку и сталъ дорисовывать орнаментъ своего собственнаго измышленія. Но сильно подвыпившій Пѣтуховъ счелъ прекращеніе тока за личную обиду.

Видимо желая показать себя, онъ тутъ же бросился къ телефону и вызвалъ электрическую станцію.

— «Лектрическая станція?..» Позовите главнаго инженера... Нельзя... Почему нельзя?.. Ахъ, его нѣтъ... Такъ, такъ... Позвать главнаго директора — передайте: штабсъ-капитанъ Пѣтуховъ изъ контръ-развѣдки хочетъ его видѣть... Нельзя? Тоже нельзя... Что у васъ за публичный домъ, что никого нѣтъ... Ахъ, онъ заграницей... А кто говоритъ со мной... Ага, машинистъ... Вотъ что: передай инженеру, чтобы пустили токъ... Что? не называть на ты?.. Да кто ты тамъ такой... Я тебя и твоихъ инженеровъ въ рогъ сверну... Я тебѣ не ты, а господинъ штабсъ-капитанъ Пѣтуховъ изъ контръ-развѣдки, сволочь ты эдакая...

Господинъ штабсъ-капитанъ Пѣтуховъ изъ контръ-развѣдки долго еще, вѣроятно, говорилъ бы по телефону, если бы съ другой стороны не повѣсили трубки. И, какъ ни бѣсновался Пѣтуховъ, его партнеръ молчалъ, какъ мертвый.

Такъ широкая и сумбурная душа Пѣтухова вмѣщала въ себѣ и контръ-развѣдку, и мечты объ университетѣ, и рыцарское отношеніе къ женщинѣ.

Эти лица — Граціанскій, Ланской, Пѣтуховъ, начальникъ уголовного розыска и прапорщикъ-ординарецъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ за спекуляцію, и составляли интимный кругъ знакомствъ нашего командира. Я не могъ себѣ уяснить, почему ему понадобилось это сомнительное окруженіе; въ средѣ своихъ же подчиненныхъ онъ нашелъ бы знакомыхъ и сотрудниковъ гораздо болѣе достойныхъ.

Но онъ не былъ плохимъ человѣкомъ, назвать его холоднымъ или безсердечнымъ тоже было нельзя. Когда пьяный офицеръ убилъ въ какомъ то духанѣ одного изъ нашихъ патрульныхъ, бывшаго гимназиста, командиръ отъ души жалѣлъ эту преждевременно угасшую

жизнь и волновался, что убійца остался безнаказаннымъ. И я видѣлъ, что о своихъ подчиненныхъ командиръ заботился. Не его была вина, что все шло вкривь и вкосъ. Гдѣ онъ служилъ раньше, никто, кажется, толкомъ не зналъ, но какъ то разъ, въ разговорѣ съ поставщикомъ, принесшимъ на образецъ пару сапогъ, полковникъ назвалъ себя бывшимъ штабнымъ.

Судя же по тому знанію, съ какимъ онъ указалъ поставщику всѣ слабыя стороны товара и шитья, скорѣе можно было предположить, что онъ бывший интендантъ. Въ своемъ обращеніи съ людьми онъ былъ обходителенъ: за все время моихъ дежурствъ я ни разу не слышалъ, чтобы онъ возвысилъ голосъ или закричалъ на когонибудь. Словомъ, съ нимъ можно было жить, несмотря на нѣкоторыя странности, которыя въ концѣ концовъ меня не касались.

Одинъ разъ, явившись на службу, я увидѣлъ адъютанта вмѣстѣ съ братомъ нашего ротнаго командира, артиллерійскимъ офицеромъ.

— Сегодня, — обратился ко мнѣ адъютантъ, — по личному приказанію полковника будутъ дежурить два человѣка.

— А что случилось? — спросилъ я.

— Да, пока ничего, — отвѣтилъ адъютантъ, — идите, смѣните стараго дежурнаго.

Стараго дежурнаго мы нашли въ кабинетѣ совсѣмъ одного. Онъ тоже ничего не зналъ. Поговоривъ съ нами минутъ пять, онъ пошелъ къ себѣ. Мы же вдвоемъ засѣли за столикъ.

Вскорѣ появился начальникъ уголовного розыска. У него была такая значительная мина, словно онъ зналъ всѣ тайны земли и неба. Слѣдомъ за нимъ пришелъ Ланской; онъ сразу сѣлъ и задумался, какъ будто жизнь его была взвѣшена, а дни сосчитаны. Потомъ пришелъ и самъ полковникъ. Принявъ рапортъ отъ моего колле-

ги, что за время дежурства «никакихъ происшествій не случилось», полковникъ поздоровался и сказалъ:

— Господа, прошу выйти изъ кабинета всѣхъ, за исключеніемъ начальника уголовного розыска и ротмистра Ланского, съ которыми я буду имѣть совершенно секретный разговоръ.

Всѣ, т. е. двое дежурныхъ, поднялись и вышли. Совѣщаніе продолжалось съ четверть часа. Что тамъ обсуждалось, осталось намъ неизвѣстнымъ.

Когда ушли начальникъ розыска и Ланской, а слѣдомъ за ними скрылся и командиръ, мы думали, что все уже вошло въ колею. Но въ сумеркахъ неожиданно появился полковникъ и приказалъ разослать во всѣ роты телефонограммы такого содержанія:

«Отъ каждой роты прислать въ штабъ полка къ 9 часамъ вечера одинъ взводъ, въ полной боевой готовности, за полученіемъ секретнаго приказа операціоннаго характера».

Былъ также вызванъ командиръ I роты. Онъ тотчасъ же явился. Народу въ кабинетѣ столпилось не мало. Всѣ ожидали, чѣмъ же разрѣшится загадка сегоднешняго дня. Командиръ полка досталъ изъ кармана шинели карту окрестностей Кіева, разложилъ ее на столѣ и началась рѣчь.

Оказалось, что по дошедшимъ до него слухамъ (тутъ начальникъ уголовного розыска скромно опустилъ глаза) подъ Кіевомъ въ эту ночь затѣвалось вооруженное возстаніе. Должно оно было начаться въ какой то деревушкѣ недалеко отъ города, а затѣмъ повстанцы хотѣли броситься и на самый Кіевъ. На долю офицерскаго полка выпала задача подавить это возстаніе. Первая рота, соединившись съ присланными взводами отъ другихъ ротъ, должна была взять это дѣло на себя. Добровольческая артиллерія, стоявшая въ окрестностяхъ Кіева, была предупреждена о готовящемся возстаніи,

и одна легкая батарея была поставлена для обстрѣла дороги, по которой повстанцы могли двинуться на Кіевъ.

Полковникъ замолчалъ. Всѣ присутствующіе были встревожены и молчали. Когда же пришли вытребованные отъ другихъ ротъ взводы и выстроились съ нашей ротой въ большой сосѣдней залѣ, полковникъ еще разъ объяснилъ, въ чемъ дѣло.

Раздалась команда; ряды зашевелились и направились къ выходу. Черезъ полчаса, у подъѣзда зашумѣлъ моторъ; окруженный всадниками, нашъ полковникъ отправлялся руководить операціей. Вмѣстѣ съ нимъ уѣхалъ и Ланской.

Въ кабинетѣ осталось насъ трое: я, второй дежурный и ординарецъ - кавказецъ, молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и запавшими глазами; онъ сказалъ, что уже нѣсколько дней его трясетъ лихорадка.

Затопивъ печь и усѣвшись передъ самымъ огнемъ, ординарецъ вдругъ спросилъ:

— А вы замѣтили, что полковникъ пьянъ? Стоитъ — качается, въ первый разъ деревню назвалъ однимъ именемъ, во-второй разъ — другимъ.

Мы посмотрѣли другъ на друга: дѣйствительно, и съ деревушкой полковникъ что-то напуталъ, и качнуло его нѣсколько разъ. Но подѣлать съ этимъ мы ничего не могли, оставалось ждать дальнѣйшихъ событій. Пока-же все было тихо; телефонъ не трещалъ, артиллерія молчала, и мы всѣ мирно задремали около печки. На самомъ разсвѣтѣ въ кабинетъ пришелъ весь синій отъ холода, вольноопредѣляющійся изъ команды связи, слѣдовавшій верхомъ за автомобилемъ полковника.

— Ну, какъ возстаніе? — спросило его сразу три голоса.

— Какое тамъ возстаніе, — отвѣтилъ онъ, — и полковникъ былъ пьянъ, и Ланской былъ пьянъ. Какъ

сѣли они въ автомобиль, такъ оба сразу и захрапѣли, а мы за ними верстъ 15 верхомъ киселя хлебали. Вездѣ въ деревняхъ тихо, никакихъ возстаній нѣтъ. Потомъ ужъ и деревни кончились, выѣхали мы въ чистое поле. Наши кони пѣной покрылись, спотыкаться начали, устали; дальше уже большевицкія позиціи начинаются. Рѣшили разбудить начальство, долго пришлось расталкивать, но наконецъ оба очухались. Спрашиваемъ: «что прикажете дѣлать?» А полковникъ озирается: «гдѣ мы?» «Недалеко отъ большевиковъ». Онъ тогда приказалъ мнѣ и еще другому ординарцу осмотрѣть ближній лѣсокъ — нѣтъ-ли тамъ красныхъ. «Если гдѣ найдете большевиковъ, то откройте по нимъ ураганный огонь и отходите назадъ, а я поѣду за пулеметами и подкрѣпленіями». Это изъ двухъ-то винтовокъ ураганный огонь! Хорошо, что въ лѣсу никого не оказалось. Вернулись мы изъ лѣса, а полковничьяго «Форда» и слѣдъ простылъ. Поѣхали мы къ себѣ. У одной деревни осетинскую заставу около костра увидѣли. И они тоже ничего о возстаніи не слышали. И уже подъ Кіевомъ нашу сборную роту догнали. Всю ночь по окрестностнымъ деревнямъ ходила, даже собаки ни одной не нашла. Больше всего они боялись, какъ-бы наша собственная артиллерія огонь по нимъ не открыла. Изъ-за этого и крюку пришлось дать, чтобы артиллеристовъ предупредить...

— Комиссія отца Денисія, — вздохнулъ мой коллега.

— Скверно не то, что полковникъ съ Ланскимъ напились, а то, что говорятъ про нихъ, — вдругъ вскипѣлъ вольноопредѣляющійся.

— А что?

— Не знаю, правда или нѣтъ, но у насъ въ командѣ связи бродитъ такой слухокъ: полковникъ нашъ — не полковникъ, а интендантскій вахтеръ, Ланской — не

ротмистръ, а всего только вольноопредѣляющійся, гдѣ-то на сценѣ подвизался, и Георгіевскимъ крестомъ самъ себя наградилъ... Вотъ какъ!.. И, потомъ, начальникъ уголовного розыска, другъ и пріятель командира, кто его знаетъ?.. То-же смахиваетъ на рыцаря изъ подъ темной звѣзды. Развѣ для кадрового полковника эта компанія подходящая?..

Мы переглянулись. Эта компанія для командира полка была, дѣйствительно, неподходящей, но что онъ предпочиталъ ее всѣмъ прочимъ офицерамъ — каждому было ясно. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, мысль, что командиромъ офицерскаго полка въ Кіевѣ, на глазахъ у генерала Бредова и генерала Драгомирова, могли назначить самозванца, казалась просто невѣроятной. Если это было такъ, кому же въ дѣйствительности служили эти люди, какимъ образомъ у вахтера могли оказаться полковничьи документы и кто помогъ ему ввести въ заблужденіе бѣлое командованіе?

— А потомъ, скажите, какимъ какомъ нѣмцы тутъ очутились? Я недавно на Крещатикѣ двухъ субъектовъ встрѣтилъ: выправка военная, усы закручены, и такъ на меня посмотрѣли, что я имъ чуть чести не отдалъ. Ни дать, ни взять, какъ тѣ нѣмцы, что тутъ во время оккупации были. Прошли они, я и забылъ о нихъ. Захожу въ книжный магазинъ — карту окрестностей Кіева взять, а продавщица-то и говоритъ: «была у насъ одна, да только что взяли»... — «Кто?» — «Двое мужчинъ какихъ-то, со мной они говорили на ломаномъ русскомъ, а между собой, потихоньку, по-нѣмецки; я подумала еще — не изъ военной-ли миссіи они»... Ну, что вы на это скажете?

— На это я вамъ отвѣчу исторіей о моемъ братѣ, — сказалъ второй дежурный. — Въ 1918 году жилъ онъ въ Москвѣ, а въ это время тамъ очень часто поминалась фамилія полковника Дрейера. Формировалъ онъ,

для сверженія большевиковъ, офицеровъ — по десяткамъ, приче́мъ только одинъ изъ этихъ десяти зналъ представителя другого десятка. Мой братъ и попалъ въ одну изъ такихъ группъ, не послушалъ, когда говорили ему, что затѣя очень подозрительная, что черезъ-чуръ ужъ все открыто дѣлается, и что большевики непременно узнаютъ объ этомъ. А потомъ — кто такой полковникъ Дрейеръ, никто не зналъ. Одни говорили, что это русскій, другіе, что — нѣмецъ. Ну-съ, а затѣмъ, когда этихъ десятковъ образовалось много, большевики накрыли всѣхъ, и вся исторія стала ясной: нѣмецкая контръ-развѣдка и большевицкая чека работали вмѣстѣ. Нѣмцы, чтобы выловить тѣхъ русскихъ, кто былъ противъ брестъ-литовскаго мира и большевицкой власти, и затѣяли устройство этихъ десятковъ, а потомъ ихъ имена и адреса передали чекѣ. Во главѣ всего этого дѣла стоялъ полковникъ Дрейеръ.

— Выходить такъ, — послѣ молчанія заговорилъ вольноопредѣляющійся, — нѣмцы и большевики сходятся въ одномъ: истребить тѣхъ русскихъ, кто можетъ бороться противъ ихъ господства.

— Для меня въ этомъ нѣтъ никакихъ сомнѣній. Въ случаѣ неудачи насъ ждетъ одно: уничтоженіе.

Несмотря на то, что я былъ такъ близокъ къ начальству, все-таки мое матеріальное положеніе отъ этого не улучшилось. Я по-прежнему былъ безъ денегъ, голодалъ и мерзъ дома, какъ и раньше. Сапоги мои расстрепались, бѣлье изнашивалось, не было возможности даже мыла купить. Благотворительныя общества сократили свою дѣятельность, и дѣло дошло до того, что по 2-3 дня я ничего не ѣлъ. Но въ такомъ положеніи былъ не я одинъ. По улицамъ Кіева, на пути послѣ дежурства домой, мнѣ приходилось видѣть много солдатъ и офицеровъ въ полуоборванныхъ шинеляхъ, торопливо бѣгавшихъ изъ одной канцеляріи въ другую, изъ одного

учрежденія въ другое. Нѣкоторые изъ нихъ останавливали меня и спрашивали адреса штабовъ. Среди спрашивавшихъ попадались люди въ совершенно изодранныхъ сапогахъ, въ лаптяхъ, въ калошахъ на босую ногу. Несмотря на эту вопіющую нужду, просителямъ всюду отвѣчали отказомъ.

Спѣша однажды на службу въ полкъ, я увидѣлъ на Крещатикѣ, недалеко отъ почты, человѣка, привлекавшаго вниманіе всѣхъ проходившихъ. На немъ была солдатская шинель — вытертая, тонкая, грязная. На лѣвомъ плечѣ болтался лоскутокъ когда-то золотого погона; на правомъ — ничего не было. Лицо — костлявое и такого цвѣта, словно его сплошь зачертили синимъ карандашомъ. На ногахъ, несмотря на оттепель, были надѣты безобразные, совсѣмъ развалившіеся валенки; изъ большихъ дыръ свободно выглядывала солома и голые пальцы. Тонкой похудѣвшей рукой человѣкъ держался за фонарь, а другой — за грудь. Все тѣло сотрясалось отъ неудержимаго, рвущаго кашля. На лбу блестѣли капельки пота, на глазахъ выступали слезы. Старая измятая фуражка отъ кашлевыхъ толчковъ съѣхала на самый затылокъ. Прохожіе оглядывали несчастнаго, качали головами и шли дальше. Когда я поровнялся съ фонаремъ, мнѣ показалось, что человѣкъ въ валенкахъ сдѣлалъ по моему адресу умоляющій знакъ. Я остановился.

— Коллега, — тяжело дыша, обратился ко мнѣ человѣкъ, — мнѣ стыдно, но я не могу сдѣлать иначе. Дайте мнѣ на хлѣбъ. Повѣрьте, у меня ничего нѣтъ. Уже недѣлю я отчаянно голодаю.

Но у меня самого ничего не было.

— Что-же мнѣ дѣлать? — сказалъ онъ прерывающимся голосомъ.

Исторія его была очень короткая. Онъ простудился на фронтѣ, и докторъ отправилъ его съ запиской въ

Кіевъ. Но ни въ одинъ изъ госпиталей больного не принимали: отвѣчали, что нѣтъ мѣстъ.

— Былъ я у Бредова, у Драгомирова, у коменданта, — и напрасно: то-ли не могутъ, то-ли не хотятъ помочь. А городъ мнѣ чужой, денегъ нѣтъ. Научите, что-же дѣлать? — говорилъ офицеръ.

Я подумалъ съ минуту, куда-бы можно было обратиться за помощью. И въ этотъ моментъ мнѣ вспомнился «Кіевлянинъ» и его редакторъ Шульгинъ.

— Идите къ Шульгину, — сказалъ я, — тѣ, кто имѣли съ нимъ дѣло, говорятъ, что это сердечный и энергичный человѣкъ.

И, вынувъ изъ кармана старый номеръ «Кіевлянина», я отдалъ его своему собесѣднику. Тотъ ухватился за мою мысль. Я рассказалъ, какъ пройти въ редакцію, и немного проводилъ новаго знакомаго.

— Скверно у насъ, — говорилъ онъ, — раненые гибнуть отъ недостатка перевязочныхъ средствъ, а здоровые — простуживаются. Нѣтъ ни обуви, ни одежды. Прислали одинъ разъ англійское обмундированіе; вмѣсто того, чтобы раздать его, съ мѣсяцъ съ собой возили. А потомъ большевики отбили обозъ и, вмѣстѣ съ нимъ, — англійское обмундированіе. Есть между нами и такіе, у которыхъ все есть — и деньги, и платье, и драгоценности... Они съ презрѣніемъ смотрятъ на насъ. Можетъ быть они и правы. Я здѣсь, въ Кіевѣ, самъ почувствовалъ, что на краю стою. И что буду дѣлать, если и Шульгинъ не поможетъ, — не знаю.

Мы разстались. Больше этого человѣка мнѣ встрѣтить не удалось, и что случилось съ нимъ — не знаю.

Изъ жизни какъ будто исчезло общественное начало, каждый былъ предоставленъ самому себѣ. Послѣдствія этого ненормальнаго положенія вещей сказались очень скоро: то, чего нельзя было получить законнымъ

путемъ, стали отбирать силой: вспыхнула эпидемія грабежей.

Приблизительно съ половины ноября, когда начинало темнѣть и полковникъ уходилъ къ себѣ, а въ полковой канцеляріи никого не оставалось, начиналъ трещать телефонъ. Съ Елизаветинской, съ Левашовской, съ Прорѣзной, съ Крещатика сообщали, что явились вооруженные люди, забрали деньги, драгоценности, платье, обувь и ушли. Иногда же пострадавшіе звонили на квартиру къ полковнику, въ Комендантское Управленіе, въ штабъ генерала Бредова. И это было еще хуже, такъ какъ оттуда сейчасъ-же звонили къ дежурному полку.

Комендантское Управленіе отличалось своей грубостью.

— Дежурный?

— Такъ точно.

— Что вы тамъ спите, что-ли? Подъ бокомъ людей грабятъ, а у васъ нигдѣ ни одного патруля. Выслать пять человѣкъ на Лютеранскую. И живо, въ два счета...

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Безъ разговорчиковъ. Люди въ опасности, а вы мямлите. Извольте принять приказаніе. Завтра на васъ напишу рапортъ...

Кто дежурилъ въ Комендантскомъ Управленіи, не знаю, но среди служившихъ въ немъ было много марковцевъ и корниловцевъ.

Однажды, сообщивъ о налетѣ на Крещатикъ, дежурный по Комендантскому Управленію черезъ пять минутъ снова позвонилъ и спросилъ, отправленъ ли патруль. Я сказалъ, что нѣтъ, за неимѣніемъ людей. Богъ мой, что мнѣ пришлось выслушать...

Но одинъ разъ и я не выдержалъ. Получивъ какъ-то изъ Комендантскаго сообщеніе о налетѣ въ концѣ Фундуклеевской и требованіе немедленно отправить пат-

руль въ 5 человекъ, я отвѣтилъ отказомъ, такъ какъ въ ротѣ, за исключеніемъ больныхъ, никого не было, и посовѣтовалъ обратиться къ Государственной стражѣ.

— Хорошо, — донесся до меня голосъ, — я завтра напишу рапортъ, что вы играете въ руку грабителямъ.

Тутъ-то меня и прорвало. Чего только я ни наговорилъ. «Паршивецъ», «негодяй», «сволочь», «мерзавецъ», обѣщаніе набить морду при первой встрѣчѣ, — все это было сказано и обѣщано въ самой категорической формѣ невидимому комендантскому дежурному. Любопытнѣе всего, что съ тѣхъ поръ Комендантское Управление меня рѣдко тревожило, а если и тревожило, то въ самой почтительной формѣ.

Правда, одновременно съ этими людьми, буквально умиравшими съ голоду и холоду, занимались грабительствомъ и другіе, тѣ, кому позволяла совѣсть, несмотря на то, что они были одѣты, обуты, сыты и имѣли деньги. И такихъ тоже было не мало, если не большинство.

А осетинскій отрядъ, очутившійся какими-то судьбами въ Кіевѣ, рѣшивъ ограбить богатый домъ на Прорѣзной, выставилъ даже сторожевое охраненіе съ пулеметами, чтобы имъ никто не помѣшалъ. Что-же могли подѣлать трое нашихъ патрульныхъ? И потомъ у насъ дѣйствительно не было людей. Въ ротѣ числилось около 200 человекъ. Половина была въ караулѣ. Человекъ двадцать, по инвалидности, являлись совершенно неспособными къ военной службѣ, ихъ держали, такъ же, какъ и меня, больше изъ жалости. Много хворало, кто тифомъ, кто воспаленіемъ легкихъ, кто плевритомъ, кто бронхитомъ. Ночевало въ ротѣ человекъ 30. Что они могли сдѣлать — вернувшись утромъ изъ караула, утомленные, голодные, плохо одѣтые, полубосые?

И все таки мнѣ разъ 6-8 въ теченіе ночи приходи-

лось сообщать дежурному, чтобы онъ послалъ патрули ловить налетчиковъ. И сплошь да рядомъ онъ посылалъ на улицу людей, у которыхъ температура доходила до 40°. Очень хотѣлось мнѣ въ это время одного: пусть-бы поглядѣли ограбленные, какъ живутъ ихъ защитники.

И чѣмъ больше я присматривался къ тому, что совершалось, тѣмъ больше мнѣ казалось, что всѣмъ этимъ порядкомъ вещей руководить большевицкая рука. И дѣлалось жутко. Куда итти, гдѣ спасеніе? Отвѣта не было.

ГЛАВА VIII.

И я былъ очень радъ, когда наконецъ начальникъ хозяйственной части позвалъ меня въ кабинетъ и заявилъ:

— Если хотите, то можете съ завтрашняго утра начать службу въ цейхгаузѣ. Будете дѣлать то, что скажетъ каптенармусъ.

Въ назначенный часъ я уже былъ въ цейхгаузѣ. Онъ занималъ большую комнату въ два окна, выходившую въ садъ. Въ ближайшемъ углу, у печки, стояли мѣшки съ мукой и съ сахарнымъ пескомъ; рядомъ были навалены горы обмотокъ; у одного окна безпорядочной грудой лежали патронташи, у другого — выше человеческого роста поднимался валъ изъ полушубковъ; около нихъ стояла полѣнница изъ валенокъ, дальше, у стѣны, высокими колонами поднимались правильно сложенные башлыки и теплые, на ватѣ, куртки. Посерединѣ находилось два небольшихъ письменныхъ стола; подъ однимъ валялся громадный свертокъ сапожной кожи, на другомъ стояли вѣсы. Много мѣста занималъ

неуклюжій, сколоченный изъ толстыхъ досокъ ящикъ, на которомъ были поставлены цыбики съ табакомъ. Сбоку, въ самомъ ящикѣ, была продѣлана очень удобная дыра; изъ нея аппетитно выглядывало пухлое малороссійское сало.

Вещей въ общемъ было столько, что для прохода оставались лишь узенькія дорожки. Завѣдывалъ всѣмъ этимъ добромъ каптенармусъ, поручикъ Поповъ, бывшій студентъ математикъ. У него было желтоватое лицо и темные жесткіе глаза. Помощникомъ Попова состоялъ штабсъ-капитанъ Азіатъ, брюнетъ меланхолическаго вида, тишайшій характеромъ и осторожнѣйшій въ словахъ.

Когда я вошелъ, Поповъ и Азіатъ благодушеествовали за чаемъ, поставивъ стаканы на чашки вѣсовъ. Оба посмотрѣли на меня, но руки не протянули. За другимъ столикомъ передъ жестянымъ чайничкомъ сидѣлъ унтеръ-офицеръ Гродскій, по болѣзни прикомандированный къ цейхгаузу. У него было блѣдное лицо, впалая грудь и мягкіе, добрые глаза. Я подсѣлъ къ Гродскому.

— Вамъ надо будетъ къ 10 часамъ отправиться въ Комендантское Управление за подводой, — сказалъ мнѣ Поповъ, — завѣдующій хозяйствомъ приказалъ перевести часть муки на пекарню. А пока подождите.

И, допивъ стаканъ, онъ налилъ еще чаю, потомъ подошелъ къ мѣшку и щедрой рукой насыпалъ себѣ сахару; послѣ этого, усѣвшись, Поповъ отрѣзалъ изрядную пластинку сала отъ лежавшаго передъ нимъ куска, положилъ ее на ломоть бѣлаго хлѣба и началъ ѣсть. Я слѣдилъ за нимъ голодными глазами и чувствовалъ, какъ во рту собирается слюна. Но предложить мнѣ чтонибудь Поповъ и Азіатъ, видимо, не собирались.

— Пили чай? — спросилъ меня Гродскій.

— Нѣтъ.

Онъ взялъ съ подоконника чистый стаканъ, налилъ чаю, вынулъ изъ кармана кусокъ хлѣба и половину отломилъ мнѣ.

— Чѣмъ хата богата, — сказалъ онъ.

Но мнѣ очень захотѣлось сахару: уже недѣли три, какъ я не пилъ и не ѣлъ ничего сладкаго.

— Можно взять сахару? — тихонько спросилъ я у Гродскаго.

— Попросите у каптенармуса, можетъ быть и разрѣшить.

Я обратился къ Попову.

— Я не знаю, — отвѣтилъ тотъ, — сахаръ, правда, есть. Но только этотъ сахаръ не мой, я его раздавать не могу. Кромѣ того, въ сахарѣ и такъ есть недостача.

Въ эту минуту вошелъ прапорщикъ изъ команды связи.

— А вамъ что? — спросилъ его Азіать.

— Хочу полушубокъ перемѣнить. Этотъ узокъ, въ плечахъ рѣжетъ. Можно?

— Спросите у каптенармуса, а мнѣ все равно.

— Каптенармусъ, разрѣшите? — обратился къ нему прапорщикъ.

— А чего вы раньше смотрѣли? Недѣлю проносили, полушубокъ хорошъ былъ, а теперь вдругъ негоднымъ сталъ...

— Да сразу то, вѣдь, не разберешь, и я его всего два раза надѣвалъ.

Ворча, Поповъ сталъ копаться въ кучѣ полушубковъ. Выбравъ оттуда одинъ пошире и поплоче, онъ подалъ его прапорщику. Тотъ сталъ примѣрять.

— А когда вы сахаръ будете раздавать? — спросилъ онъ Попова, — чего его тутъ коптите, для большевиковъ, что ли, бережете?

— А когда начальство прикажетъ, тогда и раздамъ. Берете что ли этотъ полушубокъ?

— Нѣтъ, дайте другой; этотъ слишкомъ большой. И кожа у васъ есть. Надо нашимъ сказать, у многихъ уже сапоги каши просятъ.

— Выбирайте и уходите, — заявилъ Поповъ, — а то времени у меня нѣтъ.

Около десяти я пошелъ въ Комедантское.

— И я пойду съ вами, — сказалъ Гродскій, — покажу, какъ подводы добываютъ.

Черезъ пять минутъ мы пришли въ Комендантское Управленіе. Въ дежурной комнатѣ уже сидѣло нѣсколько человѣкъ отъ разныхъ частей въ ожиданіи подводъ. Мы заняли очередь.

Ждать пришлось долго. Наконецъ часамъ къ одиннадцати къ подъѣзду подкатило семь или восемь крестьянскихъ дровней и двѣ ломовыхъ телѣги. Лошадьми правили стражники съ винтовками, а сами хозяева сидѣли сложа руки и такъ ругали стражниковъ, что было слышно черезъ двойныя рамы.

— Такъ что подводы готовы, — заявилъ дежурному офицеру появившійся стражникъ.

— Что-то запоздали сегодня съ ними, — отвѣтилъ тотъ.

— Народъ сталъ упрямый, Ваше Благородіе. Добромъ не возьмешь. Силкомъ волочить надо.

— Ваше Благородіе, явите божескую милость, — завопилъ влетѣвшій за стражникомъ мужиченко, — у меня дома жена въ тифѣ и дѣти малыя. А тутъ еще лошадь забираютъ.

— Не могу, — отвѣтилъ дежурный, — подводы нужны, а плакаться нечего: отпустятъ тебя къ вечеру.

— Да не отпустятъ... Одинъ разъ забрали меня съ лошадью: повезъ сначала снаряды подъ Вышгородъ, оттуда раненыхъ привезъ, затѣмъ долженъ былъ больныхъ на вокзалъ возить. Пять дней ушло. Ни копѣйки не заплатили, на свои же деньги лошадь кормилъ. До-

мой прїѣхалъ — жена больна, помочь некому. Отпустите ужъ меня, явите милость вашу.

И мужикъ бухнулся въ ноги. Но его все-таки не отпустили.

Намъ съ Гродскимъ досталась ломовая телѣга.

— Что надо будетъ дѣлать то? — спросилъ по дорогѣ возница, — за городъ потребуется ѣхать, ай нѣтъ?..

— На Печерскъ надо будетъ съѣздить, муку отвезти, только, — отвѣтилъ Гродскій, — у насъ работа небольшая.

— А день то рабочій все-таки пропадетъ. Позавчера я генералу Бредову вещи цѣлый день на вокзалъ возилъ — ничего не получилъ. Теперь вотъ на васъ работай, тоже, вѣдь, не заплатите.

— Да мы сами ничего не получаемъ...

— То-то и горе. А мнѣ, вѣдь, каждый день надо сто цѣлковыхъ — коня накормить. Какъ тутъ быть?

— У большевиковъ-то еще хуже, дядя...

— У большевиковъ, милъ человѣкъ, жизни совсѣмъ нѣтъ. У большевиковъ только убійство, да безобразіе. Надысь я вотъ возилъ офицера одного, такъ онъ мнѣ поразсказалъ, что вытворяли большевики на Донѣ. Захватили они какую-то станицу и священника въ ей зацапали. Такъ вотъ взяли они его, въ церковь привели и посерединѣ передъ аналоемъ поставили, а потомъ въ тую же церковь кобылу привели и попа съ той кобылой красный комиссаръ обвѣнчалъ...

— Ну-ну, — отозвались мы.

— Попу санъ осквернили, но все же жизнь ему оставили, а съ казаками такъ поступили: попривязали которыхъ изъ нихъ къ крыльямъ вѣтряковъ и пустили... Крылья вертятся, и казаки съ ними... Словъ нѣтъ — мягше у бѣлыхъ, но скажи на милость — вотъ генералъ Бредовъ не заплатилъ мнѣ — что онъ, не имѣлъ что-ли?...

Добра-то у него цѣлый поѣздъ складено, а мнѣ, мужику, ста цѣлковыхъ не заплатилъ...

— А можетъ онъ-то заплатилъ, да тебѣ не передали, — замѣтилъ Гродскій.

— И то можетъ быть, — отозвался возница.

Съ этого дня моей главной обязанностью явилось хожденіе въ Комендантское Управление за подводами. Кромѣ меня, отъ частей, расположенныхъ около Кіева, приходило за тѣмъ же самымъ еще человѣкъ двадцать, а въ иные дни и тридцать.

Для перевозки больныхъ, раненыхъ, снарядовъ, патроновъ, амуниціи и другихъ грузовъ требовалось множество лошадей. Государственной стражѣ приходилось дѣлать массу усилій, чтобы доставить хоть сколько-нибудь подводъ въ распоряженіе Комендантскаго Управленія, которое уже само распредѣляло ихъ между нуждающимися частями. Подводы не оплачивались; вмѣсто денегъ выдавалась записочка, что такой то подводчикъ въ такой то день былъ занятъ тамъ то. Но эта записочка не спасала ея владѣльца отъ вторичнаго захвата, если онъ снова появлялся въ полѣ зрѣнія Государственной стражи.

И, кромѣ того, разъ попавши въ военные грузовозы, человѣку было почти невозможно вырваться изъ заколдованнаго круга. Кругъ же состоялъ въ томъ, на примѣръ, что посылали крестьянина подвезти снаряды къ Вышгороду; на обратномъ пути имъ «*manu militari*» овладѣвали другія части и заставляли изъ Вышгорода проѣхаться съ ихъ грузомъ въ Фастовъ. Изъ Фастова съ какимъ-нибудь отрядомъ особаго назначенія мужикъ попадалъ въ Бѣлую Церковь, изъ Бѣлой Церкви въ Бердичевъ, изъ Бердичева въ Умань и т. д.

Это было движеніе съ сѣвера на югъ; было и обратное: мнѣ случалось имѣть дѣло съ крестьянами изъ подъ Тамбова и Воронежа. Кого имъ только не прихо-

дилось возить: и бѣлыхъ, и красныхъ, и петлюровцевъ, и махновцевъ... Хуже всего было то, что кормъ для лошади долженъ былъ доставать самъ хозяинъ. Кромѣ того, изъ словъ подводчиковъ невольно получалось впечатлѣніе, что равнодушнѣе другихъ къ судьбѣ крестьянъ и ихъ лошадей были бѣлые. Какъ ненавидѣли, поэтому, подводчики свою невольную повинность — говорить не приходится.

— У насъ было три лошади, господинъ хорошій, — говорилъ мнѣ хуторянинъ изъ подъ Екатеринослава, — сперва младшій сынъ поѣхалъ на Одессу, потомъ второго забрали куда то на Крымъ, а я вотъ въ Кіевѣ. И доберусь ли до своихъ и когда — одинъ Богъ знаетъ.

Понемногу моя служба въ цейхгаузѣ налаживалась. Она не была трудной: что-нибудь привезти, что-нибудь увезти, вотъ и все. Свободнаго времени у меня было много. И, сидя на подоконникѣ, я читалъ случайно попавшуюся французскую книгу и прислушивался, о чемъ разговаривали между собой Поповъ и Азіать. Оба были семейные и все время жаловались другъ другу на недостатки.

Особенно занималъ меня Поповъ, такъ какъ слабый тѣломъ и духомъ Азіать былъ только его эхомъ. Поповъ съ его жесткимъ лицомъ и метавшимися во всѣ стороны глазами представлялся мнѣ какъ бы сгусткомъ энергіи. Въ самомъ центрѣ этого сгустка — стояло его «я» — безгранично себялюбивое, отвратительное, всѣ силы котораго были направлены исключительно въ сторону обезпеченія собственнаго благополучія, какой бы то ни было цѣной. То, что поступало къ нему въ цейхгаузъ — становилось его собственностью. Онъ не могъ разстаться съ вещами, особенно со съѣдобными; а то, чего нельзя было съѣсть, какъ, напримѣръ, табакъ, набрюшники или башлыки, но что можно было продать и обратить въ средства существованія — крѣп-

ко приростало къ его сердцу. Онъ открыто дѣлалъ то, чего никогда не сдѣлалъ бы никакой воръ: на моихъ глазахъ онъ рѣзалъ кожу, наполнялъ сухарные мѣшки сахаромъ, масломъ, мукой, табакомъ, унося затѣмъ все это къ себѣ домой. Самые хорошіе валенки, бѣлье, брезентъ и все, что представляло хоть нѣкоторую цѣнность, забирала часто приходившая къ нему его жена. Для этой цѣли она надѣвала широко сшитое пальто изъ солдатскаго сукна. Она была ему хорошей помощницей и дѣлала иногда по нѣсколько рейсовъ въ день. Отсюда и происходили всѣ недостатки въ вещахъ, на которыя такъ любилъ жаловаться Поповъ.

Конечно, перепадало и Азіату отъ этихъ благъ; зато никто другой не могъ къ нимъ прикоснуться; за этимъ зорко слѣдили Поповъ съ Азіатомъ. Они никогда не покидали цейхгауза вмѣстѣ и по-очереди ночевали въ немъ.

При такомъ положеніи вещей, на всѣхъ приходившихъ за какой-нибудь получкой Поповъ смотрѣлъ, какъ на своихъ личныхъ враговъ.

Однажды, онъ распорядился разсортировать полушубки и тѣ, что получше, сложить въ чуланъ, ключъ отъ котораго онъ всегда носилъ съ собой, а что похуже — оставить. Въ этотъ же день отъ командира полка поступило приказаніе, выдать ординарцамъ валенки и полушубки покрѣпче и получше. Когда ординарцы пришли, Поповъ предложилъ имъ выбирать изъ оставшейся въ цейхгаузѣ кучи. И я видѣлъ, какъ, держа въ рукахъ расползающееся гнилье, Поповъ съ горящими глазами увѣрялъ, что это самое лучшее, что у него есть. И, несмотря на приказаніе командира, онъ выдалъ ординарцамъ самое худшее, что у него было.

Кромѣ всего остального, въ цейхгаузѣ имѣлось что то около 25 палатокъ и нѣсколько штукъ прекраснаго брезента. И дня черезъ два послѣ выдачи полу-

шубковъ ординарцамъ, Поповъ заявилъ, что Начальникъ Хозяйственной части приказалъ отдать палатки въ починку. Мастерская, по словамъ Попова, была уже имъ найдена; оставалось только свезти туда палатки и брезентъ для починки. Это было возложено на Гродскаго. Ударившіе спустя нѣсколько дней послѣ этого холода заставили меня самого подумать о полушубкѣ. Азіатъ предложилъ мнѣ такую дрянъ, что я отказался. Пошли выбирать въ чуланъ, изъ лучшихъ. Но, когда открыли двери, оказалось, что полушубковъ нѣтъ. Онъ смутился.

— Должны быть, въ другія роты отправили, — замѣтилъ Азіатъ.

Въ ту же минуту на насъ коршуномъ налетѣлъ запыхавшійся Поповъ.

— Чего вамъ надо, что вы тутъ ищете?

— Мнѣ нуженъ полушубокъ, — спокойно отвѣтилъ я.

— Полушубковъ тутъ нѣтъ. Выходите, надо запереть.

— Мнѣ нуженъ полушубокъ, — повторилъ я.

— Часть въ починку отвезли, часть въ другія роты отослали. Просили бы раньше.

Я рассказалъ про эту исторію Гродскому.

— Кланялись ваши полушубки, — отвѣтилъ онъ, — я ихъ вмѣстѣ съ палатками погрузилъ и отвезъ по приказу каптенармуса. Чинить ихъ тоже вздумалъ. Только починка то долго будетъ продолжаться...

Оказалось, что палатки, брезентъ и полушубки были отвезены прямо на квартиру Попова, и только небольшая часть для вида отдана въ мастерскую напротивъ.

Одно время намъ какъ будто представилась возможность получить англійское обмундированіе. Завѣдующій хозяйствомъ самъ видѣлъ нагруженные имъ

вагоны и, придя къ намъ, разсказаль Попову, гдѣ и какъ ихъ найти. Когда онъ ушелъ, каптенармусъ съ помощникомъ стали даже вычислять, что уже роздано въ носку и что, слѣдовательно, можно было бы не выдавать. Такъ какъ валенки и полушубки были уже многими получены, кой-какіе штаны и кителя имѣлись на каждомъ, то по ихъ расчетамъ выходило, что до весны можно было ограничиться выдачей фуражекъ и обмотокъ.

— А гдѣ будемъ хранить это обмундированіе? — уже безпокоился Поповъ, — надо будетъ у начальства другую комнату просить...

Однако, эта опасность благополучно миновала его: очевидно, другіе Поповы, калибромъ побольше, закатали вагоны туда, гдѣ ихъ никто не могъ найти, даже нашъ.

Однажды въ цейхгаузъ явился смиренный и весь ободраннй офицеръ. Онъ передалъ Попову записку отъ начальника хозяйственной части. Тотъ просилъ выдать ея подателю кожи на одну пару подметокъ. Эту записку Поповъ принялъ за личное оскорбленіе.

— Начальство можетъ писать все, что ему вздумается, — вскипѣлъ Поповъ, — толкомъ-то оно не знаетъ, что есть въ цейхгаузѣ и въ какомъ количествѣ. Если мы будемъ выдавать по его запискамъ, то у насъ въ теченіи недѣли ничего не останется.

— Полковника легко разжалобить, онъ такой добрый человѣкъ, — сокрушался Азіать.

Схвативъ записку, Поповъ побѣждалъ къ началству. Вернулся онъ минутъ черезъ пять, слегка разочарованный.

— Какъ же я вамъ отрѣжу? — перемѣнилъ онъ тонъ, — у меня такого остраго ножа нѣтъ. Приходите завтра.

Но на-завтра Поповъ и Азіать были чѣмъ-то заня-

ты и выдать кожи не могли. Отложили поэтому на послѣ-завтра.

Дѣло кончилось тѣмъ, что офицеръ захворалъ воспаленіемъ легкихъ и больше Попова не беспокоилъ.

Зато, когда пришла сестра жены Попова и стала жаловаться, что у нея протерлись подметки, Азіатъ уронилъ словечко:

— Можно бы дать кожи, дамская нога не велика.

— А, вѣдь, правда, — просвѣтлѣлъ каптенармусъ, и, за добрый совѣтъ женѣ Азіата за-одно тоже было отрѣзано на подметки.

Все это происходило на глазахъ у меня и у Гродскаго. Но что могли подѣлать мы, — инвалиды, которыхъ держали изъ милости? И куда было итти, къ кому обратиться? Кто сталъ бы насъ слушать, и гдѣ была гарантія, что мы не наткнулись бы на кого-нибудь, въ родѣ нашего каптенармуса. Къ тому же, мнѣ органически была невыносима роль доносителя, и Поповъ прекрасно понималъ это.

Раза три въ недѣлю мы получали хлѣбъ изъ полковой пекарни, находившейся на Печерскѣ. Я отправлялся туда съ подводой, обыкновенно, подъ вечеръ, и привозилъ 5-7 пудовъ бѣлаго, еще теплаго, хлѣба и сейчасъ же сдавалъ его въ цейхгаузъ. Раздачей завѣдывали Поповъ и Азіатъ. И тутъ они оставались вѣрны своимъ принципамъ.

Развѣшивая хлѣбъ на доли по два фунта, они всегда старались не довѣсить. Недовѣсъ на каждой долѣ доходилъ отъ четверти до полуфунта. Иногда особенно обиженные возвращались обратно и просили перевѣсить.

Это давало каптенармусу поводъ говорить о человеческой недобросовѣстности: уйдутъ, съѣдятъ, а потомъ жалуются на недовѣсъ.

Намъ съ Гродскимъ, какъ нестроевымъ, полагалось

получать лишь по одному фунту; такъ, по крайней мѣрѣ, завѣрялъ насъ Поповъ. И, можетъ быть, вслѣдствіе этого недовѣсъ нашихъ долей не превышалъ четверти фунта.

Оставшіеся короваи ночевали въ цейхгаузѣ вмѣстѣ съ Поповымъ. А утромъ, когда мы съ Гродскимъ являлись на службу, Поповъ былъ, а хлѣба не было.

Одного неполнаго фунта хлѣба мнѣ на два дня конечно не хватало. Изголодавшись, я началъ просто воровать: не доѣзжая до полка, я заходилъ въ знакомую лавочку и оставлялъ тамъ два хлѣба — одинъ для себя, другой для Гродскаго. А вечеромъ, идя со службы, мы забирали ихъ. Это было то, что насъ поддержало. Къ счастью, подъ конецъ ноября, намъ выдали по 500 руб. въ счетъ жалованія. Правда, половину пришлось сейчасъ же отдать за благотворительные обѣды, а рублей двѣсти, что остались въ карманѣ, постепенно разошлись, главнымъ образомъ, на пирожки и кофѣ.

Въ это голодное для многихъ время возникъ особый промыселъ. Отцы семействъ — бывшіе учителя, судейскіе, чиновники, отставные военные, разоренные коммерсанты — потерявъ надежду на заработокъ, начали ѣздить по деревнямъ и обмѣнивать оставшіеся еще самовары, шубы и платье на муку, масло и яйца. Изъ всего этого матери готовили пирожки разныхъ величинъ, на разныя цѣны, съ разными начинками. Затѣмъ изъ сподручнаго матеріала сколачивался лотокъ, а то и просто бралась корзина, туда складывались завернутые въ полотенце пирожки, а безработные члены семейства выходили на улицу сбывать свой товаръ. Весь Крещатикъ, съ утра до ночи, былъ переполненъ этими коммерсантами.

Особенно хороша была одна пара купцовъ: онъ и она. Онъ, ростомъ всего одинъ аршинъ съ шапкой, въ гимназической шинелькѣ; она — немного постарше, въ

коротенькой шубкѣ, изъ - подъ которой выглядывало коричневое гимназическое платьице. Ясными глазами они смотрѣли на божій свѣтъ и чистыми дѣтскими голосами предлагали прохожимъ свой товаръ.

У нихъ брали очень охотно. Но купецъ былъ изрядная рохля, путался въ сдачѣ, и отъ недоумѣнія у него часто выступали на глазахъ слезы. Тогда ему на помощь являлась сестра: она распутывала вопросъ о сдачѣ, серьезно благодарила покупателей, а за одно ужъ заботливо застегивала отстегнувшуюся на шинелькѣ пуговицу и прятала подъ башлыкъ порозовѣвшіе отъ холода братцевы уши. И, приведя костюмъ своего компаніона въ порядокъ, она сама принималась грѣть собственнымъ дыханіемъ тонкіе иззябшіе пальчики. И оба они, братъ и сестра, врядъ-ли имѣвшіе вмѣстѣ двадцать лѣтъ, походили на два нѣжныхъ цвѣтка, вдругъ выросшіе на холодной и скользкой кievской мостовой.

И, когда я смотрѣлъ на ихъ заботливо обвязанныя башлыками головы, черезъ паръ ихъ дыханія мерещилась ихъ мать, гдѣ то въ нетопленной комнатѣ поджидавшая возвращенія своихъ именитыхъ купцовъ.

Были и взрослые дѣвушки-продащицы. На обратномъ пути изъ цейхгауза я видѣлъ, какъ онѣ дежурили у подъѣздовъ освѣщенныхъ «кино», робкими голосами предлагая горячіе пирожки. Часто и очень часто, вмѣсто пирожковъ, у нихъ спрашивали что то другое; вспыхнувши, со слезами на глазахъ, поспѣшно отходили онѣ всторону.

Все вокругъ было ужасно и отвратительно: погода, туманы, пьяная толпа, ярко освѣщенные плакаты, мрачныя боковыя улицы, трещавшіе по всему городу ружейные выстрѣлы, далекіе отблески орудій. Но все-го страшнѣе казалась беззащитность этихъ робкихъ, застѣнчивыхъ и все же такихъ геройски - отважныхъ дѣвушекъ.

Иногда мы заходили съ Гродскимъ въ одну кофейную на Большой Владимирской. Владѣлицами ея являлись три дамы. У одной мужъ еще не вернулся изъ германскаго плѣна, у другой — пропадалъ гдѣ то въ Сибири, у третьей — на Кавказѣ. Мы выпивали тутъ по чашкѣ кофѣ съ кускомъ хлѣба, и вели разговоры о настоящемъ и о томъ, что готовить намъ будущее. Въ кофейной было свѣтло и тепло; пріятно было посидѣть и посмотреть на хорошія женскія лица. И брали съ насъ, вѣроятно, за нашъ потрепанный видъ, вдвое дешевле, чѣмъ съ другихъ. Но и это удовольствіе можно было позволить себѣ только изрѣдка.

Однажды, на нашихъ глазахъ, въ кофейной произошла такого рода исторія. Пришелъ офицеръ-корниловецъ и, подойдя къ прилавку, сталъ выбирать пирожные. Онъ уже былъ пьянъ, пошатывался, капризничалъ и говорилъ продавщицѣ непристойности. Въ этотъ моментъ вошелъ пожилой рабочій, постоянно бравшій здѣсь хлѣбъ. Когда онъ завертывалъ въ платокъ свою покупку, корниловецъ обернулся и увидѣлъ рабочаго.

— Ты почему не снимаешь шапки передъ корниловскимъ офицеромъ, грязная твоя образина?..

Рабочій что то отвѣтилъ, что именно, я не слышалъ. Въ отвѣтъ, корниловецъ размахнулся и ударилъ рабочаго по лицу, сбивъ съ него шапку. Всѣ ахнули. Бросились къ офицеру. Тотъ выхватилъ револьверъ и ушелъ.

Минуть черезъ пять, пришло двое другихъ корниловскихъ офицеровъ. Одна изъ хозяекъ рассказала имъ то, что произошло, и попросила, чтобы они убѣдили своихъ товарищей вести себя прилично. Офицеры переглянулись.

— Какъ онъ выглядѣлъ? — спросилъ одинъ изъ нихъ.

Имъ подробно описали наружность скандалиста.

— Мы знаемъ, кажется, всѣхъ нашихъ офицеровъ, находящихся въ Кіевѣ, но такого еще не встрѣчали.

— Но онъ былъ въ вашей формѣ...

— Это ничего не значитъ. На фронтѣ мы часто ловили большевиковъ въ офицерской формѣ.

Такъ и осталось невыясненнымъ, кто былъ этотъ корниловецъ.

Тѣмъ временемъ, дѣла моего квартирнаго хозяина шли все хуже и хуже. Изъ всей квартиры иногда протапливалась только столовая, такъ какъ отъ сырости тутъ буквально текло по стѣнамъ. Вода изъ водопровода шла чуть-чуть, а часто и совсѣмъ не текла. Электричество почти не горѣло; часа полтора свѣтились красноватыми ниточками угольки лампочекъ, а затѣмъ наступала кромѣшная тьма. Хлѣбъ, который я иногда приносилъ съ собой, былъ большой подмогой, но это случалось не каждый день; по большей части, я самъ приходилъ голодный. Въ этомъ случаѣ я шелъ прямо къ себѣ въ комнату, дѣлая видъ, что я сытъ и ѣсть не хочу.

Въ такое благополучіе упорно не вѣрила одна Анна Егоровна. Она сразу угадывала настоящее положеніе вещей. Подъ предлогомъ погрѣться, она звала меня въ кухню или же сама приходила ко мнѣ въ комнату, спрашивала, какъ и что говорятъ о большевикахъ, а уходя добавляла:

— А я у васъ тарелку оставляю, кое что отъ обѣда осталось, такъ я вамъ разогрѣла.

Многимъ я обязанъ этой семьѣ и особенно этой сердечной русской женщинѣ: тѣмъ, что живъ, тѣмъ что не сталъ грабителемъ или налетчикомъ. Уберегла она меня отъ послѣдняго шага, на который толкаютъ человѣка отчаяніе и голодъ.

Однажды къ хозяевамъ пришла невѣста атамана Струка; она жила недалеко отъ Кіева, но уже за большевицкимъ фронтомъ. Чтобы попасть въ городъ, она должна была сдѣлать крюкъ около двухсотъ верстъ. Она много поразказала о своихъ встрѣчахъ съ большевиками. Тѣ, хотя и знали, кто она, тронуть ее не смѣли, они слишкомъ боялись ея жениха. По дорогѣ одинъ еврей сообщилъ ей, что Кіевъ уже большевиками взятъ; а другой, въ другомъ селеніи, увѣрялъ ее, что Кіевъ будетъ взятъ 1 декабря.

У большевиковъ, по ея словамъ, никакого подъема не было. Крестьяне и сами красноармейцы втихомолку поносили совѣтскую власть. Удерживалъ всѣхъ лишь страхъ передъ комиссарами. Что дѣлалось на фронтѣ въ это время — никто не зналъ. Газетъ не читали: у однихъ не было денегъ, другіе событіями не интересовались; заботъ и безъ того было слишкомъ много.

Но на фронтахъ, несомнѣнно, происходило что то важное: уже со второй половины ноября, изъ-за Цѣпного моста, потянулись длинные обозы, направлявшіеся куда то къ югу. На улицахъ чаще стали появляться полураздѣтыя, больныя, смертельно усталыя фигуры.

Мимо нихъ равнодушно проходили другія фигуры, не имѣвшія, видимо, никакого отношенія къ арміи, но щеголявшія въ шнурованныхъ англійскихъ сапогахъ и перешитыхъ англійскихъ же шинеляхъ. Въ англійскомъ обмундированіи ходили не только мужчины, но и женщины. Это, очевидно, считалось особымъ шикомъ. Зато ни на одномъ изъ несчастныхъ и часто просившихъ подаванія солдатъ и офицеровъ съ фронта, я не видѣлъ ничего англійскаго.

И хотя грозныя событія неотвратимо надвигались на Кіевъ, городъ веселился, какъ никогда. Пестрыя громадныя афиши возвѣщали о безчисленныхъ балахъ, концертахъ, спектакляхъ. Всѣ театры и кино были на-

биты биткомъ. Всѣ словно торопились жить. Залы, гдѣ давались балы и концерты, снаружи и внутри были залиты огнями, а весь городъ пропадалъ во тьмѣ. Увеселенія кончались поздно: на афишахъ часто можно было прочесть — музыка до 5 часовъ утра. И деньги на этихъ балахъ швырялись буквально безъ счета.

Гнусное было время... О будущемъ старались не думать, никто не хотѣлъ видѣть того, что ожидаетъ его впереди.

И все таки за это время у насъ были нѣкоторые успѣхи: двѣ или три роты нашего полка, съ ничтожными потерями, выбили большевиковъ изъ ихъ позицій у Вышгорода.

Потомъ, со стороны Фастова, изъ мѣстности, называемой Сорочій бродъ, къ намъ привели 43 красноармейца. Это была большевицкая застава, цѣликомъ перешедшая на сторону добровольцевъ. Одѣты были красноармейцы въ свое собственное платье, съ теченіемъ времени превратившееся въ настоящія лохмотья. Сапогъ никто изъ нихъ не имѣлъ, нѣкоторые были обуты въ лапти, а у большинства ноги были завернуты въ тряпки. У многихъ дырявые полушубки и армяки были одѣты прямо на голое тѣло. Ихъ всѣхъ записали въ нашу роту. Первое время они дичились «золотопогонниковъ» и «бѣлогвардейцевъ» и чувствовали себя неловко, но потомъ стали разговорчивѣе и откровеннѣе. У большевиковъ имъ было очень плохо, приходилось голодать и холодать.

— А главное, свободы никакой нѣтъ, — говорилъ самый общительный изъ нихъ, — все время чуешь, какъ за тобой слѣдятъ, слова лишняго проронить нельзя. Комиссары же, что псы лютые: чуть что, сейчасъ же за револьверъ хватаются. И силы у большевиковъ никакой нѣтъ: сдѣлать только нажимъ покрѣпче, сразу покатыт-

ся. Потомъ въ деревняхъ ихъ шибко ненавидятъ за то, что скотъ и хлѣбъ отбираютъ..

Иногда, чтобы отвести душу, я заходилъ къ Помогайлову. Послѣ долгихъ поисковъ ему наконецъ удалось найти въ Липкахъ, недалеко отъ полка, пустую квартиру, съ цѣлыми окнами. Если мнѣ приходилось плохо, то ему съ семьей было еще хуже. Выручалъ его братъ жены, служившій шоферомъ у генерала Бредова. Каждый день онъ приносилъ шурину обѣдъ въ двухъ ведрахъ: въ одномъ супъ, въ другомъ кашу или макароны. Ходилъ въ караулы Помогайловъ такъ же часто, какъ и раньше. Кончилось это тѣмъ, что однажды вечеромъ онъ почувствовалъ сильную боль въ головѣ и общее недомоганіе. У него оказался сыпной тифъ. А черезъ день у насъ въ домѣ слегла, послѣ поѣздки за мукой въ деревню, младшая сестра хозяина Софья Егоровна. Она захворала возвратнымъ тифомъ.

Въ этихъ больныхъ большое участіе приняла сестра милосердія, служившая въ полковомъ околоткѣ. Въ одинъ день она успѣла побывать у обоихъ. Успокоила встревоженную жену Помогайлова и ободрила Софью Егоровну.

А такъ какъ случай съ Помогайловымъ не былъ еще достаточно выясненъ, сестра пригласила къ нему извѣстнаго кievскаго профессора. Старикъ внимательно осмотрѣлъ больного и подтвердилъ діагнозъ полкового врача. Было поздно, и я рѣшилъ проводить профессора, жившаго довольно далеко отъ квартиры Помогайлова. На небѣ свѣтила луна; слегка морозило; подъ ногами хрустѣлъ ледокъ. Отовсюду неся трескъ винтовочныхъ выстрѣловъ. Въ молчаніи, мы подошли къ улицѣ, круто спускавшейся внизъ. Вдали передъ нами блеснули золотые купола; слѣва темнѣлись крыши домовъ, справа, за обрывомъ бѣлѣлась равнина и темная лента Днѣпра.

Профессоръ остановился и оглядѣлся вокругъ. Мнѣ показалось, что на его глазахъ блеснули слезы.

— Гдѣ то я читалъ, — началъ онъ, — что красота — это тотъ даръ, за который безпощадно взыскиваетъ природа. И, когда я гляжу на свой родной Кіевъ, мнѣ думается, что эти слова — сама истина, нелѣпая, жестокая, но истина. Посмотрите, какая красота вездѣ. Недаромъ Андрей Первозванный, какъ говорить преданіе, присталъ къ этимъ берегамъ. А русскую исторію вы еще не забыли? Вѣдь только семь мѣсяцевъ княжилъ въ Кіевѣ Всеславъ Полоцкій, а помнилъ его всю жизнь. Услышитъ въ Полоцкѣ: «позвониша заутреню рано у святыхъ Софеи, а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша». Горько плакалъ изгнанный изъ Кіева племянниками князь Юрій Долгорукій. А сколько крови пролилось здѣсь.. Въ 1169 году городъ былъ взятъ Андреемъ Боголюбскимъ, и Ипатьевская лѣтопись такъ отмѣтила это событіе: «были тогда въ Кіевѣ на всѣхъ людяхъ стонъ и туга, скорбь неутѣшная и слезы непрестанныя... створися великое зло въ Рустѣй землѣ, якого же не было отъ крещенія надъ Кіевомъ... городъ пожгли, грабиша Подолье и Гору и монастыри, и Софею, и Десятинную Богородицу и не бысть милованія никому же, церкви обнажиша иконами и книгами и ризами и колокола изнесоша вси...» Черезъ тридцать лѣтъ Кіевъ берутъ половцы со своимъ союзникомъ, Рюрикомъ Ростиславовичемъ; онъ ничего не находитъ лучшаго, какъ поджечь Кіевъ... И, все таки, городъ не теряетъ своего обаянія. Всѣ князья стремятся имъ овладѣть, и подъ 1236 годомъ лѣтописецъ сообщаетъ, что «князи мнози на Кіевѣ въ семь лѣтъ». Да, князья ссорились, дрались, а въ это время «встона бо Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми... печаль жирна утече среди земли Русскыи, а князи сами на себе крамолу коваху. А поганіи сами побѣдами нарищуще за Русскую землю...». И явились татары. «Взяша Кыевъ

и святую Софею разграбиша и монастыри вси и иконы и кресты взяша, а люди отъ мала до велика вся убиша мечемъ...». Городъ такъ пострадалъ, что князь Михайлъ, вернувшись черезъ полгода послѣ нашествія, не нашель возможнымъ поселиться въ немъ и «живуще подъ Кіевомъ на островѣ». И съ конца 14-го по конецъ 15-го столѣтія было три губительныхъ татарскихъ нашествія. «Кіевъ и Печерскій монастырь съ землей соровна и Кіевъ погуби красоту свою», говоритъ лѣтописецъ. И до такой степени дошло запустѣніе, что никто не хотѣлъ жить въ городѣ, а на крышѣ святой Софіи деревья росли.

Профессоръ на минуту замолчалъ. Потомъ, показавъ на темнѣвшіе вдали купола, онъ снова продолжалъ.

— Вотъ вамъ святая Софія. Это — остановившееся время, окаменѣвшая исторія. Ей безъ малаго девять вѣковъ. Сперва она — любимое дѣтище Ярослава Мудраго, того самого князя, который первый, кажется, въ мірѣ уничтожилъ смертную казнь. Въ 1036 году онъ подъ Кіевомъ побѣду надъ печенѣгами одержалъ, а въ 1037 году на этомъ мѣстѣ имъ была заложена святая Софія. «И съ ступишася на мѣстѣ, гдѣ же есть нынѣ святая Софія, бѣ бо тогда поле внѣ града и бысть сѣча зла и едва одолѣ къ вечеру Ярославъ». Ничего не жалѣлъ на украшеніе церкви Ярославъ, нарочно мастеровъ изъ Византіи выписалъ. И, видно, храмъ вышелъ на славу. Недаромъ митрополитъ Иларіонъ писалъ о новомъ соборѣ: «украшеніе граду, яко церковь дивна и славна всѣмъ окружающимъ странамъ, яко же и на не обрящется во всемъ полунощи земнымъ...». Большое участіе принимала святая Софія въ жизни тогдашней Руси. Пламенный былъ періодъ: свобода, безстрашіе; вмѣсто клятвы — «да будетъ мнѣ стыдно». И хоть ссорились между собой князья, а все-же любили свою землю: «любо налѣзти себѣ славы, любо голову сложити, за зем-

лю русскую». Здѣсь, въ этихъ мѣстахъ была пропѣта истинная пѣсня изъ пѣсней — «Слово о полку Игоревѣ...». Татары щадили святую Софію за ея красоту. И знаете, кто не пощадилъ ея? Христіане, уніаты, науськанные поляками-католиками. Они мозаику со стѣнъ со-скабливали и всѣ мраморныя плиты увезли. И когда Петръ Могила отобралъ у нихъ церковь, она была въ самомъ жалкомъ состояніи: «безъ кровна, украшенія внутренняго и внѣшняго, св. иконъ, св. сосудовъ и св. одеждъ ни единого не имущая». И у остальныхъ кievскихъ церквей почти такая же исторія — татары, уніаты, католики. Не знаю, какой городъ и какія церкви страдали больше, чѣмъ Кіевъ и его храмы. А наша церковь для меня, дѣйствительно, мать. Пусть у ея дѣтей въ рукахъ наука. Но наука, какая бы она ни была, не будетъ взывать «о мирѣ всего міра», «о спасеніи путешествующихъ, недугующихъ, плѣненныхъ». Въ Софiевскомъ соборѣ, на алтарномъ абсидѣ, находится изображение Пречистой Дѣвы. Она одна, безъ Младенца. И это изображение народъ прозвалъ «Стѣной Нерушимой». Какъ говоритъ апокрифъ, Пречистая ходила по землѣ, видѣла муки людскія и прониклась ими. И, поднявъ руки къ небу, она воззвала къ Богу: «Господи, Творецъ небу и земли!.. Помилуй міръ свой... Видѣла я муки великія и не могу ихъ терпѣть»...

ГЛАВА IX.

Былъ скверный день: солнце не показывалось, висѣлъ туманъ, подъ ногами, какъ мармеладъ, расплзлся талый снѣгъ. Я возвращался изъ сапожной мастерской, помѣщавшейся въ Михайловскомъ монастырѣ.

Полковникъ, завѣдывавшій мастерской, въ отвѣтъ на мою просьбу сдѣлать мнѣ новые сапоги или, по крайней мѣрѣ, починить старые, отвѣтилъ, что они дѣлаютъ все, что угодно, но лишь за деньги. Я не спѣша шелъ по улицѣ и отъ нечего дѣлать глядѣлъ, какъ брызжутъ водяные фонтаны изъ дыръ въ сапогахъ. По пути мнѣ надо было еще зайти въ Акцизное Управление, съ порученіемъ отъ начальника хозяйственной части исхлопотать возможно болѣе сахару. Выйдя на Софіїевскую площадь, я остановился, отыскивая нужную мнѣ улицу.

Въ этотъ моментъ плавно прокатился заглушенный влажнымъ тяжелымъ воздухомъ пушечный выстрѣлъ. Потомъ второй, третій. Я вздрогнулъ. Вздрогнули и остановились проходившіе около человѣкъ въ бекешѣ и дама въ плюшевой старомодной ротондѣ. Стрѣляли несомнѣнно съ нашего, съ кіевскаго берега. Мы втроемъ стояли, молчали и переглядывались. Быстро фхавшій по площади извозчикъ, полуобернувшись къ своему сѣдоку, громко прокричалъ:

— Извѣстно, что... Большевики пришли...

Наступило жуткое время. Густые туманы и сырость только увеличивали подавленное настроеніе и неувѣренность. Люди на улицахъ мало говорили, а больше слушали и прислушивались. Всѣ боялись пропустить благопріятный моментъ для бѣгства. Октябрьскія событія были еще свѣжи въ памяти у каждого, и никакимъ заявленіямъ и обѣщаніямъ властей больше никто не вѣрилъ.

На этотъ разъ большевики подошли къ Кіеву съ Черниговскаго берега, со стороны Цѣпного моста. Артиллеріи у нихъ было, очевидно, мало. Во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ у добровольцевъ. Какъ мнѣ пришлось отъ кого то слышать, на кіевскомъ берегу у добровольцевъ находилось 94 полевыхъ орудія, на неболь-

шомъ разстояніи отъ Купеческаго сада до Никольскихъ воротъ. Съ такой силой большевики не рѣшались вступать въ открытое состязаніе.

Но пѣхоты зато у добровольцевъ было очень мало.

Защищали Кіевъ Струкъ со своимъ отрядомъ и нашъ полкъ. Струкъ дѣйствовалъ около Подола, а наша первая рота охраняла Цѣпной мостъ. Были ли еще войска и, если были, то гдѣ они находились, никто не зналъ. Но всѣ чувствовали, что защитниковъ слишкомъ мало. Одно время ходили слухи о какихъ то подкрѣпленіяхъ, присланныхъ барономъ Шиллингомъ изъ Одессы; нѣкоторые даже увѣряли, что они собственными глазами видѣли пришедшіе эшелоны на вокзалѣ. Что касается меня, этихъ эшелоновъ мнѣ увидѣть не удалось. Правда, къ намъ въ цейхгаузъ, въ поискахъ патроновъ для своей японской винтовки, зашелъ однажды молодой офицеръ изъ Симферопольскаго отряда. Азіатъ сталъ разспрашивать его. Но офицеръ ни о какихъ подкрѣпленіяхъ ничего не зналъ: онъ былъ въ Кіевѣ полтора мѣсяца въ отпуску и собирался ѣхать на югъ.

Потомъ слухи о помощи замерли. Поползли другіе, болѣе непріятные: именно, что въ самомъ Кіевѣ находится, какъ будто, два баталіона прекрасно вооруженныхъ коммунистовъ, которые ждали только удобнаго случая для выступленія.

Тревожное состояніе еще больше усиливалось эпидеміей преступленій. Убіиства стали обыкновеннымъ явленіемъ. Рано утромъ Анна Егоровна нашла у нашихъ воротъ трупъ не то японца, не то китайца. Откуда взялся этотъ монголъ, кто его убилъ, почему — все это осталось неизвѣстнымъ. А сколько всего поднимали убитыхъ по всему Кіеву — никто не считалъ. Обыкновенно на разсвѣтъ Государственная стража высылала телѣгу, которая подбирала валявшіяся всюду тѣла и куда то

ихъ отвозила. Тѣмъ дѣло и кончалось. Никакихъ слѣдствій и дознаній не производилось.

Страшно стало жить. Приходилось ходить и оглядываться каждую минуту.

Изъ этого времени мнѣ запомнилась одна взволновавшая меня встрѣча. Мы съ Гродскимъ возвращались съ мельницы Бродскаго. Немного позади за нами ѣхали двуколки, нагруженные мѣшками съ мукой. Дорога была тяжелая; неподкованныя лошади скользили по слегка замерзшей мостовой. Какой то человѣкъ въ черномъ пальто съ бобровымъ воротникомъ шелъ впереди насъ и, услышавъ за собой шаги, обернулся. Увидѣвъ Гродскаго и меня, онъ ускорилъ шаги и свернулъ въ первую боковую улицу. Но мнѣ показалось, что я гдѣ то видѣлъ эти тусклые глаза и это пальто съ бобровымъ воротникомъ. Но гдѣ? Я шелъ и раздумывалъ. Поскользнувшаяся снова лошадь перебила мои мысли. И только вечеромъ, засыпая, совсѣмъ неожиданно я вдругъ припомнилъ яркій зимній день и базарную площадь. Около крестьянскихъ возовъ стоитъ человѣкъ съ тусклыми глазами и сѣрымъ лицомъ. На человѣкѣ черное пальто съ бобровымъ воротникомъ. Мой пріятель потихоньку говоритъ: — «это предсѣдатель Тауцкой чеки. На немъ пальто убитаго имъ помѣщика».

Днемъ въ общемъ было спокойно, но ночи иногда проходили очень бурно: пользуясь темнотой, большевики дѣлали какія то передвиженія, на что добровольцы отвѣчали громомъ многочисленныхъ орудій. Какъ говорили наши артиллеристы, вся лежавшая внизу мѣстность была раздѣлена на участки, и при всякой оттуда вспышкѣ, при малѣйшемъ подозрѣніи, все подвергалось сильному обстрѣлу. Спрятаться большевикамъ было очень трудно. Но они все таки ухитрились скрыть гдѣ то одно орудіе и изрѣдка стрѣляли изъ него по нашему зданію. Потомъ, тоже неизвѣстно откуда, они об-

стрѣливали Печерскъ и Московскій спускъ. Большого вреда ихъ снаряды не дѣлали, но мирное населеніе жило въ напряженномъ состояніи. Особенно обстрѣливалась дорога, по которой надо было ѣздить въ пекарню за хлѣбомъ. Чаше всего снаряды ложились въ самой низкой ея части, тутъ съ каждымъ днемъ увеличивалось число ямъ отъ гранатъ. Но, къ счастью, большевики стрѣляли только ночью. Наша пекарня получила два снаряда; по счастливой случайности они не разорвались и ушли въ землю, сдѣлавъ только пробоины въ трубѣ и крышѣ.

Начали поговаривать, что Кіевъ падетъ. Особенно были увѣрены въ этомъ евреи; они даже называли день паденія, 1 декабря. Пошла паника. Жители бросились на вокзалъ, но поѣздовъ было мало; разрѣшенія на выѣздъ выдавались туго; лица, которыя, благодаря знакомствамъ или деньгамъ, имѣли возможность отправиться куда нибудь на югъ, должны были долго ожидать своей очереди. А немногочисленные путешественники, прибывавшіе съ юга, рассказывали, что повстанческія банды останавливаютъ поѣзда, грабятъ и убиваютъ пассажировъ, не считаясь съ ихъ политическими взглядами. И ѣхали въ товарныхъ вагонахъ, по три-четыре недѣли отъ Одессы до Кіева, въ холодѣ и въ грязи, добывая собственными силами паровозы и дрова.

Ночевать приходилось мнѣ въ полку: въ случаѣ какой-нибудь неожиданности лучше ужъ было раздѣлить общую участь. Но иногда, когда вечеръ былъ тихъ, а артиллерія молчала, я шелъ къ себѣ. Отворяла мнѣ обыкновенно Анна Егоровна; она же и кормила меня чѣмъ-нибудь. Я передавалъ ей новости, какія только имѣлъ, и мы, понизивъ голоса, говорили при свѣтѣ сырого полѣна, стараясь не разбудить больную сестру ея, лежавшую въ сосѣдней комнатѣ. По словамъ моей собесѣдницы, добровольческія деньги принимались на ба-

зарѣ неохотно, а евреи-торговцы требовали въ уплату «постоянныхъ» денегъ, подразумѣвая подъ ними совѣтскія.

— Мы съ братомъ не знаемъ, что дѣлать: тутъ ли оставаться, или въ Польшу ѣхать, — говорила однажды поздно ночью Анна Егоровна. Въ Польшѣ тоже несладко. Нашъ хуторъ сожженъ, къ православнымъ поляки, какъ къ собакамъ, относятся. Даже церкви русскія заперты и въ аренду отданы. Если кто хочетъ службу отправить, долженъ платить за это арендатору. Нашей матери это прямо ножъ въ сердце — религіозная она у насъ, и потомъ, какъ намъ съ мѣста сдвинуться — у сестры 40°, а матери вѣдь за шестьдесятъ?

Это время какъ разъ совпало съ самымъ тяжелымъ періодомъ болѣзни Помогайлова. Наша сестра милосерія заходила къ нему каждый день. Онъ лежалъ и могъ связно говорить; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ничего не понималъ и не отличалъ сестры отъ люстры; когда сестра вспрыскивала ему камфору, Помогайловъ съ дѣтскимъ любопытствомъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, не понимая, что она дѣлаетъ.

Захворала также и жена Помогайлова — у нея появилась рожа. Сестрѣ пришлось очень много работать; она ухаживала за больными, мыла дѣтей, занималась съ ними, готовила пищу, прибирала комнату. Она попыталась также пристроить обоихъ больныхъ въ госпиталь, гдѣ у нея были знакомые врачи, и даже возила ихъ туда. Къ несчастью, больныхъ не приняли: не было ни одного свободнаго мѣста. А родные — социалисты, большевики настроенные, — которымъ сестра сообщила о болѣзни Помогайловыхъ, жены и мужа, отвѣтили, что на нихъ рассчитывать нечего, и даже на время не пожелали взять къ себѣ дѣтей. Такимъ образомъ, несмотря на всѣ старанія сестры, обѣ дѣвочки, 6 и 8 лѣтъ, должны

были находиться все время въ одной комнатѣ съ заболѣвшими родителями.

А каждый вечеръ пушки гремѣли все чаще и дольше. Къ полевымъ орудіямъ присоединились двѣ шестидюймовыхъ англійскихъ мортиры. Мортиры били со страшнымъ грохотомъ, и отъ звука ихъ выстрѣловъ стекла лопались, какъ мыльные пузыри.

За одну ночь, по словамъ нашихъ артиллеристовъ, ими было выпущено около 2000 снарядовъ.

Большевики пытались перейти Днѣпръ, но эта затѣя имъ не удалась — ихъ прогнали, и многихъ потопили. Тѣмъ болѣе жутко становилось по ночамъ, когда надъ городомъ клубился сѣрый густой туманъ. Благодаря ему, большевики могли незамѣтно пробраться въ Кіевъ. А морозы, чередовавшіеся съ оттепелью, понемногу, но неодолимо сближали оба противоположные берега.

Всѣ уже оставались ночевать въ полку — не только офицеры, но и полковые машинистки. Одна изъ нихъ приходила съ ручнымъ чемоданчикомъ и пишущей машинкой въ металлическомъ чехлѣ. Это было все ея достояніе. Въ чемоданчикѣ хранилось одѣяло, а чехолъ служилъ ей изголовьемъ. Спали, кто гдѣ могъ устроиться — на лавкахъ, на столахъ, на стульяхъ, на тюфякахъ.

Днемъ, второго декабря, наша рота, охранявшая Цѣпной мостъ, подъ прикрытіемъ броневого автомобиля перешла на черниговскій берегъ и, взявъ 4 плѣнныхъ и одинъ пулеметъ, безъ потерь вернулась обратно. Въ этотъ же день, вечеромъ, выйдя изъ канцеляріи хозяйственной части, я увидѣлъ въ вестибюлѣ высокаго генерала, окруженнаго толпой. Это былъ, если не ошибаюсь, баронъ Штакельбергъ, начальникъ гвардейской дивизіи. Я подошелъ поближе.

Генералъ рассказывалъ, что одинъ изъ рабочихъ съ завода Греттерса ходилъ на ту сторону въ развѣдку

и донесъ, что тамъ находятся два большевицкихъ полка: одинъ — русскій, а другой, какъ будто бы, еврейскій. Настроение совѣтскихъ войскъ было подавленное; они очень боялись добровольческой артиллеріи, а особенно англійскихъ шестидюймовокъ. Но сколько было у большевиковъ артиллеріи и гдѣ она была поставлена — развѣдчику узнать не удалось. По его словамъ, стоило только немного нажать, и большевики побѣжали бы, сломя голову.

Все это вполне сходилось со словами захваченныхъ днемъ плѣнныхъ.

Толпа молча слушала генерала. Но, несмотря на ободрительныя донесенія, никто, видимо, не вѣрилъ въ возможность спасенія Кіева. Генераль скоро ушелъ. Всѣ стали располагаться на ночлегъ.

Уже глубокой ночью, когда всѣ спали, а я, сидя у камина, подбрасывалъ отъ времени до времени въ огонь доски, за окномъ вдругъ сверкнулъ синій свѣтъ, раздался грохотъ, и посыпались стекла. Писарь, спавшій на столѣ, плавно проѣхался отъ напора воздушной волны черезъ весь столъ и упалъ на полъ. Всѣ вскочили, не понимая, въ чемъ дѣло. Оказалось, что разорвалась граната, попавшая въ дерево, что стояло въ саду въ пяти шагахъ отъ окна.

Послѣ первой послѣдовала вторая граната, потомъ третья, четвертая. Къ счастью, онѣ рвались дальше. Затѣмъ наступило затишье, и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ даже снова задремали. Но вотъ на разсвѣтѣ снова раздался страшный разрывъ: шестидюймовка угодила въ домъ напротивъ и отвалила громадный кусокъ стѣны. Какъ воробы, защелкали шрапнели. Со звономъ покатались стекла. Къ счастью, ни одинъ снарядъ не попалъ въ самый дворецъ. Всѣ, кто былъ внутри, бросились искать болѣе надежнаго убѣжища и столпились въ коридоръ нижняго этажа.

Черезъ часъ, приблизительно, стрѣльба прекратилась. Я вышелъ на улицу посмотреть на дѣйствіе снарядовъ. Въ самомъ дворцѣ не уцѣлѣло ни одного стекла. Нѣсколько деревьевъ было разбито вдребезги. Осколки стеколъ и срѣзанныя снарядами вѣтви мѣшали ходить по тротуару. А день былъ ясный, немного морозный, солнечный.

Воспользовавшись отсутствіемъ каптенармуса, который, нагрузивъ себя и свою жену узелками, отправился на полчаса домой, я выбралъ въ цейхгаузѣ полушубокъ и пару валенокъ получше и покрѣпче, и тутъ же надѣлъ ихъ на себя.

Что меня побудило это сдѣлать, — я и самъ не отдавалъ себѣ отчета. Мной руководило что то подсознательное, какимъ то образомъ освѣдомленное о томъ, что мнѣ предстояло.

Всѣ ходили встревоженные и не знали, что дѣлать.

Командира полка и начальника штаба не было: эту ночь они ночевали дома. Послали за ними. Вернулся каптенармусъ. Увидѣвъ меня, онъ раскричался, что я хожу безъ дѣла, и приказалъ отправиться въ пекарню за хлѣбомъ. Я удивился — хлѣбъ всегда привозился вечеромъ. И потомъ, ѣхать на Печерскъ, когда никто не зналъ, что тамъ дѣлается, и, можетъ быть, попасть въ большевицкія лапы я, конечно, не хотѣлъ. Но каптенармусъ велѣлъ запретъ лошадей и подать ее къ подъѣзду, а самъ побѣждалъ жаловаться на меня начальнику хозяйственной части.

Тотъ призвалъ меня къ себѣ и, въ присутствіи каптенармуса, прочелъ мнѣ длинное наставленіе.

— Господинъ полковникъ, — отвѣтилъ я, когда начальство наконецъ замолчало, — мы никогда не ѣздили за хлѣбомъ утромъ. Потомъ на Печерскѣ, можетъ быть, уже хозяйничаютъ мѣстные большевики. Если есть спѣшка въ полученіи хлѣба, то лучше послать за

нимъ людей здоровыхъ, которые могли бы и погрузить его, и отстрѣляться, въ случаѣ надобности...

Полковникъ подумалъ и приказалъ отправиться за хлѣбомъ самому каптенармусу и его помощнику.

Каптенармусъ отъ такого оборота вещей позеленѣлъ. Когда мы съ нимъ вышли отъ полковника, онъ заторопился и куда то скрылся, а я пошелъ въ цейхгаузъ. Черезъ четверть часа онъ вернулся съ озабоченнымъ видомъ и заявилъ, что полковникъ перемѣнилъ свое распоряженіе и приказалъ ѣхать за хлѣбомъ, все таки, мнѣ. Я посмотрѣлъ на Попова: ясно было, что онъ вралъ, но эта комедія мнѣ уже надоѣла и, кромѣ того, обращаться снова къ полковнику мнѣ не хотѣлось.

Мы съ конюхомъ сѣли на двуколку и отправились. День былъ веселый, солнечный, радостный, чуть пощипывалъ морозъ; но мнѣ въ валенкахъ и въ шинели, поверхъ полушубка, было совсѣмъ хорошо. До Печерска мы добрались вполне благополучно и, остановившись у пекарни, стали грузить еще горячій хлѣбъ. Отъ Лавры шла масса народу, но, занятые своимъ дѣломъ, мы сначала не обращали на это вниманія. Не успѣли мы погрузить и половины мѣшковъ, какъ мимо насъ, таща на веревочкѣ пулеметъ, прошли два солдатика въ сѣрыхъ потертыхъ шинеляхъ. Нѣсколько словъ, долетѣвшихъ изъ ихъ разговора, заставили насъ всѣхъ невольно встрепенуться. Завѣдующій пекарней, помогавшій таскать мѣшки, подозвалъ солдатъ и спросилъ ихъ.

Оказалось, что ихъ полкъ отступалъ. Ночью, ниже Кіева, большевики перешли Днѣпръ и уже заняли окраину Печерска. Дѣйствительно, вдали, на бѣломъ снѣгу, виднѣлись расходившіяся въ ширину черныя точки. Это были уже красноармейскія цѣпи. До нихъ было около 1500 шаговъ. Каждую секунду они могли открыть огонь. Нельзя было тратить ни минуты. Бросивъ грузить, мы поѣхали въ полкъ; не успѣли сдѣлать мы и

двухсотъ шаговъ, какъ большая толпа изъ поперечной улочки загородила намъ дорогу. Неожиданно я услышалъ мою фамилію. Окликалъ меня одинъ изъ офицеровъ нашего полка, смѣлый, отважный развѣдчикъ. Онъ сообщилъ, что дорога въ полкъ занята большевиками и самое лучшее ждать роту на Крещатикѣ.

— А лошадь мы съ конюхомъ проведемъ болѣе положимъ спускомъ, мнѣ тутъ всѣ дорожки извѣстны, вамъ же лучше прямикомъ бѣжать.

Пришлось повернуть. Двуколка отправилась по боковой дорогѣ. Мы же съ завѣдующимъ пекарней въ одинъ мигъ слетѣли по Собачьей тропѣ въ какой то оврагъ, потомъ послѣ получасового плутанія по лабиринту тропинокъ и улочекъ вышли на уголъ Крещатика и Бибиковского бульвара. Тутъ мы остановились и стали размышлять, что дѣлать дальше. Мой случайный компаньонъ рѣшилъ сходить за свояченицей и сыномъ, которые жили невдалекѣ. Онъ ушелъ, а я остался ждать нашу роту. Всѣ магазины, лавки и ларьки были закрыты. Жители, густой толпой стоявшіе на базарѣ безъ торговцевъ, съ тревожнымъ недоумѣніемъ смотрѣли на выползавшіе отовсюду и ѣхавшіе вверхъ по бульвару обозы. Много было обозовъ; всѣ лошади были худыя и тощія; онѣ часто скользили и падали, возницы нещадно били ихъ и бѣдныя животныя поднимались съ тяжелымъ вздохомъ и дрожа, какъ въ лихорадкѣ, снова принимались тянуть непосильную кладь.

Вспомнился мнѣ Помогайловъ, лежавшій безъ памяти, и его больная жена. Что сдѣлаютъ съ нимъ и съ его семьей большевики?

Припомнился и каптенармусъ: все, что было въ цейхгаузѣ — сало, сахаръ, кожа, бѣлье, табакъ, все это достанется, если уже не досталось, большевикамъ. Все, что украдено имъ — никому не будетъ извѣстно. И бродившее раньше смутное подозрѣніе, что Поповъ —

большевицкій агентъ, въ эту минуту превратилось почти въ абсолютную увѣренность.

Эта мысль какъ то все поставила на свое мѣсто. Онъ дѣлалъ свое дѣло; дѣлалъ открыто, не стѣняясь; глупы были тѣ, которые то-ли не замѣчали, то-ли не понимали этого.

Спокойствіе вернулось ко мнѣ. Я осмотрѣлъ всѣ свои карманы. Въ бумажникѣ лежала метрика, два освобожденія отъ военной службы — большевицкое и добровольческое, и пять рублей денкинскими деньгами. Кромѣ того, въ одномъ изъ кармановъ валялся грязный носовой платокъ.

Это было все. Шевельнулось было искушеніе — пойти на квартиру и захватить смѣну чистаго бѣлья, мыло и полотенце. Но я не рискнулъ; на это надо было потратить съ часть, а за это время, Богъ знаетъ, что могло случиться.

Проѣхала мимо двуколка нашего полка съ имуществомъ команды связи. Везла повозку сама команда: четыре человѣка тащили ее за оглобли, а другіе подталкивали сзади. Кто то изъ людей-лошадей сообщилъ, что перестрѣлка идетъ уже у самаго дворца, и они подъ пулями вывезли свое достояніе; мнѣ предложили отправиться съ ними; я отказался, — мнѣ хотѣлось присоединиться къ нашей ротѣ, гдѣ у меня было много знакомыхъ.

Вмѣстѣ съ войсками уходили жители занятыхъ уже окраинъ. Виднѣлись рабочіе, чиновники, торговцы, пожилые и молодые. Мужчины тащили узлы и чемоданы, женщины вели дѣтей. Одну совсѣмъ древнюю старушку артиллеристы устроили на орудіи, на сидѣніи для прислуги; дѣвочка въ башлыкѣ ѣхала на зарядномъ ящикѣ.

Пришелъ, наконецъ, мой компаньонъ, съ сынишкой, свояченицей и небольшимъ чемоданчикомъ.

Двуколка съ хлѣбомъ не появлялась. Она очевидно пошла по другой дорогѣ или же попалась въ руки большевикамъ.

Мы ждали около двухъ часовъ. Обозы стали рѣдѣть, лишь съ Подола тянулись послѣдніе возы.

Возчики говорили, что Подоль уже занятъ большевиками.

Наконецъ, къ нашей радости, показался знакомый развѣдчикъ.

— Ступайте за обозами, — сказалъ онъ, — первая рота и двуколка съ хлѣбомъ направилась по Фундуклеевской къ Кадетской рошѣ. Тамъ гдѣ-нибудь встрѣтятся. Наши цѣпи на Крещатикѣ прикрываютъ отступленіе, — и онъ снова убѣждалъ.

Послѣ минуты раздумья, мой спутникъ снялъ шапку и истово перекрестился.

Его свояченица, молодая дѣвушка, оглядѣлась кругомъ и тоже перекрестилась. На глазахъ у нея блеснули слезы.

— Идемъ, — сказала она, беря мальчика за руку.

Еще одинъ мигъ томленія, еще какія то быстрыя, безшумныя, неуловимыя мысли.

Мы тронулись.

И съ первымъ шагомъ то загадочное и непонятное, что всегда, можетъ быть, живетъ въ человѣкѣ, но что говоритъ лишь въ самые большіе моменты, вдругъ проснулось, взметнулось и подняло сознаніе превыше пространства и времени. И оттуда, съ этой высоты, въ единый мигъ, въ которомъ не было длительности, на безконечной равнинѣ, въ безконечномъ отдаленіи выявилась вся прошлая жизнь. И по вѣщему наитію стало ясно, что съ этимъ прошлымъ кончено, разъ навсегда. Всѣ образы сгрудились, сдвинулись, слиплись въ одинъ

безформенный комъ и, словно съ дыханіемъ, скользнули внутрь. По тѣлу пробѣжала дрожь тоски и печали, но на душѣ стало спокойнѣе, свѣтлѣе, свободнѣе.

Прошлаго не было; было одно только будущее. Что оно несло въ себѣ?

Парижъ, 1926.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Глава	I		7
Глава	II		27
Глава	III		45
Глава	IV		61
Глава	V		80
Глава	VI		99
Глава	VII		118
Глава	VIII		139
Глава	IX		159

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Для Германіи:

**Fremdsprachen - Buchhandlung H. SACHS A. G.
Berlin S. W. 48, Verl. Hedemannstr. 6.**

для Франціи:

**Книжный магазинъ «МОСКВА»
9, rue Dupuytren, Paris (6°)**